ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Выпускъ 53-й.

Съ 4 таблицами и 133 рисунками въ текстѣ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1914.

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Выпускъ 53-й.

Съ 4 таблицами и 133 рисунками въ текстѣ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1914.

Печатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Авторъ первыхъ двухъ статей настоящаго выпуска, подававшій большія надежды молодой археологъ Андрей Вячеславовичъ Тищенко, во время печатанія выпуска 19-го сентября 1914 г. погибъ смертью храбрыхъ на полѣ брани.

Bulletin de la Commission Impériale Archéologique.
53-ème livraison.

Table des matières.

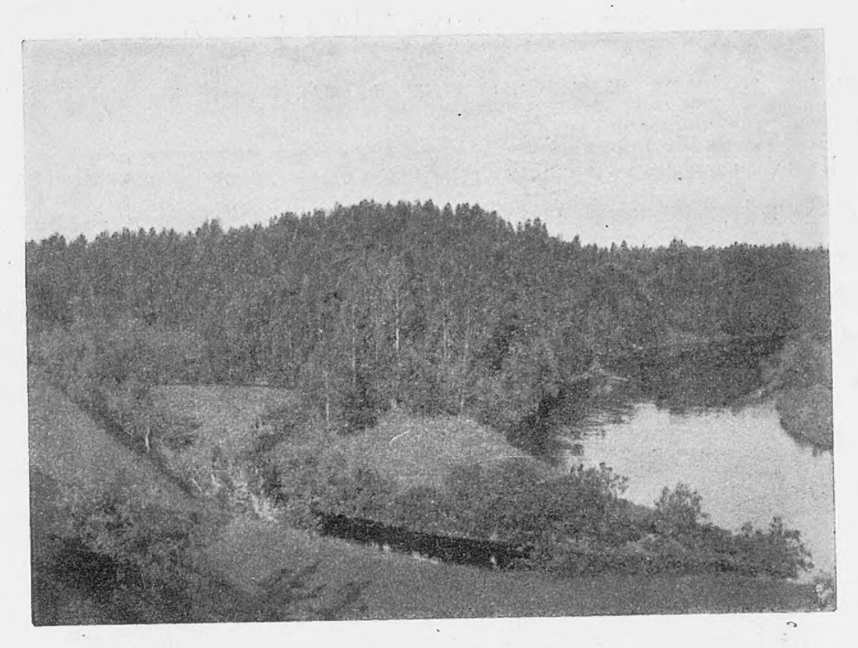

Рис. 1. Ловницкое городище.

Отчетъ о раскопкахъ 1910 и 1911 гг. въ Новгородской губерніи.

Весною 1910 г. Имп. Археологическою Коммиссіею поручено было мнѣ произвести раскопку городища Дьякова типа, обнаруженнаго незадолго до этого С. Н. Тройницкимъ близъ дер. Ловницы Валдайскаго уѣзда. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ работа не могла быть закончена въ томъ же году и была продолжена въ слѣдующемъ въ нѣсколько расширенной программѣ, именно въ задачу изслѣдованія включена была раскопка окрестныхъ широкихъ курганчиковъ.

Раскопка городища. Городище (рис. 1 представляетъ общій видъ его со стороны дер. Ловницы) расположено на песчаномъ мысу, образуемомъ сліяніемъ рѣкъ Ловницы и Березайки. Западный склонъ его, обращенный къ р. Ловницѣ, положе и благодаря этому густо поросъ лѣсомъ, какъ и вся площадка городища. Восточный склонъ обрывисто спускается къ подмывающей его Березайкѣ, что позволяетъ легко опредѣлить вертикальный разрѣзъ городищенскаго мыса. Весь онъ состоитъ изъ мощнаго слоя песка, положеннаго на массивный пластъ известняка, появляющійся въ $^1/_2$—1 аршинѣ выше уровня рѣчки. Площадка городища вытянута въ видѣ неправильнаго трехугольника съ З. на В. Стрѣлка обращена къ З., и эта часть наиболѣе пострадала отъ осыпей какъ въ Ловницу, такъ и въ Березайку. Отъ обваловъ уменьшилась и сѣверная сторона городища, обращенная къ Березайкѣ. Съ восточной стороны мысъ

огражденъ тройнымъ рядомъ насыпныхъ валовъ; первый къ площадкѣ городища наиболѣе крупный (рис. 2).

Цѣлью раскопокъ площади городища было найти возможные на ней остатки жилья или иныхъ какихъ-либо сооруженій, а также собрать достаточное количество вещицъ, по которымъ можно было бы причислить изслѣдуемое городище къ той или другой изъ извѣстныхъ культуръ. Благодаря осыпи съ сѣв. стороны, прослѣдить общій профиль культурнаго слоя городища представлялось дѣломъ нетруднымъ; стоило лишь обравнять и зачи-

Рис. 2. Первый валъ городища.

стить верхній слой осыпи. Зачистка обнаружила, что вся площадка лежитъ правильно въ одной плоскости; только на самой стрѣлкѣ наблюдается небольшое возвышеніе, повидимому, остатокъ осыпавшагося въ обѣ стороны вала, отъ котораго осталась часть шириною не болѣе сажени (нижній чертежъ на рис. 3). Валъ насыпанъ изъ земли, смѣшанной съ мелкими угольками и золой; такая земля составляетъ культурный слой всего городища и обнаруживается непосредственно подъ слоемъ сосновыхъ иголъ и мха. Въ этомъ слоѣ сосредоточены всѣ находки, но по зачищаемой стѣнкѣ найдены лишь два грубые черепка. Культурный слой тянется довольно ровной лентой въ 3—4 вершка толщины и на всемъ протяженіи площадки городища углубляется лишь 5 разъ небольшими ямами съ пологими стѣнками, не глубже $^{3}/_{4}$ аршина. Ямы

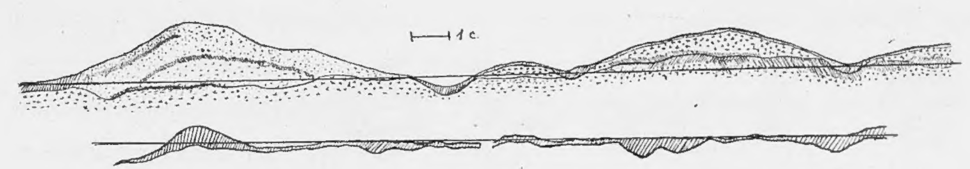

Рис. 3. Ловницкое городище. Продольный разрѣзъ справа налѣво.

эти заполнены землей того же состава и какихъ-либо особенностей въ устройствѣ или содержаніи не представляютъ. Въ общемъ создается такое впечатлѣніе, что онѣ произошли отъ корчевки лѣса, росшаго на площадкѣ городища. Такъ какъ на городищѣ или, по мѣстному названію, «батареѣ» и до сихъ поръ растетъ много сосенъ, и ихъ приходилось корчевать, то легко было замѣтить, что образующіяся отъ корчевки ямы поразительно напоминаютъ своей формой ямы, обнаруженныя въ разрѣзѣ культурнаго слоя. Длина защищенной стороны, включая валы, равнялась 33 саж. 1 арш.

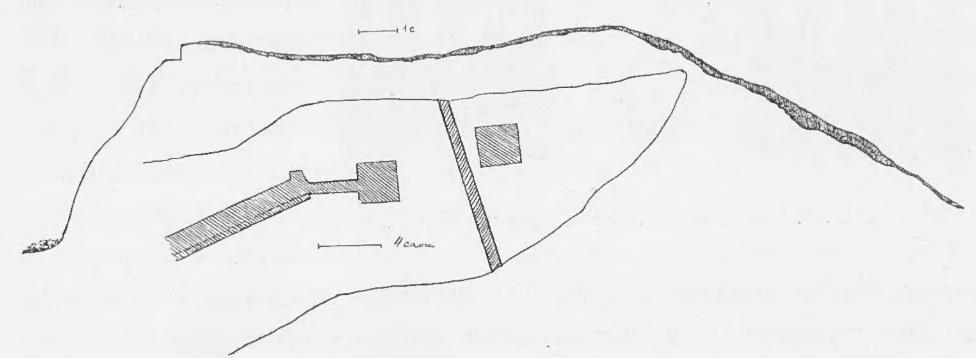
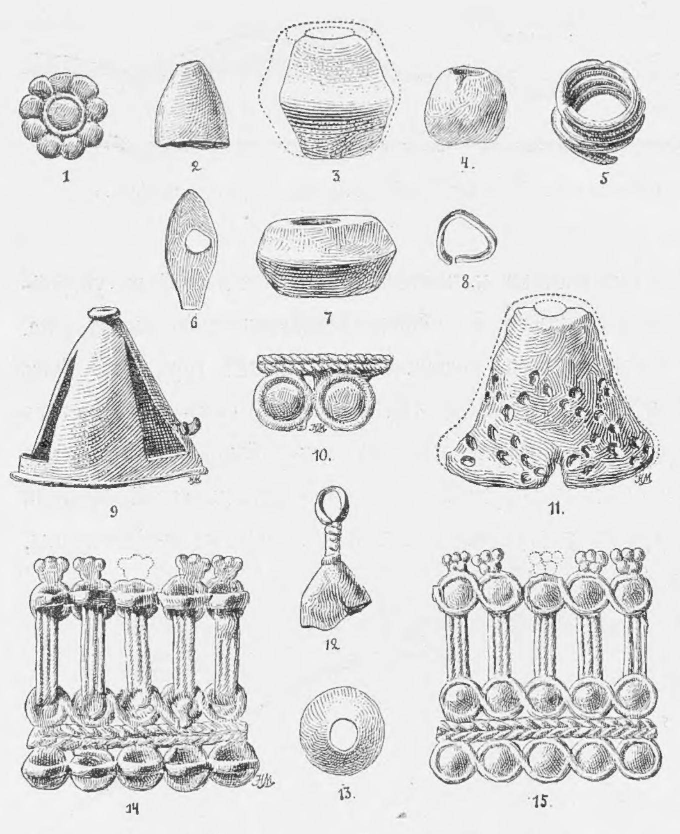

Рис. 4. Поперечный разрѣзъ и планъ городища.

Траншеей *c* (нижній чертежъ на рис. 4) городище было разрѣзано поперекъ. Траншея взята шириною въ 2 аршина, глубиною отъ $1^1/_4$ арш. до $1^1/_2$ арш.; общая длина ея 10 саж. По траншеѣ обнаружены 6 ямъ, подобныхъ найденнымъ при зачисткѣ, но двѣ изъ нихъ, болѣе глубокія и раскопанныя мною отдѣльно, достигали глубины 1 арш. 6 вершк. По устройству своему ямы совершенно сходны съ описанными выше, только у этихъ на днѣ земля имѣетъ болѣе темный оттѣнокъ, и въ темной землѣ культурнаго слоя, заполняющей ихъ, найдено нѣкоторое количество пережженныхъ косточекъ. Изъ находокъ этой траншеи интересны: мѣдный колокольчикъ безъ язычка съ обломившимся ушкомъ и треугольными вырѣзами въ стѣнкахъ (рис. 5 № 9) и маленькій колокольчикъ же безъ язычка и спиральки (рис. 5 № 2).

Рис. 5. Находки съ Ловницкаго городища.

Между траншеей *с* и стрѣлкой городища былъ заложенъ кессонъ *а*, находящійся немного на склонѣ, такъ что когда для удобства работы онъ былъ разбитъ на 9 равныхъ клѣтокъ, то сторона, обращенная къ р. Ловницѣ, оказалась ниже. Въ ея сторону культурный слой утолщается, и здѣсь сосредоточено наибольшее количество вещей. Ямъ не обнаружено. Изъ находокъ отсюда происходитъ колокольчикъ, аналогичный предыдущему, остальныя — нѣсколько кусковъ желѣзнаго сплава; на грунтовомъ пескѣ найдено нѣсколько кусковъ пережженнаго и расколовшагося отъ жару камня. Въ 4-й клѣткѣ въ слоѣ материковаго песка найденъ отдѣльный черепокъ, весь орнаментированный, не подходящій ни по техникѣ, ни по орнаменту и составу матеріала, къ другимъ остаткамъ керамики городища; этотъ черепокъ относится, надо думать, къ болѣе раннему времени.

Второй кессонъ (*b*) заложенъ между траншеей *с* и первымъ валомъ городища въ мѣстѣ, гдѣ площадка городища дѣлаетъ небольшой уклонъ къ рединѣ, такъ что можно предполагать нѣкоторый наплывъ культурнаго слоя въ эту сторону. Кессонъ также былъ разбитъ на 9 равныхъ квадратовъ, со сторонами въ 2½ арш. Составъ культурнаго слоя тотъ же, что и въ кессонѣ *а*, характерныхъ ямокъ тоже не замѣчено. Въ этомъ кессонѣ встрѣчено нѣсколько пережженныхъ на огнѣ камней, кремневыхъ, кварцевыхъ и песчаниковыхъ породъ. Впечатлѣніе «колотаго» камня оставляютъ лишь песчаниковыя породы, «бруски», какъ ихъ называли рабочіе. Чтобы выяснить ихъ

происхожденіе, въ окрестностяхъ были собраны голыши этихъ породъ и положены на сильный огонь; получились тѣже самые расколы, какъ и находимые на городищѣ. Кремень раскалывался острыми плиточками и изъ желтаго превращался въ сѣровато-бѣлый. Кварцевыя породы разсыпались на зерна дресвы, а песчаниковыя плитки кололись на куски по толщинѣ. Въ кессонѣ *b* удалось собрать цѣлую такую песчаниковую плитку, у которой верхній край сглаженъ, какъ и у большинства другихъ находимыхъ кусковъ, и гладкая сторона значительно темнѣе другой, точно она была на сильномъ дыму и закоптилась. Такимъ образомъ, находимый на городищѣ камень не «колотый», а пережженный. Кромѣ находокъ камня и вездѣ встрѣчающихся черепковъ, въ этомъ же кессонѣ найдены мѣдная пуговка (рис. 5 № 1) и обточенное костяное шильце съ обломаннымъ кончикомъ.

Послѣдней работой на площади была траншея *d*, проведенная отъ кессона *b* къ первому валу съ цѣлью прослѣдить устройство основанія вала. Траншея восточнымъ концомъ уперлась въ пробную яму г. Тройницкаго. Длина траншеи 6 саж. 10 в., ширина близъ кессона 2 арш., но близъ вала она увеличивается до $3^1/_4$ арш., чтобы захватить упомянутую яму. До половины траншеи слой одинаковъ съ кессономъ *b*; ближе къ городищу онъ идетъ болѣе мощнымъ сплошнымъ слоемъ темной земли (угольной). Весьма характерно для городища то, что уголь въ кускахъ встрѣченъ лишь въ насыпи перваго вала, въ культурномъ же слоѣ площадки онъ попадается лишь изрѣдка въ мелкихъ кусочкахъ. Главная же масса слоя состоитъ изъ угольнаго порошка, перемѣшаннаго съ пескомъ. Тамъ, гдѣ угля больше, слой становится темнѣе и жирнѣе, дѣлается даже маркимъ. Въ этой траншеѣ найдено глиняное пряслице и обломокъ другого (рис. 5, № 7 и 3). Въ просѣянномъ выкидѣ изъ ямы г. Тройницкаго найденъ мѣдный колокольчикъ на обрывкѣ мѣдной же спирали.

Въ виду того, что склонъ къ р. Ловицѣ довольно отлогъ (45°), и оползающая земля вмѣстѣ съ различными вещами могла на немъ задержаться, здѣсь была проложена траншея до самаго луга близъ рѣчки. Для траншеи былъ выбранъ склонъ поотложе и посвободнѣе отъ деревьевъ, корчевка которыхъ представляла не малыя затрудненія. Проведена она была на сажень отъ ю. конца траншеи *c* по направленію къ стрѣлкѣ городища, длиною 10 саж., шириною $1^1/_2$ арш. Культурный слой близъ площадки оказался всего 6 вершковъ; къ серединѣ склона онъ постепенно утолщается, достигая мощности въ $1^1/_2$ арш. Приблизительно съ половины склона онъ снова становится тоньше, доходя до $^1/_4$ арш. (см. верхній чертежъ на рис. 4). Находки сосредоточены главнымъ образомъ въ средней

части склона. Здѣсь найдены маленькая глиняная чашечка съ отогнутыми краями и узкимъ донышкомъ и обломокъ мѣдной подѣлки, нагруднаго украшенія (рис. 5 № 10). Благодаря обилію находимыхъ черепковъ и интереснымъ находкамъ, рѣшено было провести вторую траншею по тому же склону. Ее провели на 3½ саж. западнѣе траншеи *c*. Слой ея также утолщается къ серединѣ, достигая толщины въ 1 арш. 3 в. Здѣсь онъ наиболѣе отлогъ (чертежъ № 4). Далѣе онъ снова дѣлается тоньше, и у основанія городища толщина его доходитъ лишь до 5 вершк., что объясняется крутизной склона и другой причиной, о которой будетъ сказано далѣе. Находки снова наиболѣе обильны въ средней части, гдѣ слой толще. Къ основанію ихъ становится все меньше и меньше и, наконецъ, онѣ совсѣмъ прекращаются тамъ, гдѣ слой тонокъ и нѣтъ деревьевъ, задерживающихъ оползающій слой почвы своими корнями. Въ траншеѣ обнаружено особенно большое количество черепковъ; кромѣ того, найдены: красная глиняная бусина съ широкимъ отверстіемъ (рис. 5 № 4); обломокъ пряслица конической формы, орнаментированнаго рядомъ вдавленныхъ точекъ (рис. 5 № 11); такое же пряслице цѣлое, но съ инымъ орнаментомъ; такое же пряслице значительно меньшаго размѣра съ зубчатыми крайчиками, но безъ орнамента; значительная часть большого пряслица такой же формы, орнаментированнаго третьимъ узоромъ.

Такъ какъ слой сползалъ на лугъ къ рѣчкѣ Ловницѣ, то на лугу при окончаніи первой траншеи былъ заложенъ кессонъ тѣхъ же размѣровъ, что и верхніе (7½ × 7½ арш.), и углубленъ въ материкъ на 1 арш. Подъ слоемъ гумуса (а не подъ тѣмъ, что на городищѣ), весьма тонкимъ (не болѣе 2 вершк.), идетъ мокрый песокъ, сначала бѣлый, а затѣмъ постоянно переходящій въ желтый материковый. Песокъ совершенно мокрый отъ близости воды и очень трудно просѣвается. Находокъ въ этомъ кессонѣ не было никакихъ. Рабочіе объяснили, что въ половодье вода заливаетъ лужокъ и льдинами часто сдираетъ верхній слой почвы. Поэтому здѣсь и не обнаруженъ оползшій съ городища слой: его уноситъ при разливахъ.

Итакъ, оказалось, что городище состоитъ изъ одного сплошного культурнаго слоя въ 4—6 вершк. толщины, прерываемаго изрѣдка круглыми въ сѣченіи и плоско коническими въ профилѣ ямами отъ выкорчеванныхъ деревьевъ. Въ этомъ слоѣ и сосредоточены всѣ находки: черепки, косточки и различныя вещицы. По южному склону слой оползаетъ къ р. Ловницѣ и въ средней части склона достигаетъ наибольшей мощности. Въ нижней части склона слой частью

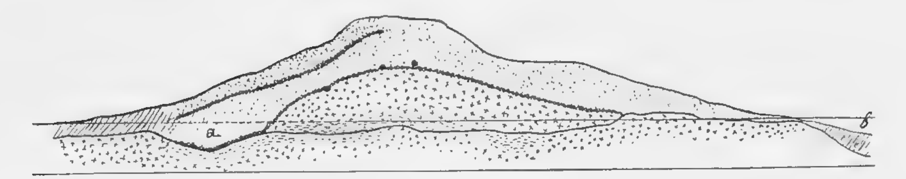

Рис. 6. Разрѣзъ перваго вала,

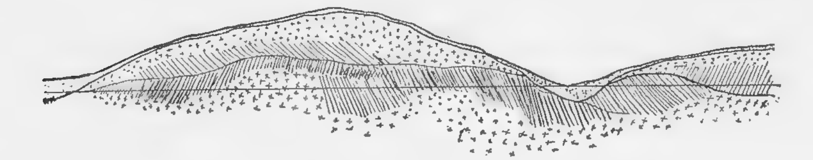

Рис. 8. Разрѣзъ третьяго вала.

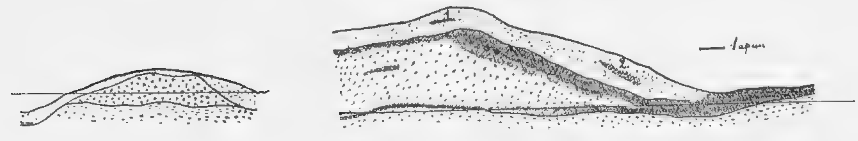

Рис. 7. Второй валъ. Рис. 9. Разрѣзъ перваго вала посрединѣ.

смытъ разливами рѣки и лишенъ находокъ. То же самое нужно сказать и про лугъ, расположенный непосредственно подъ склономъ городища.

Для изслѣдованія валовъ городища послужила первая траншея, обнаружившая напластованія со стороны р. Березайки (на рис. 4 общій планъ и профиль площадки городища, на рис. 3 сверху общій профиль всѣхъ трехъ валовъ, на рис. 6—8 профили отдѣльныхъ валовъ, въ увеличенномъ масштабѣ) и, кромѣ того, наиболѣе интересный первый валъ былъ разрытъ по серединѣ (рис. 9) широкой траншеей. Особенности въ устройствѣ обнаружены лишь въ первомъ валѣ; остальные валы по своему устройству просты и однородны.

Первый валъ первоначально насыпанъ на ровномъ мѣстѣ, являющемся продолженіемъ площадки городища; онъ имѣетъ крутой склонъ съ восточной стороны и очень отлогъ съ западной, насыпанъ съ в. стороны изъ ровика, закрытаго позднѣйшей насыпью (отмѣченъ на чертежѣ № 6 буквой *a*). Несомнѣнно, однако, что для насыпки цѣлаго вала земли изъ ровика было недостаточно. Предположить, что валъ присыпанъ съ зап. стороны тѣмъ же способомъ, конечно, возможно, но практически это трудно выполнимо, такъ какъ насыпь вала, какъ это ясно по чертежу, отстоитъ отъ ровика самое меньшее на 3 саж., а на такое разстояніе бросать лопатой землю невозможно. Остается предположить, что песокъ подвозился для насыпки откуда-то со стороны, и привознымъ пескомъ насыпаны западная и верхняя части вала.

Это предположеніе получаетъ нѣкоторое подкрѣпленіе, если прослѣдить за чередованіемъ слоевъ песка въ насыпи. Въ основаніи ея въ восточной части лежитъ слой бураго песка, залегающій непосредственно подъ дерновымъ слоемъ. При насыпкѣ вала изъ ровика *а* лопата прежде всего должна была наткнуться на этотъ бурый песокъ, и онъ естественно попалъ въ основаніе насыпи. Изъ ровика же частью захватили и грунтового желтаго песка, который легъ надъ бурымъ. Этимъ же пескомъ дополнили насыпку первоначальнаго вала. Этотъ валъ самостоятельно существовалъ, повидимому, не долго, такъ какъ восточный его склонъ остается еще крутымъ и не успѣлъ оползти, что непремѣнно случилось бы, будь время его службы продолжительнымъ. Во второй разъ сооруженіе или, вѣрнѣе, присыпка вала носитъ уже болѣе сложный характеръ. Чтобы укрѣпить отъ оползанія и осѣданія насыпь первоначальнаго вала, ее сплошь по длинѣ вала обкладываютъ сосновыми бревнами, достигающими толщины 5 вершковъ. Большая часть бревенъ сгорѣла и разсыпалась въ уголь; нѣкоторыя бревна лишь обуглились. Уголь до сихъ поръ такъ хорошъ, что рабочіе, отправляясь домой, постоянно набирали его для самоваровъ. На бревнахъ ясно замѣтно самое строеніе дерева и годовые слои, судя по которымъ думается, что обжигались сосновыя бревна. Отъ сильнаго огня песокъ подъ слоемъ угля и недогоравшихъ бревенъ спекается, становится краснѣе и плотнѣе обыкновеннаго. Самый составъ насыпи мѣняется. Для нея берутъ уже не чистый материковый песокъ, а мѣшаный съ угольками. Въ то же время это и не земля теперешняго культурнаго слоя городища, гдѣ цѣлыхъ угольковъ значительно меньше, а самый песокъ много темнѣе. Съ другой стороны, песокъ съ угольками могъ попасть въ насыпь вала только съ площадки городища, и думается, что это предположеніе не ошибочно. Дѣло въ томъ, что большое количество угольевъ или темный цвѣтъ песка насыпи могли появляться на площадкѣ только послѣ продолжительнаго пользованія городищемъ. Выше я уже высказалъ обратное предположеніе и, кажется, въ этомъ фактѣ оно находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе. Валъ былъ присыпанъ и въ первый разъ не на всемъ своемъ протяженіи, а лишь по восточному склону [1]). Снова были наложены и сожжены бревна, а для насыпи земля была взята опять съ площадки городища. На этотъ разъ земля снова отличается отъ насыпи предыдущаго раза: она значительно темнѣе и въ ней меньше цѣлыхъ угольковъ. Итакъ, въ третій разъ валъ былъ присыпанъ послѣ продолжительнаго проме-

[1]) Западной части вала нѣтъ на чертежѣ, такъ какъ она повреждена ямой предварительной раскопки.

жутка времени. Тѣ же три слоя насыпи рисуются и въ профиляхъ одной изъ стѣнокъ поперечнаго разрѣза (черт. № 9). Въ этомъ чертежѣ необъяснимой остается только небольшая прослойка темной земли въ средней части первоначальнаго вала; ни на западъ, ни на востокъ она не имѣетъ продолженій. Вѣроятно, происхожденіе ея случайнаго характера. Этотъ разрѣзъ имѣетъ еще одну маленькую особенность: третья присыпка распространяется здѣсь не только на восточную сторону вала, но и на западную. Этому доказательствомъ служатъ двѣ темныхъ прослойки отъ перегорѣлыхъ бревенъ, помѣченныя на чертежѣ цифрами 1 и 2.

Раскопка вала была особенно трудна, такъ какъ на немъ густо растутъ сосны, и порядочное количество ихъ пришлось выкорчевать; второй трудностью была зачистка стѣнки. Благодаря высотѣ вала (около 4$^1/_2$—5 арш.) и песчаной почвѣ, пришлось траншею черезъ валъ вести съ весьма отлогими стѣнками во избѣжаніе осыпки. Внизу траншея имѣла въ ширину 2 арш., на верху же она расширялась до 1$^1/_2$ саж. При раскопкѣ вала попадались прежнія находки: въ довольно большомъ количествѣ шли черепки, причемъ различія какъ въ техникѣ, такъ и въ различіи формъ и матеріала между черепками, попадавшимися въ нижнихъ и верхнихъ слояхъ вала, не замѣчалось. Никакихъ находокъ въ насыпи первоначальнаго вала сдѣлано не было, что лишній разъ подтверждаетъ предположеніе о сооруженіи его при самомъ началѣ устройства городища. Попадались косточки, какъ обожженныя, такъ и не обожженныя; изъ послѣднихъ отличимы часть лошадиной челюсти съ зубами и два бобровыхъ зуба. Изъ вещей отсюда происходятъ: красная бусина, подобная найденной на склонѣ, обломки какого-то желѣзнаго предмета неизвѣстнаго назначенія, желѣзный же гвоздь и желѣзный ножъ со слѣдами деревянной рукоятки. Находки попадаются какъ въ слояхъ темной угольной земли, такъ и въ слояхъ мѣшаной земли съ городища.

Второй валъ, самый малый, по устройству своему простъ. Онъ даже насыпанъ въ одинъ разъ, и его не повышали. Образовался онъ изъ двухъ выемокъ: восточной, служившей главнымъ образомъ для насыпки перваго вала, и западной, изъ которой брали землю для насыпки третьяго вала. Насыпь цѣликомъ состоитъ изъ желтаго грунтового песка, такъ что бурый, лежащій непосредственно подъ почвеннымъ слоемъ, песокъ совсѣмъ не попалъ въ нее. Зато этотъ песокъ лежалъ въ основаніи насыпи третьяго вала, гдѣ онъ насыпанъ довольно значительнымъ слоемъ до аршина толщиной; выше идетъ насыпь изъ желтаго основного песка. Насыпь сдѣлана тоже въ одинъ разъ, и болѣе позднихъ при-

сыпокъ не было. Въ восточной части насыпи прямо подъ грунтомъ, на которомъ положенъ валъ, а въ части зачищеннаго материковаго слоя перебивая основной слой грунтового желтаго песка, проходитъ блестяще-черный слой авгитоваго или рогово-обманковаго песка, который рабочіе мѣтко окрестили «порохомъ». Такимъ образомъ оказывается, что первоначально существовали всѣ три вала; затѣмъ первый валъ былъ присыпанъ землей съ городища, причемъ первоначальный валъ предварительно былъ обложенъ сосновыми бревнами, для того чтобы обжечь и укрѣпить его насыпь. То же самое предпринято во второй разъ, но обжигъ сдѣланъ не такъ тщательно; обожжена была лишь восточная сторона; на западной слѣды обжиганія замѣтны лишь мѣстами. Составъ песка во вторичной присыпкѣ также темнѣе, что указываетъ на большій сравнительно съ первой присыпкой промежутокъ времени въ жизни городища. Этой работой раскопка городища была окончена. Ни въ одной изъ траншей черезъ валъ не попалось какихъ-нибудь каменныхъ сооруженій для укрѣпленія вала. Основанія каждаго изъ валовъ были пройдены желѣзнымъ щупомъ, но и эта работа не дала результатовъ.

Раскопка кургановъ. По сосновому бору, начинающемуся сейчасъ за городищемъ, тамъ и сямъ разбросаны курганы, отстоящіе одинъ отъ другого на 25—150 саженъ. Курганы расположены въ одиночку, иногда по два, и направленіе имѣютъ на СЗ. Всѣ насыпи широкія и плоскія. Въ виду того, что онѣ такъ разбросаны, приходилось посылать ихъ отыскивать. Часть кургановъ испорчена грабительскими раскопками, другая поросла крупными соснами и для раскопки неудобна. Всего раскопано 5 кургановъ. Четыре изъ нихъ по своему внѣшнему виду схожи, пятый же по виду и по внутреннему устройству отличается отъ другихъ.

Курганъ № 1 расположенъ ближе всего къ городищу и находится на землѣ Н. А. Тройницкаго (какъ и городище) у дороги изъ д. Ловницы въ Надежино. Курганъ почти круглой формы (6 саж. $^1/_2$ арш.$\times 5^1/_2$ саж.), высотою 15 в. Онъ окруженъ ровикомъ, мѣстами заплывшимъ. Насыпь его состоитъ изъ желтаго песка, идущаго, какъ показала пробная ямка, сразу подъ слоемъ почвы. Въ центрѣ кургана почти сразу подъ дерномъ встрѣчено нѣсколько человѣческихъ пережженныхъ косточекъ, разсѣянныхъ по сѣверному склону курганчика. Въ ровикѣ этой части его, достигающемъ здѣсь глубины 12 вершк., непосредственно подъ слоемъ дерна обнаружено пятно мелкихъ угольковъ и золы, на которыхъ въ обиліи лежали сильно пережженныя человѣческія косточки (найденъ дѣтскій коренной зубъ, бывшій въ огнѣ). Пятно неправильной формы,

длиною СЮ. — 1 арш. 5 в., ЗВ. — $^3/_4$ арш. Все пятно было тщательно просѣяно сквозь сито и дало около 2 фунтовъ косточекъ и желѣзную пряжку отъ пояса, побывавшую въ сильномъ огнѣ. Въ ровикѣ же съ противоположной стороны, на глубинѣ отъ 4 до 6 вершковъ, встрѣчены куски сосуда изъ сѣрой хорошо обожженной глины съ небольшой примѣсью мелкаго песка. Сосудъ сдѣланъ на гончарномъ кругѣ и имѣетъ красивый отгибъ вѣнчика; при небольшомъ днищѣ, этотъ горшокъ имѣетъ довольно отлогія стѣнки, снова суживающіяся къ горлышку. По формѣ и техникѣ онъ напоминаетъ русскіе горшки поздняго времени, почему принадлежность его къ составу погребенія можетъ быть признана весьма сомнительной.

Курганъ № 2 расположенъ въ лѣсу на землѣ г. Татищева, какъ и остальные. Онъ кажется нѣсколько выше, такъ какъ расположенъ на небольшомъ естественномъ возвышеніи; размѣры его: СЮ.—11 арш., В. З.—13 арш.; высота 1 арш., глубина ровика 8 в., ширина его 12 в. Насыпь такого же состава, какъ и въ предыдущемъ курганѣ. По всему основанію кургана идетъ толстая зольная прослойка (отъ 3 до 5 в.) съ угольками. Въ центрѣ кургана на этомъ же слоѣ горшокъ. Этотъ курганчикъ, какъ и послѣдующіе, раскопанъ былъ сегментами, причемъ между ними оставался крестъ, по которому можно было точно прослѣдить чередованіе слоевъ насыпи. По окончаніи раскопа разбиралась и крестовина.

Курганъ № 3 по устройству аналогиченъ предыдущему и отличается отъ него только размѣрами ($13^1/_4 \times 13^1/_4$ арш. $\times$ 1 арш. 10 в.). Насыпь расположена на слоѣ золы, перемѣшанной съ угольками; толщина этого слоя около вершка. На немъ обломки горшка той же техники, что и въ предыдущемъ курганѣ. Въ южной полѣ кургана, приблизительно на аршинъ отъ его центра и на 2 вершка выше зольной прослойки, обнаружено позднѣйшее впускное погребеніе, отъ котораго сохранились лишь части черепа и кости ногъ. Покойникъ оріентированъ былъ головою на З. Находокъ при немъ никакихъ не оказалось.

Курганъ № 4 расположенъ близъ дороги въ Надежино (саж. 25—30). Ровикъ сильно занесенъ оползшею насыпью. Размѣры: С.Ю.—18 арш., В.З.—19 арш., высота 1 арш. 3 в. Насыпь выступаетъ на нулевомъ слоѣ очень ясно (черт. 10 *b*). Ровикъ при разрѣзѣ тоже хорошо виденъ (черт. 10 *c*), особенно съ сѣверной части

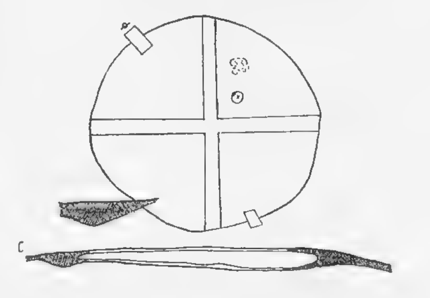

Рис. 10. Ловница. Курганъ № 4.

Рис. 11. Ловница. Курганъ № 5.

курганчика. Южная часть насыпи расположена на склонѣ, и потому ровикъ оползъ внизъ и не можетъ быть прослѣженъ съ такой опредѣленностью. Песокъ насыпи пронизанъ большимъ количествомъ мелкихъ угольковъ, но слѣдовъ золы или кострища нигдѣ не найдено. Лишь въ сѣверномъ сегментѣ (черт. 10 *a*) замѣчена небольшая кучка ихъ. Несмотря на то, что курганъ былъ снятъ весь до основанія и материковая земля подъ нимъ перекопана на 2 штыха, не найдено слѣдовъ погребенія.

Курганъ № 5 на гари, саженяхъ въ 20 къ В. отъ дороги изъ Ловницы въ Бѣленецъ (рис. 11). Размѣры его 8 арш. × $5^1/_4$ арш. × 7 в. Ровикъ замѣтенъ довольно ясно со всѣхъ сторонъ. Съ в. части кургана ямка отъ выемки песка для засыпки лѣсного пожара 1910 г. (черт. 12). Раскопка начата была съ с. стороны, гдѣ непосредственно подъ дерновымъ слоемъ обнаружилась зола. Къ серединѣ кургана появилась и насыпь, достигающая до 4 вершк. толщины. Слой угля съ золой очень толстъ, угли крупные. Въ с. части слой оползаетъ въ ровикъ, гдѣ найдены были двѣ полуобгорѣлыя головни. Обнаженный слой былъ просѣянъ, но ни косточекъ, ни другихъ находокъ не было найдено.

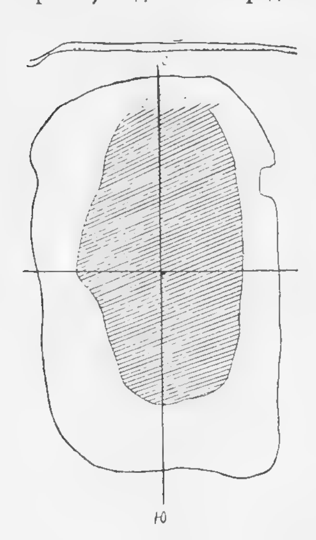

Рис. 12. Ловница. Курганъ № 5.

Окончивъ раскопку въ Ловницѣ, перебрались въ с. *Березовскій рядокъ*, гдѣ, по указаніямъ г. Романцева [1]), имѣются около бора двѣ сопки. Въ день пріѣзда вечеромъ «сопки» были осмотрѣны. Оказалось, что онѣ стоятъ въ группѣ плоскихъ и широкихъ курганчиковъ (среди которыхъ имѣется и одинъ длинный) разбросанныхъ по бору, по по-

[1]) Романцевъ, О курганахъ, городищахъ и жальникахъ Новгородской губерніи, стр. 30. Новгородъ, 1911.

ляпкамъ и мелкому подлѣску къ Ю. отъ дороги изъ села. Опушка лѣса спускается къ небольшой низинкѣ, гдѣ раньше, вѣроятно, протекала рѣчка или ручеекъ. Раскопанъ одинъ курганъ въ бору, 3 плоскихъ на опушкѣ и длинный курганъ. «Сопокъ» не удалось раскопать, такъ какъ одна изъ нихъ уже уничтожена крестьянами въ 1910 г. По разсказамъ, въ ней была найдена сабля, проданная въ Бологое. Раскопъ веденъ широкой ямой, сверху достигшей, повидимому, до самаго основанія кургана. Второй курганъ испорченъ много

Рис. 13. Березовскій рядокъ. Курганъ № 1.

раньше. Раскопаны были всѣ широкіе курганчики на опушкѣ, по виду ничѣмъ не отличавшіеся отъ Ловницкихъ, и одинъ такой же въ бору.

Курганъ № 1 совершенно такого же устройства, какъ и Ловницкій курганъ № 4, размѣрами $4^1/_3$ саж. $\times$ 12 вершк. Ровикъ заполненъ темноватой перегнойной землей, оползшей съ насыпи; угольки попадались въ очень незначительномъ количествѣ. Косточекъ и иныхъ находокъ совсѣмъ не обнаружено. (Рис. 13).

Курганъ № 2 расположенъ на небольшомъ естественномъ возвышеніи; размѣры его: С.Ю.—15 арш., В.З.—16 арш., высота 10 в. Насыпь состоитъ изъ крупнаго буроватаго песку съ мелкими камешками, проникнутаго мелкими угольками. Въ основаніи кургана слоя золы съ углемъ не замѣчено. Иногда на материкѣ кусочки угля попадаются небольшими грудками. Въ юго-западномъ сегментѣ на сажень отъ центра обнаружена грудка пережженныхъ человѣче-

скихъ костей. Въ насыпи ближе къ основанію кургана попалось нѣсколько черепковъ отъ сосудовъ съ орнаментомъ каменнаго вѣка, нѣсколько осколковъ кремня и обломокъ каменнаго топора изъ сѣровато-зеленой мягкой породы. Какъ показала дальнѣйшая раскопка, вещи эти къ составу погребенія не имѣютъ никакого отношенія.

Курганъ № 3. Очень плоскій курганчикъ, сосѣдній предыдущему, размѣровъ: С.Ю.—20 арш., В.З.—$20^1/_2$ арш., высота 7 в. Устройство то же, что въ № 2. Въ ю.-в. сегментѣ въ 5 арш. отъ центра на нулевомъ слоѣ горшочекъ, той же формы, что въ Ловницкихъ курганахъ, съ костями пѣтуха. Въ ровикѣ около кургана попадались угольки. Въ этомъ курганѣ снова попадаются черепки, изъ которыхъ особенно любопытно острое донышко отъ большого сосуда, и кремневый скребочекъ со слѣдами вторичной оббивки. Эти находки по прежнему попадаются на нулѣ и въ первомъ штыхѣ по слою нуля.

Курганъ № 4, послѣдній изъ широкихъ курганчиковъ, лежитъ уже у самаго склона къ низинамъ, и насыпь его замѣтно сдвинулась внизъ (черт. 14). Размѣры: С.Ю.—4 саж. 2 арш., В.З.—$4^1/_2$ саж., высота $^1/_2$ арш. Курганъ насыпанъ на очень неровномъ мѣстѣ. Ровики съ поверхности не были замѣтны, но въ профилѣ и въ контрольныхъ канавахъ ясно обнаруживались. Подъ слоемъ дерна въ ю.-в. сегментѣ собрано около 20 мелкихъ пережженныхъ человѣческихъ косточекъ, которыя попадаются въ насыпи и въ мѣстахъ, отмѣченныхъ на планѣ кургана крестиками. Въ центрѣ насыпи найдена яма, въ которой собраны угольки и зола, оставшіеся отъ сожженія. Яма проникаетъ и въ грунтъ (на черт. 14 мѣсто, отмѣченное I); ея размѣры: глубина 12 в., ширина 10 в. Въ этомъ курганѣ подѣлки изъ камня и обломки керамики попадались особенно часто и такъ же, какъ и вездѣ, были сосредоточены главнымъ образомъ въ нижней части насыпи и на нулѣ. Интересны подѣлки изъ кремня: стрѣлка отличной работы, грубо оббитый клинъ съ полукруглой рабочей частью и большое остріе, попавшееся въ насыпи. Изъ шлифованныхъ орудій отсюда происходитъ длинный клинышекъ изъ сѣроватаго камня мѣстной породы и небольшой почти квадрат-

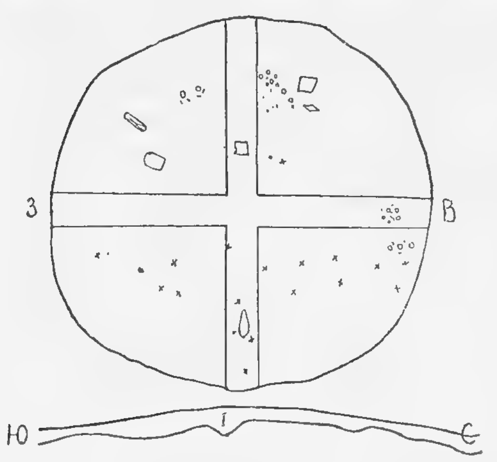

Рис. 14. Березовскій рядокъ. Курганъ № 4.

ный клинышекъ изъ того же матеріала съ остро отточеннымъ лезвіемъ. Изъ обломковъ посуды любопытенъ отвернутый крайчикъ прямогорлаго сосуда съ отверстіемъ конической сверлины, сдѣланной уже послѣ обжига.

Такъ какъ черепки сосудовъ здѣсь были иного типа, нежели сосуды, находимые въ широкихъ курганахъ, и, кромѣ того, подѣлки изъ камня не могли относиться къ составу погребенія, то рѣшено было по ровному мѣсту на опушкѣ провести траншею для обнаруженія стоянки болѣе ранняго времени. Траншею провели подальше отъ кургановъ; ближній конецъ ея отстоитъ отъ кургана № 3 на 12 саж., а южная часть лежитъ немного ниже. Культурный слой во всей траншеѣ тонокъ (2—3 в.) и углубляется лишь въ сѣверномъ концѣ траншеи въ неглубокую яму съ отлогими краями, глубина которой всего 6 в., а діаметръ около 1½ арш. По составу почвы яма не отличается отъ культурнаго слоя; впрочемъ, въ ней найдено нѣсколько мелкихъ угольковъ, которыхъ не замѣчено въ другихъ частяхъ траншеи. Яму, кажется, слѣдуетъ признать естественной, въ виду того, что на всей опушкѣ почва лежитъ на крайне неровномъ грунтѣ. Находки черепковъ и кремневыхъ обломковъ идутъ по всему протяженію траншеи, попадаясь также и въ ямѣ, гдѣ, кромѣ того, сдѣлана лучшая находка на стоянкѣ—шлифованное долото изъ чернаго кремня съ полукруглымъ лезвіемъ.

Вторую траншею провели между курганами №№ 3 и 4, прямо съ С. на Ю. Длина ея 10 саж., ширина 1½ арш. Слой темной земли, идущей надъ грунтовымъ пескомъ, тонокъ (2—3 в.), углубляется только близъ кургана № 4, образуя здѣсь широкую плоскую яму до 2 арш. діаметромъ. Вторая яма, расположенная на 4-ой сажени отъ кургана № 4, еще большаго діаметра, но такая же неглубокая (6—7 в.). Находки (кремневые осколки и черепки) попадаются на всемъ протяженіи. Черепки въ большемъ количествѣ попались во второй ямѣ, въ первой же найдено тылье того топора, обломокъ котораго найденъ въ курганѣ № 3. Въ ямахъ снова попалось небольшое количество угольковъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ или, вѣрнѣе, оплывшихъ вмѣстѣ съ заполнившимъ яму культурнымъ слоемъ.

Курганъ № 5, длинный, лежитъ саженяхъ въ 30 къ В. отъ только что описанныхъ раскопанныхъ кургановъ и въ 14 арш. къ югу отъ второй порченой сопки. Курганъ протянутъ съ С. на Ю.; длина его 40 арш., вышина 1 арш. 10 в. и 1 арш. 8 в., ширина до 2½ саж. Такъ какъ сносить весь курганъ было невозможно (это отняло бы слишкомъ много времени), то онъ былъ раскопанъ широкой продольной траншеей въ 2—2½ арш. ширины.

Траншея начата съ южнаго конца насыпи, но не доведена до конца; сѣверная часть кургана въ 2 саж. длины не была раскопана, такъ какъ повреждена глубокой грабительской ямой, достигающей 1¼ арш. въ глубину. Кромѣ этого была проведена поперечная траншея, отмѣченная на черт. 15 поперечными чертами и представленная на черт. 15 *b* въ разрѣзѣ. Эта траншея показала присутствіе ровиковъ вокругъ кургана, впрочемъ, замѣтныхъ и снаружи. Насыпь кургана состоитъ сверху изъ хрящеватаго свѣтлобураго песка, «хверша», по мѣстному названію. Ниже идетъ слой красноватаго песка до прежняго нуля. Подъ нимъ онъ прослѣживается снова, глубже начинается тотъ же «хвершъ». Лента (прежній нуль) ясно прослѣживается на всемъ протяженіи кургана и идетъ нигдѣ не прерываясь, что служитъ прямымъ указаніемъ на то, что курганъ насыпанъ весь въ одинъ разъ, а не образовался путемъ послѣдовательной присыпки нѣсколькихъ погребальныхъ насыпей къ одной

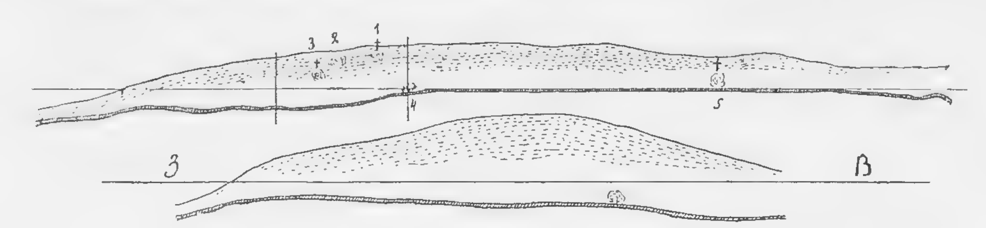
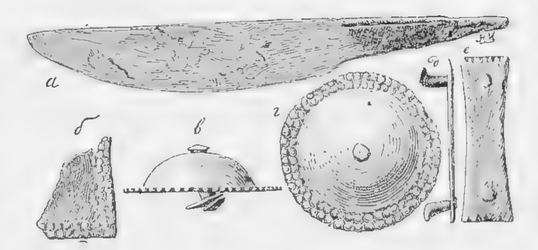

Рис. 15. Березовскій рядокъ. Курганъ № 5.

первоначальной. За это же говоритъ и равномѣрность въ чередованіи слоевъ песка въ самой насыпи. Поперечная траншея была проведена такъ удачно, что захватила 4 грудки костей и остатковъ погребеній. Кости собраны въ грудки, сложены въ перемежку съ пепломъ, но угольки тщательно отобраны. Любопытно, что грудки костей сложены какъ бы шаромъ и встрѣчаются на различныхъ высотахъ насыпи: двѣ попались почти сразу же подъ дерномъ, одна въ серединѣ насыпи и одна же на лентѣ. Каждая грудка просѣяна была отдѣльно, и при просѣиваніи оказалось, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются вещи. Наиболѣе интересны находки изъ первой грудки, въ которой высѣяны желѣзный, бывшій на сильномъ огнѣ ножъ (рис. 16 *а*), мѣдная выпуклая бляшка отъ пояса на желѣзномъ стержнѣ (рис. 16 *в* и *г*) и 2 королька стеклянныхъ бусъ. Въ третьей грудкѣ найдены: ножъ меньшаго размѣра, 4 обломка желѣзнаго шила и снова 2 королька бусъ. Грудки 2-ая и 4-ая не дали находокъ. На всемъ дальнѣйшемъ протяженіи кургана попалась лишь одна грудка пятая, самая богатая находками. Здѣсь высѣяны были 5 частицъ желѣзной обивки съ пояса, настолько сильно прокаленныхъ на огнѣ, что слѣды ржав-

Рис. 16. Вещи кургана № 5.

чины замѣтны лишь на двухъ изъ нихъ (на рис. *д* и *е*), зеленая стеклянная бусинка, четыре королька другихъ цвѣтовъ и 9 кусковъ обивки какого-то предмета въ видѣ тонкихъ мѣдныхъ пластинокъ, изъ коихъ нѣкоторыя украшены выдавленными съ обратной стороны глазками и точками (на рис. *б*). Въ нижнихъ слояхъ насыпи снова встрѣчено нѣсколько черепковъ той же техники и орнамента, какъ попадавшіеся въ насыпяхъ широкихъ кургановъ и въ траншеяхъ около нихъ. Наконецъ, на лентѣ довольно часто попадались отдѣльныя угольки, которые ни разу не встрѣчены въ насыпи. Такъ какъ они встрѣчены на всемъ протяженіи кургана, то весьма вѣроятно, что они не случайны, а играютъ какую-то роль въ погребальномъ обрядѣ. Въ общемъ остается впечатлѣніе, что сожженіе производилось гдѣ-то на сторонѣ, а въ длинный курганъ переносили лишь тщательно собранный прахъ покойника.

Послѣ раскопки въ Березовскомъ Рядкѣ предполагалось еще обслѣдовать городище, указанное г. Романцевымъ близъ с. *Панева*, Боровичскаго уѣзда [1]), но этого сдѣлать не удалось вслѣдствіе отсутствія рабочихъ рукъ. Все мѣстное населеніе было занято гонкою лѣса по р. Мстѣ, такъ какъ наканунѣ въ ея верховьяхъ были открыты шлюзы. Городище все же удалось осмотрѣть. Оно лежитъ въ казенномъ лѣсу на правомъ берегу Мсты противъ д. Полоной. Его отличная сохранность и прекрасное мѣстоположеніе невольно привлекаютъ вниманіе. Городище имѣетъ овальную форму. Площадка окружена валомъ, болѣе высокимъ на узкихъ концахъ. На этихъ же концахъ по серединѣ склона имѣется второй рядъ огражденій. На площадкѣ имѣется свѣжая грабительская яма, обнаружившая и культурный слой; онъ очень теменъ, толщиною въ этомъ мѣстѣ около $^1/_4$ арш.

Мстинскія городища до сихъ поръ не были обслѣдованы. Раскопанное близъ дер. Ловницы было первымъ, но ихъ извѣстно уже нѣсколько. За Трелучемъ, въ $3^1/_2$ в. отъ дер. Панева, лежитъ еще одинъ нетронутый городокъ, заброшенный среди болотъ, такъ что и доступъ къ нему едва возможенъ. Въ то же время находки на Мстинскихъ городищахъ настолько интересны, что дальнѣйшее изслѣдованіе ихъ кажется неизбѣжнымъ.

---

1) Ук. соч., стр. 9—10.

Несмотря на то, что результаты нашихъ раскопокъ далеко недостаточны для полной характеристики финскихъ культуръ этой мѣстности, все же они представляютъ возможность нѣкоторыхъ выводовъ и указанія аналогій. Самымъ обширнымъ матеріаломъ, оказавшимся въ нашемъ распоряженіи, надо признать черепки сосудовъ съ городища и черепки и цѣлые сосуды изъ широкихъ кургановъ. Первой особенностью городищенскихъ черепковъ является очень малое среди нихъ количество орнаментированныхъ. И эти послѣдніе настолько разнообразны по рисунку и даже по времени (черепокъ изъ кессона *a*), а число ихъ такъ незначительно, что рискованно вводить ихъ описаніе и на основаніи его дѣлать какіе-либо выводы. Остальные черепки по техникѣ удобно распадаются на пять группъ. Общій для всѣхъ признакъ: сосуды ручной работы; среди нихъ нѣтъ сдѣланныхъ на кругѣ.

Первая, самая многочисленная, группа состоитъ изъ черепковъ грубой глины съ значительной примѣсью крупной дресвы изъ толченаго гранита. Сосуды слабо обожжены и, въ зависимости отъ степени обжига своихъ частей, часто бываютъ различныхъ оттѣнковъ: отъ краснаго до темно-синеватаго. Форма сосудовъ, по наблюденіямъ на данныхъ черепкахъ, напоминаетъ горшки низкіе съ широкимъ отверстіемъ и дномъ и выпуклыми стѣнками. Стѣнки толстыя, днища тоже.

Вторая группа грубыхъ черепковъ въ общемъ сходна съ первой, но глина нѣсколько лучше, черепки и днища тоньше, поверхность глаже, иногда совсѣмъ гладкая. Изрѣдка легкая широкая штриховка въ разныхъ направленіяхъ. Примѣсь дресвы меньше и цвѣтъ темнѣе. Орнаменты имѣются лишь на немногихъ. Замѣчены: по краю рубчикъ или зубчатый штампъ; по шейкѣ иногда длинные штампы изъ зубцовъ, простыхъ и сложныхъ. Судя по различнымъ частямъ горшковъ, измѣняется нѣсколько и ихъ форма: отверстіе и дно, повидимому, уже, сами сосуды выше, шейка шире, а бока выпуклѣе. Попадаются части сосудовъ небольшого размѣра.

Третья группа выдѣляется малой примѣсью дресвы. Цвѣтъ темноватый и красный (темные толще, красные тоньше), глина сравнительно лучше. Форма приблизительно та же, что у сосудовъ первой группы, но замѣтны слѣды плечиковъ; нѣкоторые лѣплены валиками. Черепки тоньше, лѣпка болѣе правильная. Орнаментовъ не замѣчено. Эта группа наиболѣе интересная, такъ какъ на основаніи ея можно установить связь между культурой городища и широкими курганами. Дѣло въ томъ, что красные черепки этой группы очень близки, если не тожественны, съ черепками и сосудами изъ кургановъ. Отличія замѣ-

чены лишь въ сосудѣ изъ 1-го кургана въ Ловницѣ, разнящемся отъ городищенскихъ черепковъ по цвѣту (сосудъ сѣроватый) и составу глины, — онъ сдѣланъ почти изъ чистой глины безъ всякихъ подмѣсей и формъ. На стоящемъ ближе всего къ нашему по типамъ керамики тверскомъ городищѣ «Топоркѣ» черепковъ этого типа не имѣется (судя по рисункамъ), но зато найденъ цѣлый сосудъ особенно близкій по формѣ къ нашимъ [1]. Къ сожалѣнію, Ю. Г. Гендуне не описываетъ матеріала и техники сосуда, судить же объ этомъ по фотографическому снимку рискованно. Описанныя группы объединяются признакомъ шероховатой внѣшней поверхности. Слѣдующія двѣ небольшія группы его не имѣютъ.

Черепки четвертой группы—толстые съ примѣсью песка (и отчасти дресвы), темные; поверхность довольно гладкая. Судя по обломкамъ сосудовъ, лѣплены изъ валиковъ. Отверстіе широкое, шейка малая. У днища замѣтенъ карнизикъ, но не рѣзкій.

Въ пятую группу входятъ сѣрые черепки изъ сравнительно хорошо промѣшанной и обожженной глины со слабой примѣсью песка. Внѣшняя поверхность ихъ гладкая, иногда съ слабой штриховкой въ разныхъ направленіяхъ. Черепки тонкіе. Сосуды, повидимому, небольшого размѣра. Отгибъ горлышка совсѣмъ слабый. Орнаментъ на черепкахъ съ мелко-зубчатымъ штампомъ по шейкѣ.

Наконецъ, въ послѣднюю группу войдутъ черепки различныхъ описанныхъ уже типовъ, но побывавшіе на огнѣ и сильно измѣнившіе, вслѣдствіе этого, свою форму, цвѣтъ и величину. Они сдѣлались пористыми, легкими и приняли въ обожженныхъ частяхъ сѣровато-синій цвѣтъ.

Другія подѣлки изъ глины—пряслица, довольно обычныхъ формъ. Пряслица съ боровкомъ по срединѣ (рис. 5, № 7 и 3) встрѣчаются какъ въ окскихъ финскихъ могильникахъ, такъ и въ русскихъ древностяхъ X—XI вв., гдѣ ихъ матеріалъ (глина) замѣняется шиферомъ. Трехугольныя пряслица съ Дьякова городища [2]) и съ Топорка [3]) имѣютъ аналогіи и у насъ (рис. 5, № 11), различающіяся орнаментами (на нѣкоторыхъ ихъ совсѣмъ нѣтъ) и главнымъ образомъ величиною.

Въ числѣ другихъ находокъ на городищѣ двѣ красныя бусины (рис. 5, № 4) [4]) очень часты въ окскихъ могильникахъ времени съ VI по VIII в. (Кошибеевскомъ,

---

[1]) Труды II-го областного съѣзда, табл. III.
[2]) *Зап. Русск. отд. И. Русск. Арх. Общ.*, т. V, рис. 105, 2.
[3]) Г е н д у н е, табл. V, гдѣ изображены обломки трехъ такихъ пряслицъ.
[4]) Матеріалы по арх. Россіи, в. 25, табл. VI, рис. 24.

Борковскомъ и Кузьминскомъ). Нѣкоторыя хронологическія указанія даютъ мѣдныя подѣлки съ городища. Встрѣченные здѣсь колокольчики (рис. 5, № 2 и 12) сохраняютъ еще старыя простыя формы указанныхъ могильниковъ [1]). Колокольчикъ на спиралькѣ очень близокъ къ такому же съ Дьякова городища [2]). Особнякомъ пока стоитъ большой колокольчикъ съ прорѣзными краями, аналогіи которому не найдено. Близость къ Борковскому и Кузьминскому могильникамъ прослѣживается и далѣе: красивая пуговка съ городища изображена на табл. XXIII, рис. 16 Кузьминскаго могильника.

Нѣсколько отодвигаетъ нашу хронологію къ болѣе раннему времени мѣдная подѣлка (рис. 5, 15 и 14 съ обратной стороны), найденная крестьяниномъ дер. Ловницы въ осыпи къ р. Ловницѣ. Бляшка сработана изъ паянной проволоки весьма изящно; съ обратной стороны имѣетъ два ряда петелекъ для пришиванія къ одеждѣ, сдѣланныхъ изъ двухъ согнутыхъ мелкими ушками проволокъ и припаянныхъ на выступающихъ концахъ. Этотъ способъ прикрѣпленія извѣстенъ еще въ Пьяноборскомъ могильникѣ [3]); его не замѣтно въ болѣе позднихъ культурахъ, но онъ появляется вновь въ Максимовскомъ могильникѣ. Формы нашей подѣлки близки (хотя и не тожественны) подѣлкамъ этого могильника, и особенно Томниковскаго. Манера украшать свободный край подѣлки трехугольничками изъ крупной зерни, окружать рядъ стоящихъ рядомъ кружковъ двумя переплетающимися жгутиками изъ проволоки, вмѣсто простой проволоки употреблять сплетенную въ елочку, прослѣживается какъ тамъ, такъ и здѣсь. Ближе всего наша подѣлка напоминаетъ Томниковскую [4]), но у нея нѣтъ ушковъ съ прикрѣпленными къ нимъ колокольчиками, какіе имѣются у той. Съ городища же имѣется еще обломокъ подобной же подѣлки (рис. 5, № 10), но настолько незначительный, что по нему невозможно составить представленія о формѣ всей подѣлки.

Городище наше крайне бѣдно подѣлками изъ кости. Единственная находка—обломокъ шильца—обычна во всѣхъ городищахъ этого типа; есть она и въ Топоркѣ [5]).

Разсмотрѣвъ всѣ находки съ городища, могущія дать какія-либо указанія на его хронологію и культурные источники, естественно придти къ заклю-

---

[1]) Матеріалы, в. 25, табл. VI, 12; IX, 22.

[2]) Спицынъ, Дьяковы городища, рис. 106, 3.

[3]) Матеріалы, в. 25, табл. I, рис. 10.

[4]) Матеріалы, в. 10. Ястребовъ, Лядинскій и Томниковскій могильники. табл. XV, рис. 3.

[5]) Табл. VI, верхній рядъ, 4-я подѣлка слѣва.

ченію, что въ немъ сильна связь съ Окой. Странно лишь то, что до сихъ поръ окскія древности на Мстѣ не были извѣстны, но и это вполнѣ понятно. Раскопокъ по ея теченію почти не было, а исполненныя обращали вниманіе не на тѣ памятники, гдѣ возможно ожидать такое сближеніе. Анализъ черепковъ городищенскихъ и широкихъ кургановъ далъ между ними совпаденіе. Наши раскопки широкихъ кургановъ не дали вещей, если не считать небольшой желѣзной пряжки изъ Ловницкаго кургана № 1, мало типичной и, пожалуй, болѣе близкой западу, нежели окскимъ культурамъ. Дальнѣйшія раскопки должны отвѣтить на этотъ вопросъ, и отвѣтъ, возможно, будетъ положительнымъ.

Хронологическія рамки нашихъ находокъ чрезвычайно широки. Бусы, бубенчики могутъ быть относимы къ VII в. Если принять для хронологіи Томниковскаго могильника поправку А. А. Спицына и считать его относящимся къ IX в., то рамками нашей датировки явятся вѣка VII—IX. Дать отвѣтъ болѣе опредѣленный пока не представляется возможнымъ. Съ другой стороны, въ черепкахъ и самомъ устройствѣ городища замѣтна близость къ Тверскимъ городищамъ, какъ Топорокъ, Черная горка [1]).

Очень хотѣлось бы намѣтить какую-нибудь связь между древностями съ городка и изъ длиннаго кургана, но это врядъ ли возможно. Самой характерной вещью изъ длиннаго кургана слѣдуетъ признать наборъ поясныхъ бляшекъ. По формѣ эти бляшки близки къ Кошибеевскимъ [2]), но имѣютъ два крупныхъ отличія: онѣ сдѣланы изъ желѣза (явный признакъ западнаго вліянія) и много тщательнѣе Кошибеевскихъ по отдѣлкѣ: края у нихъ украшены зубчиками. То же слѣдуетъ замѣтить и о круглой выпуклой бляхѣ, имѣющей аналогіи въ Кузьминскомъ могильникѣ [3]), отъ которыхъ наша бляшка отличается лишь орнаментомъ по крайчику. Но въ ней тоже сильно вліяніе запада, выражающееся особенно въ желѣзномъ стержнѣ, на которомъ бляшка прикрѣплялась къ одеждѣ; на Окѣ вся подѣлка бываетъ мѣдной.

Куски мѣдной обивки, попавшіеся въ томъ же курганѣ, настолько мелки, что судить по нимъ о назначеніи вещи, украшенной ими, трудно. Всего вѣроятнѣе, что они являются частями крупныхъ мѣдныхъ нагрудныхъ бляшекъ,

---

[1]) *Зап. Русск. отд.*, т. VII, 2, стр. 242.—Я намѣренно уклонился отъ разсмотрѣнія связи между находками съ Черной горы и моего городища. Съ Черной горы имѣются лишь мелкіе обломки, и, привлекая ихъ къ сравненію, легко впасть въ ошибку.

[2]) Матеріалы, в. 25, табл. XII, рис. 22.

[3]) Тамъ же, табл. XXII, рис. 5 и 7.

обычныхъ въ нашихъ западныхъ древностяхъ VI—VIII в.в., встрѣчаемыхъ также на Калужскихъ городищахъ [1]). Въ окскихъ древностяхъ я не нашелъ имъ аналогій. Итакъ, въ VII—VIII вв. на Мстѣ борются два культурныя теченія. Восточное сильно въ древностяхъ городищъ, западное—въ длинныхъ курганахъ. Говорить о томъ, которое изъ нихъ взяло верхъ, нѣтъ ли какой-нибудь связи между широкими и длинными курганами, пока невозможно; для этого слишкомъ мало данныхъ. Освѣтить эти вопросы должны новыя раскопки.

А. Тищенко.

[1]) Булычевъ, Журналъ раскопокъ, стр. 15—21; Спицынъ, Дьяковы городища, рис. 101.

Раскопки близъ Паниковичей Псковскаго уѣзда.

Осенью 1909 г. псковскій помѣщикъ В. Г. Петерсенъ, производя въ своемъ имѣніи Паниковичахъ расчистку подъ пашню участка, покрытаго ольховой порослью, неожиданно обнаружилъ въ ней группу кургановъ, изъ которыхъ одинъ былъ потревоженъ рабочими. Понимая, что невозможно уничтожать памятники древности безъ предварительнаго изученія ихъ, г. Петерсенъ обратился въ мѣстное археологическое общество съ предложеніемъ раскопать открытые курганы, обѣщая съ своей стороны принять въ этомъ дѣлѣ участіе предоставленіемъ необходимаго числа рабочихъ. Послѣ сношенія общества съ Императорскою Археологическою Коммиссіею изслѣдованіе группы выпало на мою долю и выполнено было мною лѣтомъ 1910 г.

Курганная группа расположена среди обширнаго поля близъ дороги изъ Паниковичей въ д. Черемнову, приблизительно въ верстѣ отъ усадьбы, на скатѣ плоской возвышенности, отлого спускающейся къ болоту. Съ кургановъ открывается широкій видъ на нѣсколько окрестныхъ деревень и на Печорское шоссе. Группа состоитъ изъ 34 курганчиковъ, обложенныхъ вокругъ основанія камнями. Насыпи выпуклой формы, не свыше 1¼ аршина, почти всѣ круглыя, при наибольшемъ діаметрѣ въ 6½ арш. Есть нѣсколько курганчиковъ совсѣмъ низкихъ, приближающихся къ жальничнымъ погребеніямъ (№№ 20 и 22). Камни расположены въ одинъ рядъ; они вообще крупны и доходятъ до 1½ арш. въ діаметрѣ. На нѣкоторыхъ курганахъ камни расположены сплошнымъ кольцомъ, на другихъ съ промежутками до 4 вершковъ (рис. 1). Около нѣкоторыхъ кургановъ

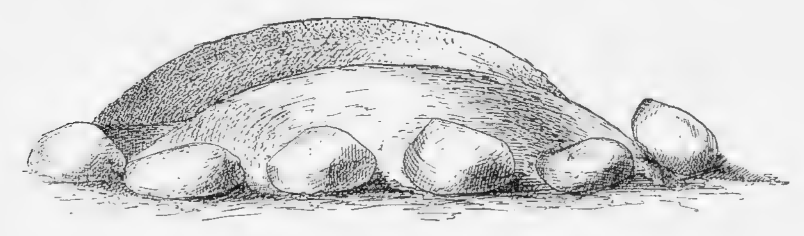

Рис. 1.

примѣтны заплывшія ямы, благодаря которымъ насыпь кажется выше, а кольцо камней приходится чуть не по серединѣ высоты холмика. Мѣстами камни выбраны, но послѣ нихъ остаются ямки.

Чтобы опредѣлить чередованіе слоевъ земли, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ мѣста раскопки была заложена пробная яма, глубиной въ 1½ арш., обнаружившая до глубины 4 и 5 вершк. темный слой почвенной земли, а далѣе хрящеватый желтый песокъ, нѣсколько свѣтлѣющій по мѣрѣ углубленія. Тотъ же песокъ обнаруженъ и въ насыпи кургановъ, но часто онъ болѣе теменъ отъ мелкихъ угольковъ и отъ примѣси песка почвенной земли. Слѣды ровиковъ не обнаружены. Удалось установить, что камни вокругъ кургана ставились послѣ его насыпки. Къ такому заключенію приводятъ два наблюденія: 1) иногда погребальная яма находится не по серединѣ насыпи, чего не случилось бы, еслибъ камнями было намѣчено очертаніе кургана; 2) приходилось замѣчать, что камень лежитъ не на поверхности материка, а на самой насыпи (рис. 2). Погребальная яма обыкновенно нѣсколько длиннѣе покойника (не болѣе ½ арш.), шириною не болѣе 14 вершковъ. Глубина ея колеблется отъ 5 вершк. до 1 арш. Покойникъ полагался, повидимому, безъ гробовища. Только въ двухъ курганахъ (№ 18 и № 19) около костяка найдены куски истлѣвшаго дерева; въ первомъ случаѣ это, повидимому, гробовище, а во второмъ—доска, подложенная подъ покойника. Покойникъ оріентируется по фактическому закату солнца; иначе нельзя объяснить столь сильныя отклоненія въ наложеніи костяка къ ю. и с. (до 32° въ № 18). Руки располагаются различно на груди, у подбородка, на животѣ.

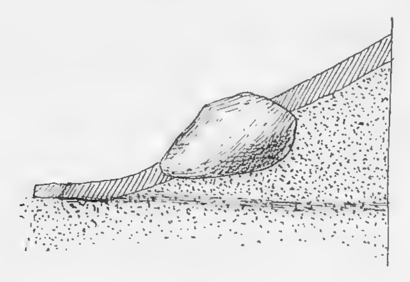

Рис. 2.

Кург. № 1. Размѣровъ 1 саж. ¾ арш. × 1 арш.; яма 2 арш. 10 вершк. × 13 вершк. × 9 вершк. Въ огражденіи изъ близко другъ къ другу расположенныхъ камней сохранилось 6 штукъ. Въ насыпи попадаются мелкіе кусочки угля. Въ могильной ямѣ на 3 вершка ниже нуля круглое кострище, шириной почти во всю яму, осѣвшее въ яму, должно быть, вмѣстѣ съ землей Костякъ уклонился къ С. на 26°. Длина его 2 арш. 5 вершковъ. Руки сложены на животѣ, параллельно, правая выше.

Кург. № 2. Насыпь 1 саж. 10 вершк. × 13 вершк.; яма 5 вершк. × × 10 вершк. × 2½ арш. Въ обкладкѣ сохранилось съ Ю. и В. по 3 камня. Длина костяка 2 арш. 3 вершка. Кисти рукъ у плечъ. У головки правой бед-

ренной кости кусокъ желѣза, повидимому, сломанный ножъ. На правой сторонѣ таза мѣдное поясное кольцо типа Ивановскаго табл. XV, рис. 6, съ остатками шерстяной нити сверху, на лѣвой рукѣ близъ локтя мѣдный браслетъ типа Глаз. XXV, 4, на безыменномъ пальцѣ той же руки мѣдное витое кольцо (типа Иван. II, 17), между 5 и 6 ребрами 2 стеклянныя или пастовыя бусинки желтаго оттѣнка (Глаз. XXV, 46).

Кург. № 3. Насыпь 4 арш. × 15 вершк.; яма 9 вершк. × 13 вершк. × × 2¾ арш. Хорошей сохранности курганъ полушаровидной формы. Въ насыпи попадаются мелкіе кусочки угля, замѣчено нѣсколько булыжниковъ. Окруженъ сплошнымъ кольцомъ изъ 11 крупныхъ камней. Длина костяка 2 арш. 5 вершк.; правая рука на груди, лѣвая у подбородка. Подъ лѣвой стороной таза ножъ со слѣдами деревянной рукоятки, концомъ направленный внизъ.

Кург. № 4. Насыпь 4 арш. × 13 вершк.; яма 9 вершк. × 2 арш. 6 вершк. Окруженъ сплошнымъ кольцомъ изъ 13 камней. Костякъ перерытъ; на днѣ ямы грудка костей, на которой черепъ на темянной кости. Обрѣза и ширины грунтовой ямы опредѣлить не удалось.

Кург. № 5. Длина насыпи съ З. на В. 4½ арш., съ С. на Ю. 3¾ арш., вышина 9½ вершк. Съ З. камни выбраны; сохранилось 5 штукъ, разставленныхъ съ широкими промежутками. Въ насыпи попадались угольки. Глубина ямы 8 вершк. Костякъ перерытъ; не тронуты только ноги.

Кург. № 6. Окруженъ семью рѣдко разставленными камнями одинаковой величины. Насыпь 1 саж. ½ арш. × 13 вершк.; яма 6 вершк. × 13 вершк. × × 2 арш. 7 вершк. Дѣтскій костякъ, правильно оріентированный на З. Руки сложены на животѣ, одна параллельно другой; длина костяка 2 арш. 2 вершк.

Кург. № 7. Крайній на С.-З. Въ огражденіи сохранилось 7 камней. Насыпь 1 саж. 7 вершк. × 13 вершк.; яма 11 вершк. × 13½ вершк. × × 2 арш. 7 вершк. Костякъ уклонился къ С. на 16°, руки скрещены на животѣ. У лѣваго бедра ножъ съ остатками кожаныхъ ноженъ.

Кург. № 8. Огражденіе изъ 5 камней сохранилось съ З. Насыпь 2 арш. 11 вершк. × 11½ вершк.; яма неправильной формы, шириной до 2 арш., глубиной 8½ вершк. Костякъ перекопанъ. Правильно лежитъ только лѣвая нога, черепъ не найденъ. На днѣ ямы, на мѣстѣ, гдѣ должна помѣщаться голова, найдена серебряная сережка въ видѣ кольца съ напущенною бусою, покрытою зернью.

Кург. № 9. Окруженъ по основанію 11-ю тѣсно поставленными камнями. Длина съ З. на В. 4½ арш., съ С. на Ю. 4 арш., высота 11 вершк.; яма

Рис. 3.

8½ вершк.×9 вершк.×2 арш. 10 вершк. Костякъ лежитъ головою на З., уклоняясь къ С. на 12°. Длина его 2 арш. 2½ в.; правая рука у подбородка, лѣвая на груди, голова повернута лицомъ къ Ю.; костякъ плохой сохранности. Подъ правымъ вискомъ темное пятно, въ которомъ сильно окислившіеся остатки мѣдной серьги кіевскаго типа.

Кург. № 10. Окруженъ 10 большими камнями. Насыпь 4 арш. × 14 вершк.; яма 6½ вершк. × 13 вершк. × 2 арш. 10 вершк., отклонена къ С. на 28°. Костякъ перерытъ, въ порядкѣ только ступни и берцовыя кости. Въ серединѣ ямы, на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ тазу, обломокъ ножа.

Кург. № 11. Въ основаніи 6 камней; съ ю. стороны камни увезены. Длина съ З. на В. 5 арш. 3 вершка, съ Ю. на С. 3 арш. 2 вершка, высота 11 вершк.; глубина ямы 7½ в. Обрѣзъ не найденъ. Костякъ перерытъ и кости разбросаны по могилѣ.

Кург. № 12. Въ огражденіи сохранилось 8 камней. Насыпь 4 арш. × × 11 вершк. Глубина ямы 6 вершк. Костякъ перерытъ.

Кург. № 13. Окруженъ по основанію 13-ю тѣсно разставленными камнями. Насыпь 3 арш. 8 вершк. × 12 вершк.; яма 10 вершк. × 14 вершк. × 2 арш. 10 вершк. Длина костяка 2 арш. 5 вершк.; черепъ повернутъ землею на правый високъ, нижняя челюсть сохранила прежнее положеніе. Руки приближены костями къ подбородку. У лѣваго бедра находки (рис. 3): желѣзный стержень съ кольцомъ со слѣдами кожаныхъ ноженъ типа Иван. XVII, 24 [1]), огниво типа Иван. XVII, 27, кремешокъ, у самой головки бедренной кости два костылька желѣзной цѣпочки типа Иван. VI, 24, на которой былъ привѣшенъ желѣзный ножъ.

Кург. № 14. Въ основаніи 9 камней; съ с. стороны нѣсколько штукъ взято. Длина съ З. на В. 3 арш. 9 вершк., съ Ю. на С. 4 арш., высота 15 вершк.; глубина ямы 9 вершк. На ю. концѣ могилы грудка костей. На

[1]) Эти подѣлки непонятнаго назначенія не составляютъ большой рѣдкоэти въ русскихъ курганахъ (интересенъ Рязанскій экз. въ футлярѣ, см. *Зап. И. Русск. Арх. Общ.* т. X, табл. III). Гаусманъ приводитъ мѣстное объясненіе ихъ въ качествѣ инструмента для сращиванія веревокъ (*Sitzungsber. d. Estn. Arch. Ges.* 1899 г., стр. 77—80).

одной изъ фалангъ пальцевъ мѣдное кольцо съ синимъ стекломъ въ серебряной оправѣ съ зубчатымъ орнаментомъ изъ мелкой зерни, на серединѣ ямы подвѣска изъ плохого серебра съ орнаментомъ, изображающимъ дракона скандинавскаго типа. Къ ней пристала темносиняя буса съ бѣлыми разводами.

Кург. № 15. Окруженъ 9-ю рѣдко разставленными крупными (до 1¼ арш. въ діаметрѣ) камнями. Длина съ З. на В. 3 арш. 5 вершк., съ С. на Ю. 4 арш., высота 1 арш. 1 верш. Въ в. части траншеи нѣсколько костей выше нуля, дальше кости въ безпорядкѣ, черепъ раздавленъ. Глубина ямы 5½ вершк.

Кург. № 16. Вокругъ основанія 9 крупныхъ, рѣдко разставленныхъ камней. Насыпь 4¼ арш. 1 × арш.; яма глубиною 6 вершк. Погребеніе перерыто; въ просѣянной землѣ оказался обломокъ рукоятки желѣзнаго ножа и мѣдная золоченая пуговка типа Иван. табл. XIV, рис. 17, но меньше и съ коническимъ верхомъ.

Кург. № 17. Съ в. и ю. сторонъ сохранились 6 крупныхъ камней. Длина съ З. на В. 5 арш., съ Ю. на С. 3 арш. 14 вершк., высота 13½ вершк. Костякъ перерытъ, на днѣ ямы, имѣвшей въ глубину 9 вершковъ.

Кург. № 18. Большой курганъ, крайній съ сѣверной стороны Слѣдовъ каменнаго огражденія и рва не замѣчено. Насыпь 2 саж. ¾ арш. × 1¼ арш. Обнаружено 2 погребенія. Западный костякъ оріентированъ головою на З. съ отклоненіемъ къ Ю. на 32°; онъ лежитъ частью поверхъ нуля (ноги), частью въ грунтѣ на 3 вершка ниже его. На костякѣ и подъ нимъ попадались куски дерева, очевидно, остатки гробовища, отъ котораго найденъ (у подбородка) желѣзный гвоздь безъ шляпки. Длина скелета 2 арш. 3 вершк.; черепъ на правомъ вискѣ, правая рука на груди, лѣвая на животѣ. Скорѣе всего, это позднѣйшее впускное погребеніе. Второе погребеніе расположено на грунтѣ. Костякъ головою на Ю. съ отклоненіемъ на 28° къ З., длиною 2 арш. 6 вершк., лѣвая рука на груди, правая у подбородка, голова на правомъ вискѣ; всѣ кости отличной сохранности. Судя по особенностямъ устройства кургана и по тому, что погребеніе расположено на поверхности земли, а не въ ямѣ, его можно относить къ иному времени.

Кург. № 19. Всѣ камни вокругъ основанія выбраны. Насыпь 4½ арш. × × 11 вершк.; яма 5½ вершк. × 12 вершк. × 2 арш. 9 вершк. Костякъ уклонился къ Ю. на 8°, голова на правомъ вискѣ, лѣвая рука на груди, правая у подбородка. Подъ нимъ замѣчена прослойка изъ перегнившаго дерева (доска?). У лѣваго бедра ножъ съ остатками деревянной рукояти.

Кург. № 20. Почти жальничное погребеніе, окруженное 13-ю мелкими, стоящими вплотную камнями. Ширина 3 арш. 6 вершк., яма 1 арш. × × 13 вершк. × 2 арш. 4 вершка. Костякъ уклонился къ Ю. на 7°; длина

его 2 арш. ½ вершка. Руки у подбородка, голова повернута землей на правый високъ, нижняя челюсть сохранила первоначальное положеніе. На лѣвой лопаткѣ стеклянная бусинка (темная съ бѣлыми разводами).

Кург. № 21. Самый восточный. Окруженъ 9-ю крупными (шириною до 1½ арш.) камнями. Насыпь 5 арш. 9 вершк. × 1 арш. 3 в., глубина ямы 4 в. Костякъ перерытъ. Находокъ нѣтъ.

Кург. № 22. Огражденіе изъ 9 камней, разрушенное съ в. стороны. Діам. 5¼ арш. На глубинѣ 1 арш. 4 в. отъ вершины перерытый крупный мужской костякъ.

Остались неизслѣдованными 12 уже перерытыхъ кургановъ, со впалыми верхушками.

По установленной А. А. Спицынымъ хронологіи, вещи Паниковичскихъ кургановъ могутъ быть относимы приблизительно къ XI—XII в.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ г. Петерсена, недалеко отъ д. Шилова Паниковской вол. Псковскаго у. были найдены какія-то бронзовыя вещи. Наведенными справками установлено, что находки были сдѣланы на землѣ И. И. Зека въ трехъ верстахъ отъ Шилова, въ Островскомъ уѣздѣ. По случайнымъ обстоятельствамъ, И. И. Зекъ меня принять не могъ, но найденныя вещи были присланы для осмотра въ Паниковичи. Свѣдѣній о томъ, при какихъ обстоятельствахъ вещи были найдены, не удалось получить. Прислано было 8 предметовъ, оказавшихся довольно поздними вещами типа Люцинскаго могильника и западно-финскихъ кургановъ. Часть ихъ была зарисована, часть обозначена по рисункамъ Рижскаго каталога. Наличность финновъ или латышей вполнѣ естественна въ данныхъ мѣстахъ, въ виду того, что могильники Люцинскаго типа найдены были и на р. Великой. До сихъ поръ половину населенія Паниковской волости составляютъ эсты, которые пользовались въ основѣ тою же культурою. Были доставлены слѣдующія вещи: 1) мѣдная витая пряжка типа Иван. табл. IX, рис. 21, рис. 1 *a* и 1 *b*; 2) мѣдная подвѣска съ легкимъ штриховымъ орнаментомъ и обрывкомъ цѣпочки; 3) узкій мѣдный пластинчатый браслетъ безъ орнамента; 4) обломокъ мѣднаго браслета съ точечнымъ орнаментомъ; 5) витой изъ проволоки браслетъ типа Рижск. катал. табл. XX, рис. 27; 6) мѣдный перстень типа Рижск. катал. т. XXI, рис. 1 или 2 (точно не сходятся, но типъ одинаковъ); 7) обломокъ витого кольца типа Рижск. катал. т. XXI, рис. 12; 8) 2 обыкновенныхъ бубенчика.

А. Тищенко.

Михалковскій кладъ.

Этотъ извѣстный и важный въ научномъ отношеніи кладъ золотыхъ вещей найденъ въ 1878 г. въ Галиціи, въ д. Михалковѣ, Борщовскаго повѣта, на западномъ берегу р. Ничлавы, въ незначительномъ разстояніи отъ Днѣстра, на скатѣ берега, въ промоинѣ спускающейся внизъ дороги. Д. Михалково расположена въ 30—35 в. отъ Каменецъ-Подольска. Въ 1897 г въ небольшомъ разстояніи отъ мѣста находки перваго клада найденъ былъ второй кладъ вещей той же культуры, менѣе значительный. Весь первый кладъ и большая часть второго были пріобрѣтены музеемъ Дѣдушицкихъ во Львовѣ, гдѣ оба они и находятся въ настоящее время. Спеціальная поѣздка въ Михалково и раскопки Шамбати въ 1899 г. не дали новыхъ вещей.

Въ музеѣ Дѣдушицкихъ изъ Михалковскаго клада сохраняются слѣдующія вещи:

1. Вѣнчикъ (табл. I) изъ тонкой, какъ бумага, пластины, сломанной на восемь частей, причемъ между шестой и седьмой не достаетъ куска длиною крайней мѣрѣ въ 7 сантим. Верхняя часть вѣнчика украшена тисненымъ и вырѣзаннымъ орнаментомъ изъ чередующихся крестовъ и полумѣсяцевъ на постаментѣ, а самый ободокъ—пунктиромъ и круглыми выпуклостями гладкими и фигурными въ формѣ треугольниковъ, съ углубленными точками по угламъ. Кресты и полумѣсяцы украшены бороздками, а нѣкоторыя выпуклости—двумя концентрическими кружками. Разстоянія между украшеніями не всегда равны. Общій пріемъ орнамента—чеканъ и тисненіе извнутри. На концахъ ободка по три отверстія, нижній край слегка отогнутъ внутрь. Длина 60 сант., ширина 8,5 сант.; изъ нихъ 3,5 сант. приходятся на верхній орнаментъ.

2. Обломокъ другого вѣнчика (Hadaczek, табл. XI, 1), еще болѣе тонкій, украшенный тремя рядами гладкихъ выпуклостей въ двухъ концентрическихъ кружкахъ. Выпуклости средняго ряда крупнѣе. Углы сохранившагося конца срѣзаны кругло. Ширина 4 сант., длина 24 сант.

3. Двѣ дугообразныя фибулы (съ схематизованными звѣриными головками (табл. II, слѣва вверху). Головка вырѣзана изъ пластины и украшена выдавленными выпуклостями въ кружкахъ, продольной бороздкой и глубоко выбитыми точками. Дротъ снабженъ тремя бусами, состоящими изъ свернутаго цилиндра и шести насаженныхъ на него коническихъ выдавленныхъ бляшекъ. Вѣсъ 63 гр. и 71 гр.

4. Двѣ подобныя фибулы (Hadaczek, табл. V, 2), но безъ цилиндрической основы и колечекъ у бусъ. Конецъ щитка, вырѣзаннаго глубже, оттянутъ книзу и лишенъ орнамента изъ точекъ. Вѣсъ 60 гр. и 53 гр.

5. Двѣ фибулы той же формы (табл. II, слѣва внизу). Бусы состоятъ изъ цилиндрическихъ основъ и шести круглыхъ бляшекъ. Бусы раздѣлены узкими кружками съ косой нарѣзкой по краю. Цилиндрическая основа бусъ по краямъ выступаетъ для прикрѣпленія кружковъ. Вѣсъ 101 гр. и 103 гр.

6. Фибула (табл. II, по срединѣ слѣва) украшенная на щиткѣ косой нарѣзкой, выдавленной бороздой и выбитыми точками, на дужкѣ тремя бусами. Боковыя малыя изъ шести коническихъ бляшекъ, средняя большая гладкая въ формѣ полаго полумѣсяца со срѣзанными рогами. Вѣсъ 31 гр.

7. Фибула (табл. II, рядомъ), въ общемъ подобная предыдущей. Отличается отъ нея выпуклостями на пластинкѣ съ ажурнымъ крестиковымъ мотивомъ, пробитымъ сверху гвоздиками, и средней бусой изъ свернутой и запаянной на краяхъ пластинки. Послѣдняя, какъ и боковыя коническія бусы, украшена выпуклыми кружками, изъ которыхъ средній больше. Вѣсъ 25 гр.

8. Фибула въ формѣ звѣря (рис. 1), изъ пластины, украшенной выбитыми мелкими точками, выдавленными съ обратной стороны бороздками и круглыми бляшками съ мотивами трехугольника.

Рис. 1 и 2.

Бляшки выдавлены отдѣльно и прибиты короткими золотыми гвоздиками такъ, что шляпки ихъ приходятся въ центрѣ бляшки, а концы расклепаны на оборотѣ, гдѣ гвоздиками же прибиты булавка и пріемникъ фибулы. Длина 8 сант., ширина около 7 сант., вѣсъ 54 гр.

9. Фибула (рис. 2), по техникѣ подобная первой. Отличается композиціей животнаго и соединеннымъ мотивомъ выдавленныхъ птичьихъ головокъ и крестика на большихъ бляшкахъ. Глаза птицъ исполнены углубленными точками. Длина 10,7 сант., вѣсъ 60 гр.

Есть второй, почти парный экземпляръ такой же фибулы, нѣсколько отличающійся очертаніемъ животнаго и размѣщеніемъ бляшекъ. Вѣсъ 58 гр. Отломана нижняя челюсть.

10. Подобная же фибула (табл. I), отличающаяся отъ второй бо̀льшими размѣрами и насѣчкой на челюстяхъ животнаго. Пріемникъ украшенъ выдавленной бороздой и углубленными точками. Надорванная часть хвоста починена узкой золотой полоской, прибитой двумя золо-

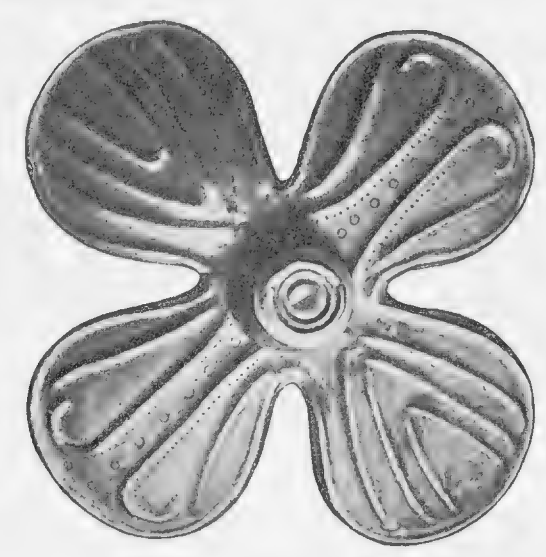

Рис. 3 *а*.

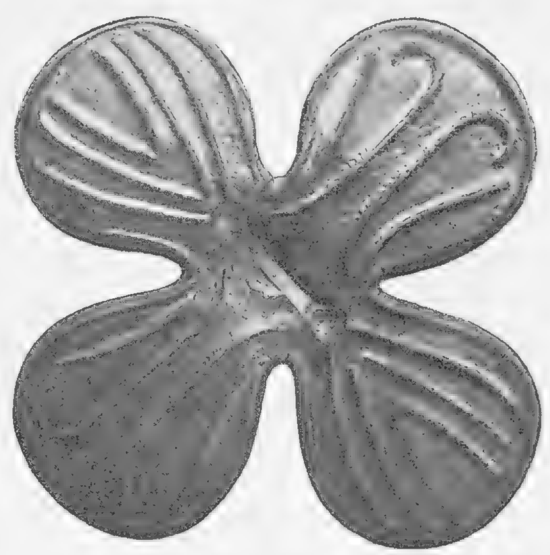

Рис. 3 *б*.

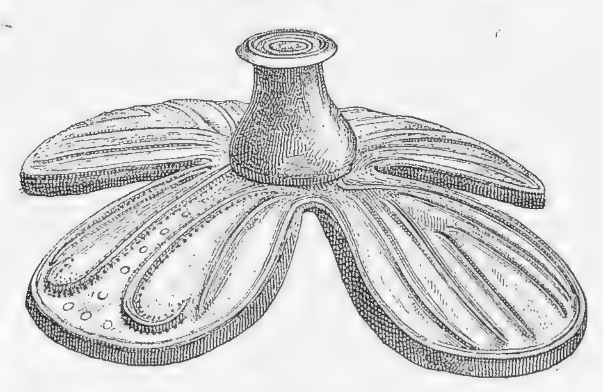

Рис. 3 *в*. Михалковскій кладъ.

тыми гвоздиками, расклепанными на правой сторонѣ фибулы. Длина 16,5 сант., вѣсъ 148 гр.

11. Бляха въ формѣ розетки о четырехъ лепесткахъ (рис. 3 *а—в*), слегка отогнутыхъ внизъ и украшенныхъ выдавленными выпуклыми бороздами, выбитыми мелкими точками и вырѣзанными кружками. По срединѣ бляхи шипъ конической формы со шляпкой, насаженный на гвоздь. Край бляхи слегка отогнутъ внутрь. На оборотѣ продолговатое ушко, пробитое продолговатыми гвоздиками, расклепанными на наружной сторонѣ бляхи. Діаметръ 12,3 с., вѣсъ 153 гр.

12. Бляха круглая (табл. III, рис. 1), слегка выпуклая въ срединѣ, съ сильно отогнутымъ кнаружи краемъ. Украшена кругами изъ выбитыхъ съ внутренней стороны точекъ и коническимъ возвышеніемъ; круги прочерчены острымъ орудіемъ. На оборотѣ бляхи прикрѣплено отвѣсно литое круглое ушко съ пятиугольнымъ внизу расширеніемъ, черезъ которое проходитъ стержень, расклепанный снаружи въ видѣ упомянутаго возвышенія. Вѣсъ 72 гр., діаметръ 9,5 с.

13. Бляха (тамъ же, рис. 2) съ слегка загнутымъ внутрь краемъ, украшенная выдавленными съ обратной стороны выпуклыми кружками. Ушко въ видѣ узкой полоски, припаянное внутри къ двумъ вогнутымъ кружкамъ. Вѣсъ 39 гр., діаметръ 87 мм.

14. Бляха такая же, но безъ орнамента (тамъ же, рис. 3). На оборотѣ припаяно ушко. Вѣсъ 53 гр., діаметръ 95 мм.

15. Бляха (тамъ же, рис. 4) со слегка отогнутымъ кнаружи краемъ, украшенная кругами изъ выпуклыхъ точекъ, выбитыхъ долотомъ съ четырехъугольнымъ концомъ и острыми краями. Коническое возвышеніе въ срединѣ образовано расклепаннымъ концомъ литого ушка. Вѣсъ 87 гр., діаметръ 101 мм.

16. Бляха (тамъ же, рис. 5) съ приподнятою срединою, украшенная горошинами. На оборотѣ литое ушко, стержень котораго расклепанъ на наружной сторонѣ бляхи въ среднюю выпуклость. Вѣсъ 85 гр., діаметръ 103 мм.

17. Трехлопастныя пронизки (рис. 4, № 14) величиной 9,4 сант.— 5,5 сант., 16 экз. Лопасти выступаютъ изъ средины стѣнокъ трехгранныхъ цилиндровъ съ расширенными круглыми концами. Цилиндры между лопастями и на концахъ украшены нарѣзками, а лопасти большихъ пронизокъ—линіей выбитыхъ точекъ.

18. Двухлопастныя пронизки (рис. 4, №№ 4 и 5), длиною около 4½ сант., 4 экз. Лопасти украшены выбитыми точками и отверстіями (у двухъ пронизокъ двумя и у двухъ другихъ тремя). Цилиндры украшены нарѣзками и въ двухъ случаяхъ имѣютъ расширенные концы.

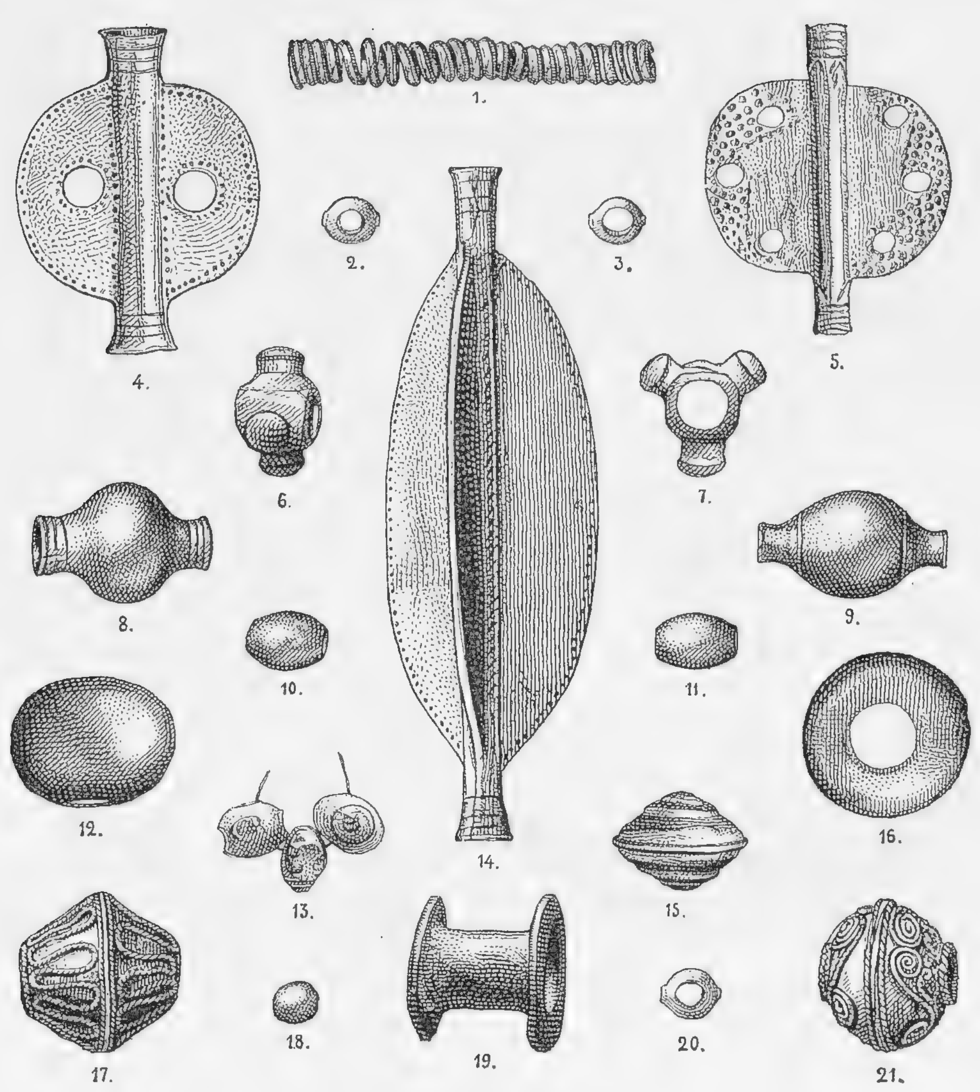

Рис. 4. Михалковскій кладъ.

19. Продолговатыя пронизки боченкообразныя (типа рис. 4 № 8—9 экз. и типа съ нарѣзками № 9—22 экз.).

20. Спиральки (рис. 4, № 1) изъ тонкихъ (граненыхъ?) дротовъ, 10 экз.

20. Катушечныя пронизки (рис. 4, № 19), 4 штуки.

21. Бусы продолговатыя (рис. 4, №№ 10 и 11), 10 штукъ.

22. Бусы круглыя, маленькія, полыя (№ 18), 41 штука.

23. Бусы круглыя, большія, слегка сплющенныя съ боковъ (рис. 4, №№ 12 и 16), 2.240 экз. разной величины.

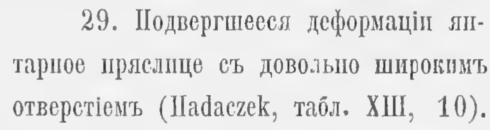
24. Бусы двуконусныя, украшенныя выдавленными кружками (рис. 4, № 15, 3 шт.) и филигранью (№№ 17 и 21, 5 шт.).

25. Бусы въ видѣ бляшекъ (какъ на фибулѣ рис. 1), 67 шт., разной величины.

26. Бусы въ формѣ полаго колечка съ боковыми отверстіями, обработанными въ формѣ трубочекъ (рис. 4, №№ 2, 3, 20), 113 шт.

27. Бусы цилиндрическія, литыя, короткія съ тремя шипами (рис. 4, №№ 6, 7), 2 экз.

28. Бусы стеклянныя зеленыя разныхъ оттѣнковъ (рис. 4, № 13), 3 шт. Одна съ выпавшимъ глазкомъ, другая съ желтыми глазками въ черной каймѣ, третья (средняя) рубчатая посрединѣ.

29. Подвергшееся деформаціи янтарное пряслице съ довольно широкимъ отверстіемъ (Hadaczek, табл. XIII, 10).

30. Шейная гривна изъ гладкаго, круглаго дрота, болѣе тонкаго въ серединѣ (таб. II, № 3). Концы украшены четырьмя напусками и нарѣзками. Діаметръ 18,5 сант., вѣсъ 157 гр.

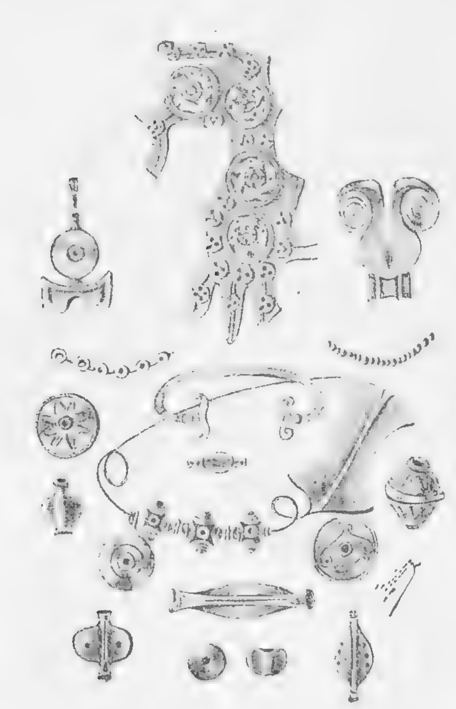

Рис. 5. „Krai“ 1899, № 49.

31. Два браслета (табл. II, № 4) изъ круглаго снаружи и плоскаго внутри дрота, заканчивающагося завитками и украшеннаго на концахъ двумя горошинками. Діаметръ 7,5 сант., вѣсъ 175 гр. и 177 гр.

32. Браслетъ (тамъ же, рис. 5) такой же, но украшенъ тремя горошинками и нарѣзкой. Діаметръ 6,1 сант., вѣсъ 82 гр.

33. Браслетъ (тамъ же, рис. 6—8) литой, ажурный, съ плоской внутренней стороной. Украшенъ горошинками и нарѣзкой линейной и кружковой, сдѣланной острымъ долотомъ. Діаметръ 6,5 сант.

34. Два неопредѣленныя украшенія (тамъ же, рис. 1, 2). Состоятъ изъ полуцилиндрической основы, двухъ фигурныхъ, литыхъ боковыхъ пластинокъ съ насѣчкой, двухъ полыхъ припаянныхъ полушарій съ выпуклымъ крестикомъ внутри, двухъ пластинокъ и спиралей. Вѣсъ сломаннаго 44 гр., цѣлаго 44 гр.

35. Чашка (табл. IV). Украшена 9-ю выпуклостями (ложками) и нарѣзкой по краю. Нарѣзка исполнена не вполнѣ тщательно и мѣстами подправлена. Край толще стѣнокъ и слегка отогнутъ кнаружи. Средина дна вогнута внутрь. На стѣнкахъ внутри темнокрасныя пятна патины. Діаметръ дна 5,4 сант., отверстія 12 сант., высота 9 сант., вѣсъ 168 гр.

На грубомъ рисункѣ (рис. 5) нѣкоторыхъ вещей клада, помѣщенномъ въ газетѣ «Kraj» (1899 г., № 49), кромѣ перечисленныхъ вещей указывается еще какой-то предметъ (въ углу направо) неясной формы; возможно, что это изображеніе того же непонятнаго украшенія, которое помѣщено на рис. 9 №№ 1 и 2.

Извѣстны еще другія вещи изъ второго клада: смятая чашка и часть другой, бляшка въ формѣ трапеціи, небольшой щитокъ отъ какого-то украшенія, поврежденный браслетъ, четырехсторонняя плитка, бусы.

Золото клада свѣтлое, напоминающее по цвѣту латунь. Его составъ: золота 82,56%, серебра 16,42%, мѣди 0,78%, платины 0,08%.

Одинъ изъ изслѣдователей Михалковскаго клада, Гадачекъ, указываетъ на связь его съ греческими и итальянскими древностями, а также съ галицкими могильниками, и опредѣляетъ его время VIII—VI вѣками до Р. Х.

Другіе изслѣдователи (Рейнеке и Гернесъ), соглашаясь, что аналогіи съ южными древностями могутъ дать хронологію кладу, въ то же время указываютъ, что онъ имѣетъ ближайшія аналогіи въ древностяхъ Венгріи, Босніи, Сербіи и Нижней Австріи и что его слѣдуетъ относить къ культурѣ и времени старшаго Гальштатта. Самая близкая аналогія, какую можно сыскать,—кладъ Fokoru въ Венгріи (ком. Heves). Нѣкоторыя изъ приводимыхъ Рейнеке и Гернесомъ сближеній приводятся на рис. 6—10. Гернесъ пытается установить связь вещей клада и съ восточными древними культурами (рис. 11), но отмѣчаетъ, что если связь эта до нѣкоторой степени и чувствуется, то должна быть объясняема не заимствованіемъ, а общимъ источникомъ.

По сообщенному намъ заключенію А. А. Спицына, сколько-нибудь точное обозначеніе времени Михалковскаго клада не можетъ быть дано, уже по отсутствію болѣе или менѣе надежной хронологіи Гальштаттскаго періода. Наиболѣе близокъ кладъ къ вещамъ могильника Глазинца (такія же фибулы съ звѣриными головками), а также къ культурѣ Watsch (въ Лайбахѣ); съ могильникомъ Kanzian связи меньше. Изъ классическихъ древностей фибулы клада имѣютъ близость къ Беотійскимъ (Perrot et Chipiez, t. VII, стр. 253) и къ отличной фибулѣ Берлинскаго Стараго музея, а крестъ въ кругѣ—къ Микенскимъ древностямъ. Пронизки-трубочки съ лопастями найдены въ Малой Азіи, на Кипрѣ и въ Микенахъ. Фигура животнаго на фибулѣ чрезвычайно напоминаетъ изображеніе львовъ на извѣстной Беотійской вазѣ. Въ Берлинскомъ Этнографическомъ музеѣ къ Михалковскому кладу имѣются хорошія аналогіи: золотая фибула въ

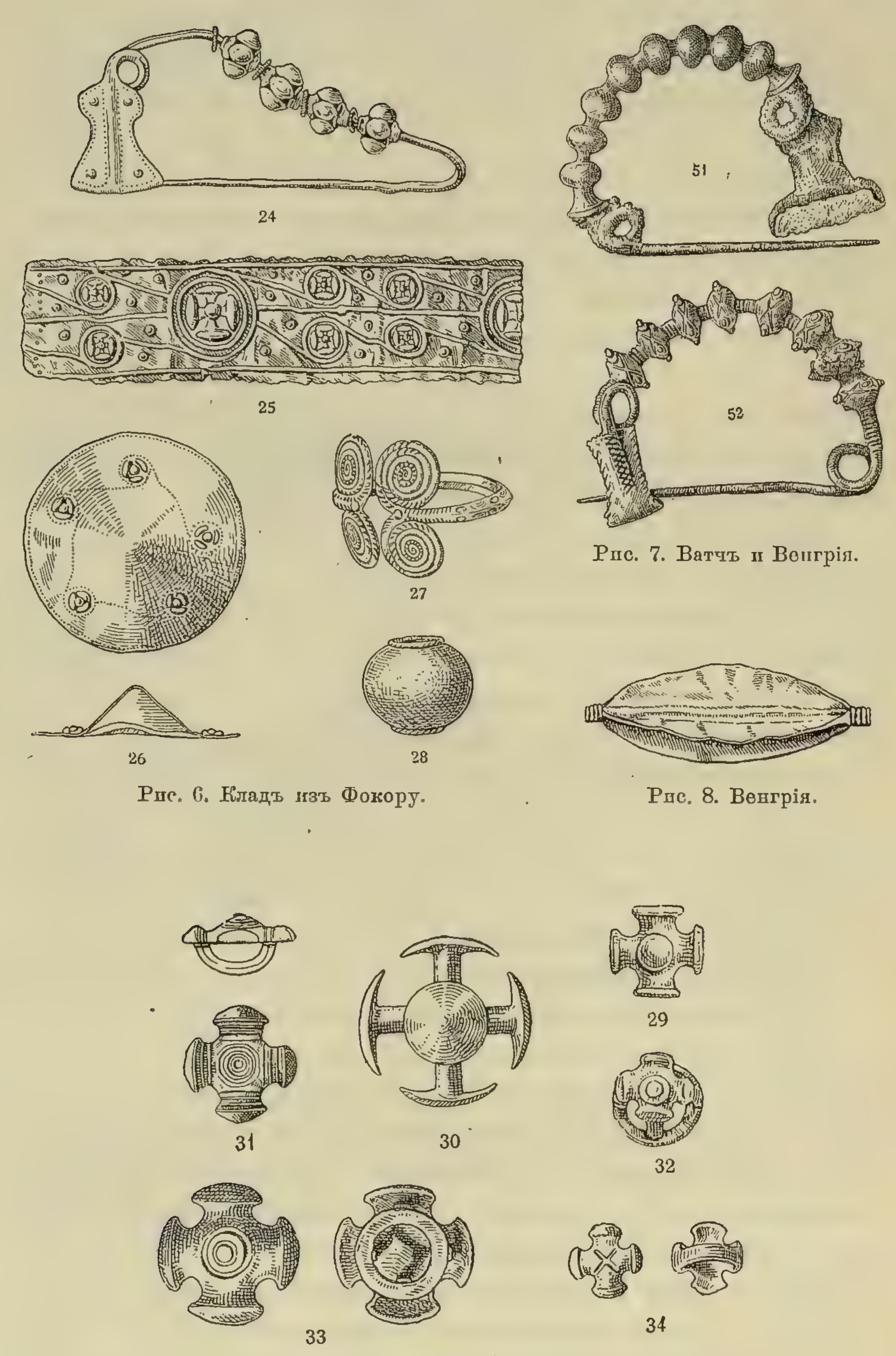

Рис. 6. Кладъ изъ Фокору.

Рис. 7. Ватчъ и Венгрія.

Рис. 8. Венгрія.

Рис. 9. Глазинацъ, Венгрія, Нижняя Австрія.

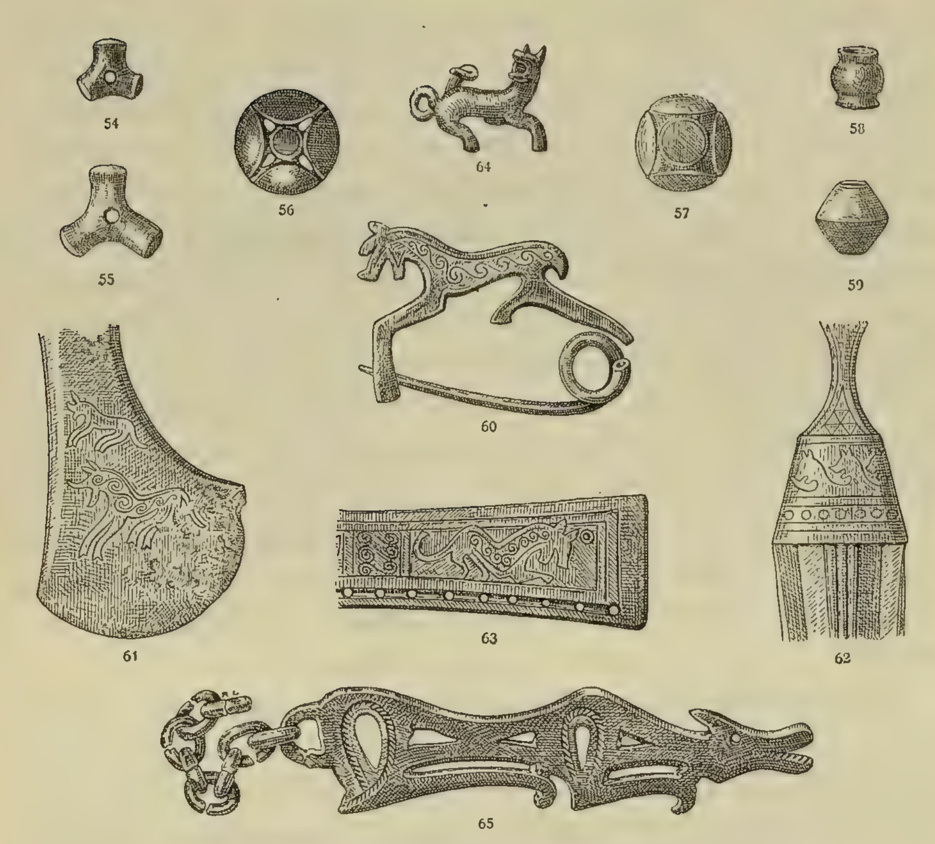

Рис. 11. № 54—64 Кобанъ, № 65 Грузія.

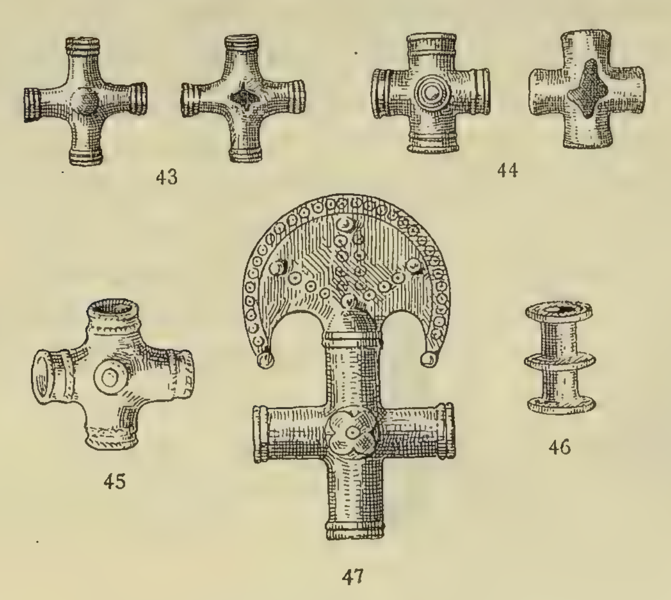

Рис. 10. Гальштаттъ (№ 45), Венгрія, Боснія.

видѣ животнаго съ разинутою пастью (изъ Славоніи), кресты и бусы изъ St. Veit (Крайна), золотыя дутыя и спиральныя бусы, а также бляшки съ крестиками внутри изъ другихъ мѣстностей. Полулуніе на стержнѣ найдено въ Vattinei, въ Венгріи. Въ статьѣ Мартона о найденныхъ въ Венгріи фибулахъ Гальштаттскаго типа приводится рядъ венгерскихъ фибулъ дугообразныхъ съ напущенными бусами [1]). Вообще отдѣльныхъ аналогій вещамъ клада можно разыскать много въ древностяхъ средней и южной Европы, но въ общемъ онъ составляетъ отличное дополненіе къ Гальштаттской культурѣ, какъ кладъ золотыхъ вещей, которыя въ могильникахъ почти не встрѣчаются. По общему своему составу онъ не подходитъ ни къ одному типу данной культуры изъ числа извѣстныхъ и составляетъ самостоятельное цѣлое въ этихъ пока еще очень темныхъ и недостаточно изученныхъ древностяхъ.

По бѣдности находокъ въ древнѣйшихъ могильникахъ и курганахъ Галиціи, а также по недостаточности изслѣдованій этого края, Михалковскій кладъ пока не можетъ быть пріуроченъ ни къ одному изъ разрядовъ мѣстныхъ древностей.

Весьма любопытно то обстоятельство, что вещи клада золотыя. Съ одной стороны это ведетъ насъ въ сферу бронзоваго вѣка, отъ котораго остались отличныя и значительныя по количеству подѣлки изъ золота, а во-вторыхъ напоминаетъ о племени, обитавшемъ въ періодъ Гальштаттской культуры въ данномъ районѣ и особенно любившемъ золотыя украшенія—ѳракійскомъ племени агаѳирсовъ (Herod. IV, 104).

Такъ какъ всѣ вообще старѣйшія древности Галиціи повторяются среди нашихъ, то предметы Михалковскаго клада должны оказаться и въ предѣлахъ Россіи. Дѣйствительно, они уже могутъ быть указаны. Такъ, бляшки въ видѣ выпуклаго креста найдены въ курганахъ Волынской губ. (собраніе Кіевскаго университета). Близъ с. Липлява Золотоношскаго у. Полтавской губ. найдена поломанная мѣдная пронизка изъ трубочки съ тремя лопастями (рис. 12). Конечно, со временемъ число аналогій умножится, разсчетомъ на что и вызвано появленіе настоящей публикаціи.

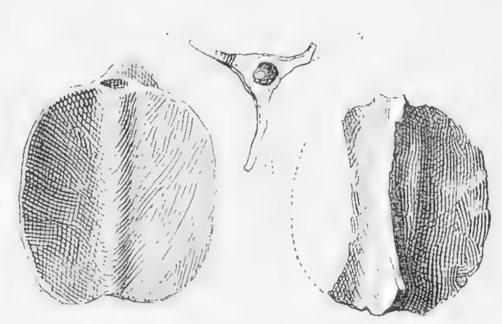

Рис. 12. С. Липлява, Полтавской губ.

[1]) *Archaeolog. Ertes.* т. XXXIII, стр. 151.

ЛИТЕРАТУРА.

Петрушевскій А. С. Львовское «*Слово*». 1878 г. №№ 93, 94, 98.

Pulszky. Die Denkmäler der Keltenherrschaft in Ungarn. *Litterar. Berichte aus Ungarn*, т. III (1879), стр. 29—36. — То же въ *Revue archéolog.*, т. XXXVIII и въ *Archaeolog. Közlémén.*, XIII.

Demetrykiewicz, Wl. Die österr.-ungar. Monarchie in Wort und Bild. Galizien, стр. 126—129.

Pragolowski. *Gazeta Narodowa*. 1878, № 196.

Kirkor. *Zbior wiadom.* t. III (1879 г), стр. 42.

Котляревскій. О Михалковскомъ кладѣ. *Чтенія въ Общ. Нест. Лѣтоп.*, кн. 2, стр. 68 (1888 г.). Сочиненія, т. IV, стр. 656.

Reinecke P. *Zeitschr. für Ethnol.* 1896, стр. 10 (упоминаніе).

Kohn und Mehlis. Materialen für Vorgeschichte, B. II, S. 228—239.

Wykopalisko w Michalkowie. *Wiad. num. arch.* 1897, т. III—IV, стр. 331.

Przybysławski. Goldfund in Michalkow. *Mittheil. der Zentr. Kommiss.* 1898, *S.* 112—113 (рис.); ср. *Mittheil. der Anthrop. Gesellschaft in Wien*, 1898, стр. 30.

Szavy. Złote skarby Michałkowskie. *Kraj.* 1899, № 49, стр. 327 (рис.).

Demetrykiewicz, Wl. Извѣстіе о находкѣ 1897 въ *Mittheil. der Anthropolog. Gesellsch. in Wien*, т. XXVIII (1898 г.), стр. 30.

Reinecke P. Die Goldfunde von Michalkow und Fokoru. *Zeitschr. für Ethnol.* XXXI (1899), 510—527.

Szombaty, I. *Mittheil. der Anthropolog. Gesellsch. in Wien.* XXX, H. II, стр. 130.

Przybysławski, Wl. Dwa zlote skarby w Michalkowie. *Teka konserwatorska*, 1900, стр. 34.

Hadaczek, K. Die Fibel des Odysseus, Helikes und Kalikes. *Jahreshefte des österr. archäol. Instit.* B. VI (1903), 108—122.

Hadaczek, K. Złote skarby Michalkowskie. Krakow, 1904 (рис.).

Hadaczek, K. Zum Goldschatz von Michalkow. *Jahresh. der österr. archäol. Inst.* IX (1906), 32.

Hoernes, M. Goldfund aus der Hallstattperiode in Oesterreich-Ungarn. *Jahrbuch des Zentr. Komm. Wien.* 1906, B. IV, 73—91 (рис.).

А. Лебедянская.

Рис. 1. Часовня на мѣстѣ заточенія боярина М. Н. Романова.

Оковы боярина Михаила Никитича Романова.

> Положиша мя въ ровѣ преисподнемъ, въ темныхъ и сѣни смертнѣй... И азъ къ Тебѣ, Господи, воззвахъ. *Пс. 87*, 7 и 14.
>
> Воззоветъ ко Мнѣ, и услышу его: съ нимъ есмь въ скорби. *Пс. 90*, 15.
>
> *(Изъ надписей на гробницѣ боярина въ селѣ Ныробѣ).*

Цѣпи, въ которыхъ окончилъ дни свои бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, представляютъ глубокій и разносторонній интересъ: и династическій, и историческій, и, наконецъ, религіозный, потому что многіе набожные люди чтутъ боярина, какъ мученика, и нерѣдко простаиваютъ церковныя службы, возложивъ на себя его «вериги».

А между тѣмъ о нихъ уже давно стали ходить разные темные слухи, отразившіеся если и не въ обширной, то въ очень запутанной литературѣ. Ея мы коснемся ниже, а теперь обратимся къ первоисточнику.

«О҃ присла́нїи боля́рина миха́їла никитича рома́нова въ ны́робъ. въ 7109-м [=1601] году́ при́слан был съ москвы́ [отъ цар]а́ борїса годуно́ва за стражею романом тушынымъ с командою в летнѣе врѐмя въ глухой киби́тке въ пе́рмь вели́кую въ че́рдынскои уе́здъ въ пого́стъ ны́робъ въ заточе́нїе блаже́нныя па́мят[и] боля́рин михаи́лъ ники́тичь рома́нов, а по родству блаже́нныя

па́мяти госуда́рю ца́рю и великому князю михаи́лу фео́доровичю всея́ росіи самоде́ржцу бы́лъ дя́дя родныи а святеишему патриа́рху филаре́ту никитичю бра́тъ ро́дныи: въ погосте ны́робе въ заточе́ніи въ земляно́й темніце сидел год и преста́віся въ 110-м [7110 = 1602] году. на то́и темніце построена часовня деревя́нная и погребен был в це́ркви отца ніколая чюдотворца подле алтаря на се́верной стороне»...

Такъ начинается стѣнная надпись внутри той ныробской каменной часовни, которая въ 1793 году замѣнила прежнюю деревянную [1]).

Вся надпись, какъ видно и изъ приведеннаго отрывка, не отличается гладкостью слога, и нѣкоторыя выраженія ея принадлежатъ различнымъ эпохамъ; отсюда ясно, что въ основу ея легъ не одинъ связный разсказъ, а нѣсколько разновременныхъ записей, оффиціально признанныхъ и въ силу этого внесенныхъ въ часовенную запись.

Такимъ характеромъ записи легко объясняется и то хронологическое противорѣчіе, которое въ ней есть. Тамъ говорится, что тѣло Михаила Никитича было перевезено изъ Ныроба въ Москву на пятый годъ послѣ кончины и при томъ по повелѣнію царя Михаила Θеодоровича, между тѣмъ въ 1606 г. Михаилъ Θеодоровичъ былъ еще малолѣтнимъ и никакихъ распоряженій давать не могъ. Затѣмъ, документально извѣстно, что прахъ боярина погребенъ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ еще въ царствованіе Лжедимитрія и по е̃го почину [2]). Всѣ подлинные «столбцы» его времени, конечно, такъ и говорили, но съ воцареніемъ Романовыхъ, когда смута улеглась и самозванство Димитрія сдѣлалось фактомъ окончательно признаннымъ, по естественнымъ причинамъ стало удобнѣе замалчивать имя «обманщика». А такъ какъ въ оффиціальномъ документѣ нельзя было не обозначить лицо, по приказанію котораго совершилось перенесеніе праха, то авторъ ныробской выборки и не задумался поставить имя царя Михаила вмѣсто Димитрія. Въ остальномъ ныробская «лѣтопись» совершенно точна какъ въ отношеніи датъ, такъ и въ отношеніи мѣстъ: до сихъ поръ въ зимнемъ ныробскомъ храмѣ (рис. 2)

---

[1]) См. рис. 1, заимствованный изъ сборника „Кама". Въ 1840 году надпись была переписана на кипарисовую доску, причемъ текстъ немного измѣненъ. Эта измѣненная копія называется обыкновенно „церковнымъ спискомъ", по мѣсту своего храненія—въ зимней ныробской церкви; соотвѣтственно этому, приведенный въ текстѣ оригиналъ можно назвать „часовенною лѣтописью". Ср. *Пермскія Епарх. Вѣд.* за 1872 г., неофф. отд., стр. 383, и за 1880 г., отд. неофф., стр. 319; *Новое Время*, приложеніе къ № 12420, отъ 9 октября 1910 г., стр. 6.

[2]) Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго, т. XI, Спб. 1853 г., стр. 206.—*Новое Время*, приложеніе къ № 12406, отъ 25 сентября 1910 г., стр. 8.

Рис. 2. Церковь въ с. Ныробѣ.

подлѣ алтаря на сѣверной сторонѣ стоитъ пустая гробница (рис. 3) Михаила Никитича [1]).

Рядомъ въ особомъ ящикѣ лежатъ его оковы; это двѣ желѣзныхъ цѣпи, замокъ и ключъ (см. рис. 4 и 5). Одна изъ цѣпей короткая, въ три звена;

Рис. 3. Гробница М. Н. Романова въ Ныробской церкви.

[1]) Рис. 2 и 3 заимствованы изъ сборника „Кама". Теперешній зимній храмъ построенъ въ честь Богоявленія, въ 1736 году, на мѣстѣ древней Никольской церкви. Ср. *Пермскія Епарх. Вѣд.* за 1880 г., неофф. отд., стр. 310.

на концахъ ея поручни по $2^{3}/_{4}$ вершка въ діаметрѣ [1]); длина цѣпи вмѣстѣ съ поручнями около $1^{1}/_{4}$ аршина, вѣсъ 9 фунтовъ. Вторая цѣпь значительно больше: она состоитъ изъ 22 звеньевъ, изъ которыхъ 21 витое, а одно, конечное, не перевито; на противоположномъ концѣ два полукружія, которыя запираются большимъ замкомъ. Длина этой цѣпи $4^{3}/_{4}$ аршина, вѣсъ ея 1 пудъ

Рис. 1.

11 ф., вѣсъ замка 10 фунтовъ. Всѣ три описанныя вещи относятся несомнѣнно къ одной эпохѣ, потому что техника металла одинаковая: желѣзо добыто кричнымъ способомъ изъ мелкихъ и фосфористыхъ болотныхъ рудъ; готовый металлъ очищенъ не особенно хорошо и не подвергнутъ вальцеванію, какъ это практикуется теперь [2]).

[1]) Промѣръ вездѣ по наружному краю.

[2]) См. въ приложеніи актъ химическаго и микроскопическаго анализа, для котораго были спилены частицы отъ замка и большой цѣпи. Къ сожалѣнію, Имп. Археологическая Коммиссія узнала объ этомъ анализѣ слишкомъ поздно, чтобы ему помѣшать; оставалось только помириться съ фактомъ и по возможности его использовать.

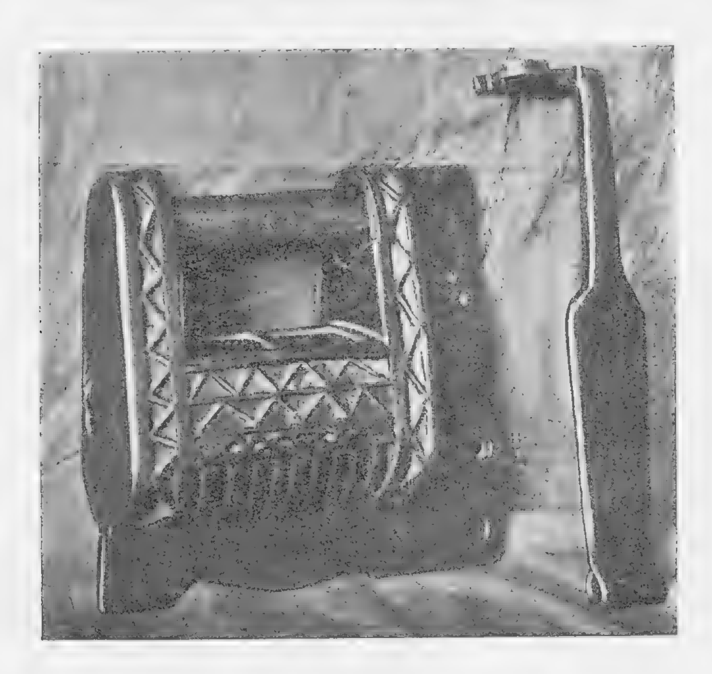

Рис. 5.

Что касается самой выдѣлки предметовъ, то она у каждаго различная. Замокъ исполненъ тонкой слесарной работой; чистое, умѣлое выполненіе, сложное устройство, наконецъ, обиліе украшеній, состоящихъ изъ желѣзныхъ пластинокъ, припаянныхъ на ребро, все это очень характерно: такіе замки были въ большомъ ходу на Руси отъ конца XVI до начала XVIII вѣка и употреблялись для амбаровъ, складовъ и тому под.; теперь ихъ вовсе не дѣлаютъ [1]). Ключъ требовался только для открыванія замка, а запирался онъ простымъ вдвиганіемъ дужки. Круглыя отверстія въ гребнѣ сдѣланы для того, чтобы можно было ради вѣрности запереть самый замокъ еще другимъ маленькимъ замкомъ или заклепкой. Меньшая цѣпь не обнаруживаетъ такого мастерства, хотя и она выработана довольно тщательно: ея металлъ предварительно прокованъ, какъ и металлъ замка. У большой цѣпи, наоборотъ, матеріалъ не былъ въ предварительной проковкѣ и даже очищенъ очень плохо: въ немъ осталось много угля и шлаковъ, которые, выкрошившись, усѣяли цѣпь глубокими щербинами [2]).

Сравненіе оковъ позволяетъ сдѣлать не мало любопытныхъ выводовъ объ ихъ происхожденіи. Большая цѣпь скована до крайности грубо; въ связи съ

---

[1]) Устройство замка представлено на чертежахъ 6*а* (видъ сбоку, срѣзана передняя стѣнка) и 6*б* (разрѣзъ по линіи *А—Б*).

[2]) См. въ приложеніи актъ анализа.

плохою выработкою металла получается такое впечатлѣніе, будто цѣпь изготовлена наспѣхъ и для опредѣленнаго лица, которому были назначены оковы особаго образца, въ какихъ не содержались обыкновенные преступники; иначе и въ тюремныхъ запасахъ нашлись бы подходящіе готовые кандалы въ родѣ меньшей цѣпи, которая, судя по ея тщательной работѣ, взята именно изъ такихъ запасовъ. О замкѣ можно думать, что онъ просто купленъ готовымъ у желѣзняка; въ этомъ убѣждаетъ многое: во-первыхъ, замокъ, исполненный очень кропотливой работой, принадлежитъ къ очень грубо скованной цѣпи; во-вторыхъ, онъ былъ первоначально покрытъ слоемъ мѣди, а такое укра-

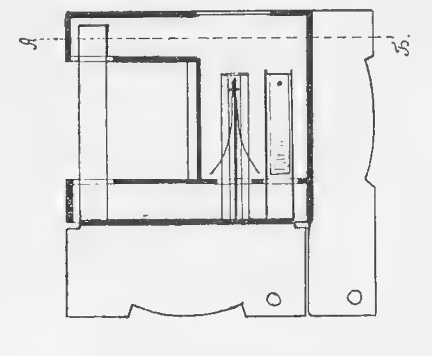

Рис. 6*а*.

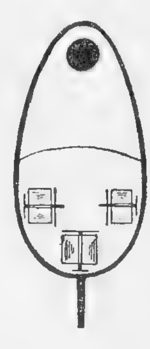

Рис. 6*б*.

шеніе понятно единственно при томъ условіи, что мастеръ не имѣлъ въ виду опредѣленнаго назначенія замка и работалъ для торговли.

При разсматриваніи этихъ предметовъ въ микроскопъ или даже въ сильную лупу легко замѣтить множество тонкихъ канальцевъ ржавчины, которые идутъ глубоко внутрь металла и свидѣтельствуютъ о древности вещей; онѣ сдѣланы, какъ мнѣ кажется, раньше XVIII вѣка. Вотъ все, что можно почерпнуть изъ изученія самихъ оковъ; ихъ дата опредѣляется такимъ образомъ отъ конца XVI по конецъ XVII вѣка.

На основаніи сказаннаго приходимъ къ тому заключенію, что узникомъ, носившимъ эти цѣпи, былъ человѣкъ вліятельный и популярный; если ему назначили особенныя оковы, тяжелѣе обыкновенныхъ, — это значитъ, что его боялись, но въ то же время очень долго не рѣшались взять его подъ стражу; до послѣдней минуты сомнѣвались, чтобы это удалось, и всячески старались избѣжать огласки, иначе могли бы заготовить ему оковы своевременно. Всѣ эти данныя какъ нельзя болѣе подходятъ къ Михаилу Никитичу Романову, и не подлежитъ сомнѣнію, что именно онъ былъ закованъ въ ныробскія цѣпи;

кромѣ него въ указанный промежутокъ времени не было сослано въ Ныробъ ни одно сколько-нибудь замѣчательное лицо.

Подлинность ныробскихъ оковъ была настолько общепризнана еще въ началѣ прошлаго столѣтія, что доказывать ее тогда не приходилось. По крайней мѣрѣ Берхъ говоритъ объ этомъ предметѣ кратко и опредѣленно; между тѣмъ его свѣдѣнія должны были отличаться полнотою, такъ какъ онъ получилъ ихъ отъ ныробскаго старожила, столѣтняго М. Д. Пономарева, который свято чтилъ память боярина и бережно собиралъ всѣ извѣстія о немъ [1]. Да вопросъ о подложности цѣпей и не возникалъ вплоть до 1883 года, когда мѣстный любитель старины А. А. Дмитріевъ нашелъ возможнымъ категорически высказаться за ихъ поддѣльность [2]; основаніемъ для такого сужденія послужилъ Дмитріеву ихъ «излишній блескъ», который дѣйствительно имѣется. Но даже при бѣгломъ осмотрѣ оковъ становится яснымъ, что блескъ этотъ получился отъ долгаго тренія, что и не мудрено, если богомольцы постоянно надѣваютъ ихъ на себя: учитель И. Поповъ свидѣтельствуетъ, что за четыре года своего пребыванія въ селѣ онъ не видѣлъ церковной службы, «когда бы цѣпи оставались въ покоѣ» [3], а теперешній ныробскій священникъ о. Александръ Третьяковъ говорилъ мнѣ, что въ теченіе одного Великаго поста у него говѣетъ до 2.000 человѣкъ. Какъ извѣстно, свѣже-выкованныя вещи бываютъ матово-чернаго цвѣта; для приданія имъ блеска ихъ необходимо чистить или полировать, отъ чего металлъ пріобрѣтаетъ ровный свѣтлый видъ. Поверхность же ныробскихъ цѣпей хоть и зашлифовалась отъ долгаго тренія, однако не утратила ржавчины, которая жилками уходитъ въ металлъ [4]. Повторяю, это видно и невооруженнымъ глазомъ, а подъ микроскопомъ картина получается настолько характерная, что рѣшительно непонятно, какимъ образомъ Дмитріевъ могъ такъ жестоко ошибиться. Единственное объясненіе можно видѣть въ томъ, что онъ вообще отнесся къ своей работѣ не очень внимательно; такъ, напримѣръ, на стр. 104 онъ называетъ Михаила Никитича «княземъ», а на стр. 105 даже «царственнымъ узникомъ».

Гораздо серьезнѣе другой аргументъ, выдвигаемый Дмитріевымъ противъ ныробскихъ цѣпей,—это ихъ вѣсъ, который не сходится со старинными извѣ-

---

[1] В. Берхъ. Путешествіе въ города Чердынь и Солнкамскъ, стр. 102. *Новое Время*, прилож. къ № 12413, отъ 2 окт. 1910 г., стр. 6.

[2] *Календарь Пермской губ.* на 1883 г., отд. II, стр. 105.

[3] И. Поповъ. Село Ныробъ и его достопримѣчательности, стр. 11 (отд. оттискъ изъ *Пермскихъ Епарх. Вѣд.* за 1896 г.).

[4] См. выше, стр. 45.

стіями. Впрочемъ, надобно замѣтить, что и здѣсь у Дмитріева есть ошибка, но она по существу дѣла не мѣняетъ. Въ передачѣ Дмитріева вышеупомянутый [1]) «церковный списокъ» оканчивается такъ: «...и на семъ мѣстѣ построена сія каменная часовня, единственно въ воспоминаніе здѣ преставльшагося страдальца боярина Михаила Никитича Романова. На семъ невинномъ страдальцѣ были желѣза 1 пудъ 39 фун., ручные желѣза 12 фун., кандалы или ножныя желѣза 19 фун., замокъ 10 фун., всего 3 пуда» [2]). На самомъ дѣлѣ ни въ «часовенной лѣтописи», ни въ «церковномъ спискѣ» съ нея нѣтъ послѣдней фразы, откуда слѣдуетъ, что Дмитріевъ списывалъ текстъ не съ подлинника, а съ ошибочнаго изданія, на которое, однако, не сослался; вѣроятно, это было изслѣдованіе діакона Василія Попова, у котораго есть та же прибавка [3]). Не трудно найти, откуда она появилась. «Вмѣсто предисловія» къ своей статьѣ о. Поповъ говоритъ, что только въ его время ныробскій причтъ пришелъ къ мысли отпечатать «церковный списокъ» на отдѣльныхъ листкахъ, а до тѣхъ поръ паломникамъ приходилось заказывать себѣ копіи у малограмотныхъ переписчиковъ, которые нерѣдко портили текстъ [4]). Повидимому, самъ о. Поповъ пользовался именно такой рукописной копіей, гдѣ переписчикъ присоединилъ свое замѣчаніе о вѣсѣ цѣпей [5]).

Ясно, что позднѣйшую приписку, невѣдомо на чемъ основанную, нельзя выставлять въ качествѣ серьезной улики, и въ этомъ заключалась ошибка Дмитріева. Но, какъ говорится, «безъ огня дыма не бываетъ»: приписка явилась только искаженнымъ отголоскомъ совершенно точнаго стариннаго извѣстія, записаннаго еще капитаномъ Рычковымъ и вошедшаго потомъ въ Географическій Словарь: «Ужасно смотрѣть на тяжкія оковы, которыми обремененъ былъ сей нещастный [Михаилъ Никитичъ] и кои понынѣ еще хранятся во храмѣ того села. Тягость ихъ почти невмѣстна носить силѣ человѣческой; ибо въ нихъ вѣсу гораздо болѣе трехъ пудъ» [6]). Приведенная тирада, конечно,

[1]) Стр. 41, прим. [1]).

[2]) *Календарь Пермской губ.* на 1883 г., с. 105.

[3]) См. *Пермскія Епарх. Вѣд.* за 1880 г., стр. 311 неофф. отдѣла; всѣ позднѣйшіе изслѣдователи повторили эту ошибку.

[4]) *Пермскія Епарх. Вѣд.* за 1880 г., неофф. отд., стр. 49.

[5]) Выборъ подобнаго источника тѣмъ менѣе извинителенъ, что у изслѣдователя подъ рукою имѣлось правильное изданіе списка въ *Пермскихъ Епарх. Вѣд.* за 1872 г., неофф. отд., стр. 383 сл. Ср. *Пермскія Епарх. Вѣд.* за 1880 г., неофф. отд., стр. 310, прим. **).

[6]) Словарь Географическій Россійскаго Государства... собранный Афанасьемъ Щекатовымъ. Часть IV, отд. 1: М.-П. Москва, 1805, ст. 764, подъ словомъ „Ныробъ“.—Продолженіе журнала или дневныхъ записокъ путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства въ 1770 году. С.-Петербургъ, 1772, стр. 123.

Рис. 7.

еще не значитъ, что ныробскія цѣпи фальшивы; она только доказываетъ, что теперь въ Ныробѣ не всѣ оковы, а недостающая часть ихъ — та самая, которую Дмитріевъ видѣлъ въ собраніи Белдыцкаго и которую онъ принялъ за единственныя достовѣрныя оковы боярина: цѣпь съ замкомъ, парная большой ныробской цѣпи (рис. 7) [1]. Дмитріевъ ея не взвѣшивалъ, но предположилъ, что съ замкомъ въ ней вѣсу 3 пуда [2]; это невѣрно, потому что сама она вѣситъ только 1 п. $9^3/_4$ ф., а ея замокъ—$10^3/_8$ фунта. Длина ея 4 арш. 10 в.; звеньевъ въ ней 25; по сравненію съ ныробскою цѣпью не хватаетъ крайняго, не перевитаго, звена, и если прибавить его, то длина обѣихъ цѣпей совпадаетъ. Замокъ одинаковаго устройства съ ныробскимъ и точно такъ же покрытъ мѣдью, которая на немъ лучше сохранилась. При изслѣдованіи подъ микроскопомъ строеніе обѣихъ цѣпей оказывается настолько тождественнымъ, и разрушенія, произведенныя ржавчиной, такъ однородны въ обѣихъ, что не остается никакихъ сомнѣній и въ общности ихъ происхожденія. Если сложить вѣсъ ныробскихъ оковъ (1 п. 30 ф.) съ вѣсомъ только что описанной цѣпи и ея замка (1 п. $20^1/_8$ ф.), то получится 3 п. $10^1/_8$ ф., т. е. цифра, вполнѣ соотвѣтствующая извѣстію Географическаго Словаря.

Это и есть полный комплектъ оковъ Михаила Никитича. Правда, одно время ходилъ слухъ, что какая-то часть цѣпей увезена въ Москву еще съ тѣломъ боярина; но подтвердить этотъ слухъ нечѣмъ, тогда какъ противъ него есть что привести. Во-первыхъ, онъ поздняго происхожденія и въ литературѣ появился только въ 1872 году [3], а во вторыхъ, въ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ теперь погребенъ бояринъ, никакихъ цѣпей не было и нѣтъ, да и вообще неизвѣстны другія оковы, кромѣ перечисленныхъ. Всѣ толки возникли

---

[1]) *Кал. Пермской губ.* на 1883 г., II отд., стр. 105

[2]) См. тамъ же.

[3]) *Пермскія Епарх. Вѣд.* за 1872 г., отд. неофф., стр. 388.

отъ одного случая, о которомъ мнѣ удалось узнать изъ сопоставленія печатныхъ матеріаловъ съ отрывочными замѣтками, оказавшимися въ бумагахъ покойнаго моего отца.

Въ первой четверти XIX вѣка въ Чердынскомъ краѣ занималъ видное мѣсто нѣкто В. Н. Прокофьевъ; судя по словамъ Берха, это былъ умный и обходительный человѣкъ, къ тому же любитель старины [1]). Получивъ отъ начальства предписаніе снять копію съ оковъ Михаила Никитича, Прокофьевъ счелъ необходимымъ взять ихъ изъ Ныроба. Трудно допустить, чтобы онъ увезъ при этомъ всѣ цѣпи сразу: народъ смотритъ подозрительно на всякое прикосновеніе къ своей святынѣ и, конечно, въ интересы Прокофьева не входило волновать населеніе; наоборотъ, гораздо вѣроятнѣе, что малую цѣпь онъ совсѣмъ не бралъ, какъ не представляющую никакихъ особенностей, а изъ двухъ большихъ, бывшихъ тогда въ Ныробѣ, взялъ только одну вмѣстѣ съ принадлежащимъ къ ней замкомъ. По крайней мѣрѣ, только съ этой цѣпи и была изготовлена копія, но мнѣ неизвѣстно, была ли она когда-нибудь отправлена по назначенію; возможно, что именно она хранится теперь въ музеѣ Уральскаго Общества любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ. Какъ бы то ни было, но подлинникъ уже не вернулся въ Ныробъ, а остался у Прокофьева. Произошло это между 1805 и 1820 годами, потому что въ упомянутомъ Географическомъ словарѣ изданія 1805 года вѣсъ ныробскихъ цѣпей приведенъ еще полный, а въ 1821 г. Берхъ показалъ его въ два пуда. Прокофьевъ дѣйствовалъ, несомнѣнно, съ вѣдома ныробскаго причта, иначе послѣдній имѣлъ бы полнѣйшую возможность если не жаловаться, то хоть не замалчивать фактовъ; между тѣмъ, даже ближайшіе преемники тогдашнихъ церковнослужителей проявили совершенную неосвѣдомленность въ этомъ направленіи [2]). Такова фактическая сторона дѣла.

Дальнѣйшая исторія цѣпи, увезенной Прокофьевымъ, тѣсно связана съ судьбою его собственной семьи. У Прокофьева сыновей не было; единственная его дочь, вышедшая замужъ за С. Я. Коновалова, получила все довольно значительное состояніе своего отца, между прочимъ домъ въ г. Чердыни вмѣстѣ съ хранившимися тамъ коллекціями. У Коноваловыхъ сыновья были, но домъ и коллекціи достались опять-таки ихъ дочери, вышедшей замужъ за П. В. Белдыцкаго; у него-то въ «домашнемъ музеѣ» А. А. Дмитріевъ и видѣлъ заинтересовавшую его цѣпь, которая къ тому времени пролежала въ покоѣ

[1]) Берхъ, Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ, стр. 112.
[2]) Ср. *Пермскія Епарх. Вѣдом.* за 1872 г., неофф. отд., стр. 388, примѣч.

уже не менѣе пятидесяти лѣтъ,—срокъ вполнѣ достаточный для образованія ржавчины и черноты, поразившей Дмитріева. Недолго спустя, въ декабрѣ 1883 года эта цѣпь была куплена у Белдыцкаго моимъ отцомъ и теперь находится въ нашемъ домѣ въ селѣ Александровскомъ, Красноуфимскаго уѣзда.

Берхъ, повидимому, не зналъ объ ея существованіи, но не совсѣмъ точны у него свѣдѣнія и о видѣнныхъ имъ ныробскихъ оковахъ. Впрочемъ, здѣсь мы уже переходимъ къ сложному вопросу о противорѣчіи въ показаніяхъ разныхъ авторовъ относительно комплекта и вѣса цѣпей. Первымъ по времени является свидѣтельство капитана Рычкова, дословно перепечатанное въ Географическомъ Словарѣ; какъ выше сказано, общій вѣсъ обозначенъ тамъ болѣе трехъ пудовъ, но составныя части оковъ не перечислены [1]. Слѣдующее извѣстіе принадлежитъ Берху, который первый приводитъ перечень оковъ: «... желѣза хранятся поднесь въ церкви и удивляютъ тяжестію своею каждаго путешественника.

Плечныя желѣза или такъ называемый стулъ вѣсомъ	39 фунт.
Ручныя желѣза	12 »
Кандалы или нижнія желѣза	19 »
Замокъ	10 »
Итого	2 пуда» [2].

У всѣхъ позднѣйшихъ изслѣдователей ножными кандалами названа меньшая изъ ныробскихъ цѣпей, и нѣтъ основаній думать, что Берхъ держался другихъ взглядовъ [3]; но теперь эта цѣпь вѣситъ только 9 фунтовъ, хотя она совершенно цѣла. Отсюда приходится вывести одно заключеніе, что у Берха цифра 19 поставлена по ошибкѣ, вмѣсто 9, и если эта поправка вѣрна, то общій вѣсъ ныробскихъ оковъ изъ показаннаго Берхомъ въ 2 пуда сократится до 1 пуда 30 фунтовъ, каковой и есть на самомъ дѣлѣ. Въ перечнѣ Берха есть и другая особенность: въ Ныробѣ теперь хранится двѣ цѣпи, а у Берха ихъ показано три, зато вѣсъ большой цѣпи обозначенъ всего въ 39 фунтовъ. Это обстоятельство заставило меня внимательно ее пересмотрѣть, причемъ обнаружилось, что четвертое отъ полукружій звено сломано и вновь сварено, при помощи особой накладки, еще въ давнее время. Разумѣется, теперь

---

[1]) См. стр. 47.

[2]) Берхъ, Путешествіе, стр. 102.

[3]) Ср., напр., у Вагнера въ *Пермскомъ Сборникѣ*, кн. 2 (Москва, 1860), отд. смѣси, стр. 7, рисунокъ.

нельзя точно взвѣсить каждый обрывокъ въ отдѣльности, но приблизительное взвѣшиваніе дало результаты, соотвѣтствующіе цифрамъ Берха. Въ 1833 году въ Ныробѣ была составлена церковная опись, первая изъ дошедшихъ до насъ, и въ ней вѣсъ оковъ опредѣляется въ 1 пудъ 31 фунтъ [1]). Однако, въ 1860 году Н. Вагнеръ дословно повторилъ табличку Берха и, хотя самъ бывалъ въ Ныробѣ, всетаки не отмѣтилъ разницы между своимъ показаніемъ и церковной описью [2]). Въ 1872 году, когда ныробскій священникъ о. Георгій Поповъ снова взвѣсилъ оковы, получилась цифра на 1 фунтъ меньше, чѣмъ въ описи,—1 п. 30 ф. [3]). Болѣе подробныя свѣдѣнія даны діакономъ Василіемъ Поповымъ: для большой цѣпи 1 п. 10 ф., для малой («кандалы»)—10 ф. и для замка 10 ф.; общій вѣсъ получается тотъ же, какой указанъ о. Георгіемъ Поповымъ, и всѣ послѣдующіе авторы сохранили эту цифру.

Всѣхъ оковъ боярина не видалъ ни одинъ изслѣдователь, кромѣ Дмитріева, да и тотъ вынесъ немного поспѣшный приговоръ; большинство же довольствовалось слухами, преувеличенными и неясными, какъ всѣ слухи. Такъ родились легенды и о подложности цѣпей, и объ отвозѣ въ Москву то трети, а то и двухъ третей оковъ; на этой же почвѣ создавались самыя фантастичныя теоріи о способѣ ихъ ношенія. Берхъ, вѣроятно, понималъ дѣло такъ, что «плечныя желѣза» (длинный обрывокъ большой ныробской цѣпи, см. выше стр. 50) обвивали заключеннаго на подобіе веригъ, а «нижнія желѣза» были на ногахъ; какъ могла при этомъ носиться «ручная цѣпь» (короткій обрывокъ большой ныробской цѣпи, съ полукружіями и замкомъ), судить не берусь; да и вся реставрація Берха зиждется на совершенно неправильной таблицѣ, о которой говорено выше. Другіе основывались на большой цѣпи уже въ починенномъ видѣ и полагали, что полукружія надѣвались на шею, а противоположный конецъ былъ прикованъ къ стѣнѣ или столбу; такого мнѣнія держался Н. А. Санинъ [4]), и его же высказывали мнѣ старожилы Ныроба и Чердыни. Но всѣ эти проекты не провѣрены на практикѣ, а представляютъ чистую теорію, которая не посчиталась даже съ тѣлосложеніемъ заключеннаго.

Пусть сильно преувеличенъ разсказъ, что Михаилъ Никитичъ могъ одинъ отбросить на десять шаговъ такую повозку, которую съ трудомъ передвигали

---

[1]) Эта опись хранится теперь въ Ныробскомъ церковномъ архивѣ.

[2]) См. указ. статью Вагнера въ *Пермскомъ Сборн.*, кн. 2,, стр. 7—8.

[3]) *Пермскія Епарх. Вѣдом.* за 1872 г., неофф. отд., стр. 388. Эта ничтожная разница легко объясняется недостаточно точнымъ взвѣшиваніемъ при составленіи описи.

[4]) Пермское село Ныробъ, Москва, 1908, стр. 4.

пять человѣкъ[1]): народъ любитъ надѣлять своихъ героевъ сказочными чертами; возможно, что бояринъ и не былъ гигантскаго роста въ буквальномъ смыслѣ слова, но любой врачъ подтвердитъ, что онъ долженъ былъ обладать большой физической силой, крупнымъ сложеніемъ и нѣкоторой полнотой, если могъ высидѣть годъ, не видя свѣта Божьяго, въ холодномъ и сыромъ подземельѣ, скованный цѣпями въ три слишкомъ пуда вѣсомъ. Въ бытность нашу въ Ныробѣ нашлось нѣсколько человѣкъ подходящей комплекціи, охотно согласившихся примѣрить цѣпи. Оказалось, что поручни малой цѣпи, которую обыкновенно называютъ ножною, не сходятся и на разутой ногѣ; между тѣмъ, они должны были бы сходиться, потому что на Михаилѣ Никитичѣ они были даже заклепаны, а не заперты на замокъ; половина одной заклепки до сихъ поръ цѣла. Наоборотъ, эти поручни какъ нельзя лучше приходятся на руки, оставляя мѣсто для тонкой предохранительной прослойки между тѣломъ и желѣзомъ. Полукружія большой цѣпи замыкаются на шеѣ только у среднихъ людей; полнаго человѣка съ хорошо развитой мускулатурой такое кольцо просто задушитъ. Да помимо всего прочаго, при наличности двухъ большихъ цѣпей эта гипотеза отпадаетъ сама собою и взамѣнъ ея появляется новая,—именно, что большія цѣпи были ножными. Ихъ полукружія отлично приходятся на ноги, только прокладныя кольца были здѣсь немного толще, чѣмъ на рукахъ. Зная, какія страшныя язвы получаются безъ такой прокладки, можно не сомнѣваться, что она была разрѣшена Михаилу Никитичу: въ Москвѣ не имѣли въ виду уморить его поскорѣе, — это можно бы сдѣлать и ближе, чѣмъ въ Ныробѣ; напротивъ, ему готовилась длительная ссылка, въ которой оковы должны были только лишить его возможности бѣжать и сопротивляться. Въ ручной цѣпи имѣется кольцо, назначеніе котораго совершенно непонятно, если не допустить, что къ нему были прикованы ножныя цѣпи; отъ тяжести послѣднихъ и про-

Рис. 8.

[1]) См. *Новое Время*, прилож. къ № 12406, стр. 9.

изошло то, что, несмотря на незначительность собственнаго вѣса, ручныя цѣпи сильно изношены въ мѣстахъ соприкосновенія звеньевъ. А у ножныхъ цѣпей подобное явленіе наблюдается только на концѣ, противоположномъ полукружіямъ, и это лишній разъ доказываетъ, что ближе къ полукружіямъ цѣпь лежала на землѣ, тогда какъ другой ея конецъ былъ прикованъ къ ручной цѣпи. Въ поясненіе нашихъ предположеній прилагаемъ на рис. 8 эскизъ расположенія цѣпей на тѣлѣ.

При такомъ устройствѣ оковы оказывались замѣчательно цѣлесообразными; чѣмъ дальше узникъ протягивалъ руки, чѣмъ выше онъ ихъ поднималъ, тѣмъ больше тяжести на нихъ ложилось: сопротивленіе возрастало съ напряженіемъ; способность ходьбы была почти совсѣмъ отнята: два десятифунтовыхъ замка, достигая земли, при каждомъ шагѣ били заключеннаго по ступнямъ, длинныя цѣпи ударяли по ногамъ и еще тащились по землѣ, а если узникъ приподнималъ ихъ, то на смѣну являлась ихъ тяжесть. Система была тонко продумана: отъ такихъ надежныхъ сторожей можно было уйти развѣ только въ могилу.

Литература.

Берхъ, В. Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ для изысканія историческихъ древностей. Санктпетербургъ, 1821.

Вагнеръ, Н. Отъ Чердыни до Ныроба. *Пермскій Сборникъ*, книжка вторая, Москва, 1860, смѣсь, стр. 1—9.

Дмитріевъ, А. Историко-археологическіе очерки Чердынскаго края. Очеркъ V. Историческое село Ныробъ, Чердынскаго уѣзда, Пермской губерніи. *Календарь Пермской губ. на 1883 г.*, Пермь, 1883, отдѣлъ II, стр. 100—107.

«Кама», иллюстрированный путеводитель по рѣкѣ Камѣ и по р. Вишерѣ съ Колвой; подъ редакціею П. В. Сюзева, Пермь, 1911.

Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, томъ XI. Спб. 1853.

Л. А. Б. Бояринъ-мученикъ Михаилъ Никитичъ Романовъ. *Новое Время*, приложенія къ №№ 12406, 12413 и 12420 отъ 25 сентября, 2 и 9 октября 1910 года.

Поповъ, Василій, діаконъ. Бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ и мѣсто его заточенія — село Ныробъ. *Пермскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1880 годъ, неоффиц. отдѣлъ.

Поповъ, Георгій, священникъ. Явленная и чудотворная икона святителя Николая мүръ-ликійскаго, въ селѣ Ныробѣ, Чердынскаго уѣзда. *Пермскія Епарх. Вѣдомости* за 1872 годъ, неоффиц. отдѣлъ.

Поповъ, П. Село Ныробъ и его достопримѣчательности. *Пермскія Епарх. Вѣд.* за 1896 годъ.

Санинъ, Н. Пермское село Ныробъ, его древности и святыни. *Русскій Архивъ* за 1908 годъ, книга 3.

Шишонко, В. Пермская лѣтопись съ 1263 по 1881 годъ. Пятый періодъ: съ 1682 по 1725 годъ; часть первая: съ 1682 по 1694 годъ. Пермь, 1885, примѣч. на стр. 230.

Щекатовъ, А. Словарь Географическій Россійскаго Государства. Часть 4-я, отд. I: М.—П. Москва, 1805, ст. 764 (подъ словомъ «Ныробъ»).

Рычковъ, капитанъ. Продолженіе журнала или дневныхъ записокъ путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства 1770 году. С.-Петербургъ, 1772, стр. 123.

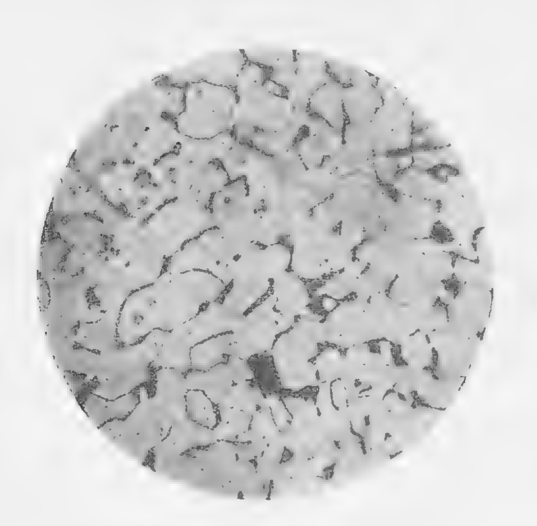
Приложеніе.

АКТЪ.

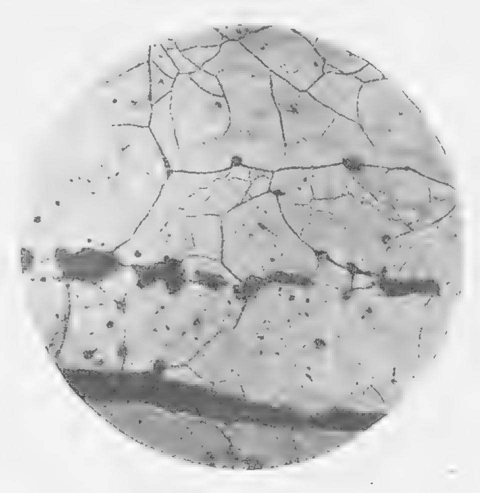
1911 года, января 27 дня, мы, нижеподписавшіеся, составили настоящій актъ въ слѣдующемъ: 15 декабря 1910 года горнымъ начальникомъ Пермскихъ пушечныхъ заводовъ было получено отъ исполняющаго должность Пермскаго губернатора письмо за № 24822 отъ 14 декабря 1910 года и два запечатанныхъ пакета, изъ которыхъ первый былъ снабженъ надписью: «Частица отъ замка оковъ боярина Михаила Никитича Романова, находящихся въ селѣ Ныробѣ» и другой съ надписью: «Частицы желѣза отъ оковъ боярина Михаила Никитича Романова, находящихся въ себѣ Ныробѣ», съ просьбою произвести возможно полный и точный анализъ содержащихся въ запечатанныхъ пакетахъ образцовъ металла. По вскрытіи перваго изъ вышеупомянутыхъ пакетовъ, въ немъ оказался кусокъ желѣза, судя по наружному виду, стариннаго происхожденія. Мѣстами кусокъ былъ покрытъ окислами желѣза и металлической мѣдью. Передъ анализомъ онъ былъ хорошо промытъ спиртомъ и эфиромъ и затѣмъ послѣ высушиванія взвѣшенъ. Вѣсъ его равнялся 9,5 граммовъ. Надо полагать, что присланный образецъ былъ взятъ отъ кованаго предмета, который былъ покрытъ сплошнымъ слоемъ мѣди, вѣроятно, погруженіемъ очищеннаго на поверхности предмета въ растворъ мѣдной соли (купороса). Со временемъ мѣдь эта стерлась. Кусокъ металла, находившійся во второмъ пакетѣ, представлялъ часть овальнаго звена цѣпи. Онъ былъ покрытъ сплошь по всей

поверхности, кромѣ разрѣза, окислами желѣза чернаго цвѣта. Послѣ промывки металла спиртомъ и эфиромъ цвѣтъ его не измѣнился. Вѣсъ куска 16,8 граммовъ.

Раньше, чѣмъ производить химическій анализъ, оба куска подвергнуты были микроскопическому изслѣдованію, причемъ по снимкамъ ихъ шлифовъ (№ 1 отъ замка и № 2 отъ оковъ) при увеличеніи въ 125 разъ рѣзко обнаружилась ферритовая структура богатаго фосфоромъ мягкаго желѣза. Судя по снимку № 1 отъ замка оковъ, необходимо заключить, что предметъ, которому принадлежитъ кусокъ, былъ подвергнутъ проковкѣ, вслѣдствіе которой темные фосфиды желѣза и приняли видъ тонкихъ прожилковъ по свѣтлому фону феррита. Въ то же время оковы (снимокъ № 2), очевидно, такой проковкѣ не подвергались и были сдѣланы изъ фосфористаго литого металла, поэтому фосфиды желѣза въ металлѣ распредѣлены въ видѣ отдѣльныхъ гнѣздъ.

Снимокъ № 1 (увел. въ 125 р.).

Снимокъ № 2 (увел. въ 125 р.).

Произведенный точный химическій анализъ вполнѣ подтвердилъ первоначальное предположеніе, составленное на основаніи изученія микроструктуры шлифовъ, при чемъ кусокъ желѣза отъ оковъ обнаружилъ сравнительно больше фосфидовъ желѣза, чѣмъ кусокъ металла отъ замка.

Химическій анализъ далъ слѣдующіе результаты:

	Кусокъ отъ замка.	Кусокъ отъ оковъ.
Углерода	0,10%	0,13%
Марганца	слѣдъ.	незн. слѣдъ.
Фосфора	0,376%	0,484%
Кремнія	0,115%	0,062%
Мѣди	0,099%	нѣтъ.

Судя по химическому анализу и микроструктурѣ изслѣдуемыхъ предметовъ, надо полагать, что они сдѣланы изъ кричнаго желѣза, полученнаго, по всей вѣроятности, изъ весьма фосфористаго чугуна, выплавленнаго изъ болотныхъ, такъ называемыхъ дерновыхъ, сильно фосфористыхъ рудъ, которыя въ старинныя времена охотно переплавлялись, давая жидкоплавкій чугунъ.

На основаніи всего сказаннаго нужно во всякомъ случаѣ считать, что тѣ предметы, отъ которыхъ были взяты присланные куски, а именно: замокъ и оковы, несомнѣнно стариннаго происхожденія и являются подлинными оковами Михаила Никитича Романова.

(Подлинный за надлежащими подписями).

В. Голубцовъ.

Рис. 1. Видъ Грипсгольмскаго замка.

Грипсгольмскія пищали.

Въ давнишней замѣткѣ о шлемѣ царя Ивана Васильевича Грознаго, хранящемся въ Стокгольмскомъ музеѣ [1]), я упомянулъ и о двухъ старинныхъ русскихъ пушкахъ, также находящихся въ Швеціи. Статья моя обратила на себя вниманіе бывшаго нашего посланника въ Швеціи, теперь посланника въ Болгаріи, А. А. Савинскаго, который любезно прислалъ мнѣ свѣдѣнія объ этихъ орудіяхъ.

Разыскивая, затѣмъ, данныя о московскихъ пушкахъ, я встрѣтилъ нѣсколько любопытныхъ указаній, которыя представляю вниманію читателей. Подборъ моихъ источниковъ случайный и не претендуетъ на полноту; тѣмъ не менѣе тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось собрать, не лишены интереса. Кромѣ того, благодаря отзывчивости лицъ, къ которымъ я обращался за справками, я получилъ возможность сообщить и нѣсколько еще неизданныхъ данныхъ.

Считаю пріятнымъ долгомъ высказать глубочайшую признательность за оказанное мнѣ цѣнное содѣйствіе посланнику нашему въ Болгаріи А. А. Савинскому; губернатору Грипсгольмскаго замка, первому маршалу Королевскаго Двора, К. М. Лилліехеккъ; Директору Главнаго Архива Министерства

[1]) *Записки Имп. Русскаго Арх. Общ.*, т. X, вып. 1 и 2 (1898).

Иностранныхъ Дѣлъ Н. Б. Мансурову; Управленію этого Архива, и Начальнику Артиллерійскаго Историческаго Музея Д. П. Струкову. Приношу также искреннѣйшую благодарность В. В. Латышеву, П. М. Печенкину, А. С. Раевскому и другимъ лицамъ, не отказавшимъ мнѣ въ помощи при настоящемъ небольшемъ изслѣдованіи.

Въ разстояніи 70-ти верстъ отъ Стокгольма, на одномъ изъ острововъ озера Меларъ расположенъ королевскій замокъ Грипсгольмъ (рис. 1). Онъ основанъ въ XIII-мъ вѣкѣ и получилъ свое названіе отъ обладателя замка, рыцаря Грипъ (грифъ). Въ 1537-мъ году весь замокъ былъ заново перестроенъ королемъ Густавомъ Вазой, сдѣлавшимъ изъ него свое любимое мѣстопребываніе.

Въ Грипсгольмѣ произошли разныя крупныя историческія событія. Здѣсь содержались въ заточеніи герцогъ Финляндскій Іоаннъ III-ій, сынъ Густава Вазы, со своей женой; во время этого плѣна у герцога родился въ 1565 году сынъ, который впослѣдствіи былъ королемъ шведскимъ и польскимъ подъ именемъ Сигизмунда III-го. Въ Грипсгольмѣ былъ заключенъ король Эрикъ XIV и другіе. Грипсгольмскій замокъ нынѣ усиленно посѣщается туристами, благодаря сохраняющемуся здѣсь богатому собранію историческихъ портретовъ, въ числѣ коихъ имѣются портреты и особъ русскаго Царствующаго Дома.

Во дворѣ замка (рис. 2) стоятъ съ давнихъ временъ двѣ старинныя русскія мѣдныя пушки, «богато разукрашенныя разными узорами и изображеніями фантастическихъ звѣрей». Размѣры пушекъ, въ метрахъ, одной: длина 5,48; діаметръ 0,45—0,59; другой: длина 4,98; діаметръ 0,48—0,60. Обѣ пушки калибра 0,18 [1]). Онѣ установлены на деревянныхъ лафетахъ позднѣйшаго, сравнительно съ пушками, происхожденія, но выдѣланныхъ по точному образцу лафетовъ начала XVI-го вѣка [2]).

Шведскія надписи на лафетахъ сообщаютъ, что пушки отлиты въ 1577 и 1578 г.г. [3]) и отобраны у русскихъ во время похода маршала (fältherre) Понтуса Делагарди 1581-го года, при взятіи Ивангорода [4]). По указанію же

---

[1]) Эти размѣры обязательно сообщилъ мнѣ г. Лилліехекъ.

[2]) Gripsholms Slott etc. En Vägledning etc. (Stokholm. 1912). Путеводитель по замку.

[3]) Дата 1578 г., какъ ниже будетъ сказано, отмѣчена на лафетахъ неточно. Вѣрнѣе читать: 1579.

[4]) A. Lagrenius и C. A. Ossbahr, Kongliga Lifrustkammaren och dermed förenade Samlingar (Stockholm 1897). Тоже въ письмахъ, которыми меня почтили г.г. Савинскій и Лилліехекъ.

Рис. 2. Дворъ Грипсгольмскаго замка.

путеводителя по Грипсгольскому замку [1]), русскія пушки издавна извѣстны въ Швеціи подъ кличками «борова и свиньи», хотя русское ихъ наименованіе: «волкъ». Послѣднему прозвищу соотвѣтствуютъ и двѣ большія волчьи головы, украшающія дульныя части орудій.

Упоминанія о Грипсгольмскихъ пушкахъ встрѣчены мною въ печати, помимо упомянутой книги Лагреніуса и Оссбара и путеводителя по замку, еще въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

Записки Имп. Археологическаго Общества, т. III (Спб. 1850) Приложенія къ перечню засѣданій. Надписи, сообщенныя Чумиковымъ.

Larousse, Grand Dictionnaire Universel. Ссылка на M-r Henri Martin, описавшаго русскія пищали. (Въ какомъ именно сочиненіи, не указано. Вѣроятно въ Pologne et Moscovie 1868. Книги этой я въ рукахъ не имѣлъ).

Ionas (Emil I.), Reise und Skizzenbuch für Schweden etc. (Strassburg/Berlin 1875).

Контевъ (А.), Путевыя замѣтки по Швеціи и Норвегіи и т. д. (Спб. 1893).

Волковъ (Л.), Стокгольмъ и т. д. (Спб./Москва 1897).

Sundbärg (Gustav), La Suède etc. (Stockholm. 1900 [2]).

Baedeker, Schweden, Norwegen etc. Handbuch für Reisende (Leipzig 1911).

Рѣпниковъ (Н. Н.), Памятники военной старины въ низовьяхъ р. Волхова (Спб. 1914), отд. отт. изъ III тома «Записокъ Разряда военной археологіи и археографіи Имп. Русскаго Военно-Историческаго Общества».

О Грипсгольмскихъ пушкахъ упоминалъ и я въ статьѣ о шлемѣ Ивана Грознаго [3]). Закончилъ я въ то время свое сообщеніе замѣчаніемъ о томъ, какъ интересно было-бы добыть точные снимки съ надписей на Грипсгольмскихъ пушкахъ и подробное ихъ описаніе. Нынѣ, благодаря отзывчивости г.г. Савинскаго и Лилліехека, я могу представить фотографическій снимокъ съ пушекъ (см. рис. 3) и точно воспроизвести находящіяся на нихъ русскія надписи

Хотя эти надписи и приведены въ вышеуказанной замѣткѣ Чумикова, откуда онѣ списаны Н. Н. Рѣпниковымъ, однако копія Чумикова сдѣлана, повидимому, на память и далеко не точна. Вѣрное чтеніе надписей нижеслѣдующее:

[1]) Gripsholms Slott etc.

[2]) Изъ этой книги заимствованъ видъ Грипсгольмскаго замка на рис. 1

[3]) См. стр. 57. прим. 1.

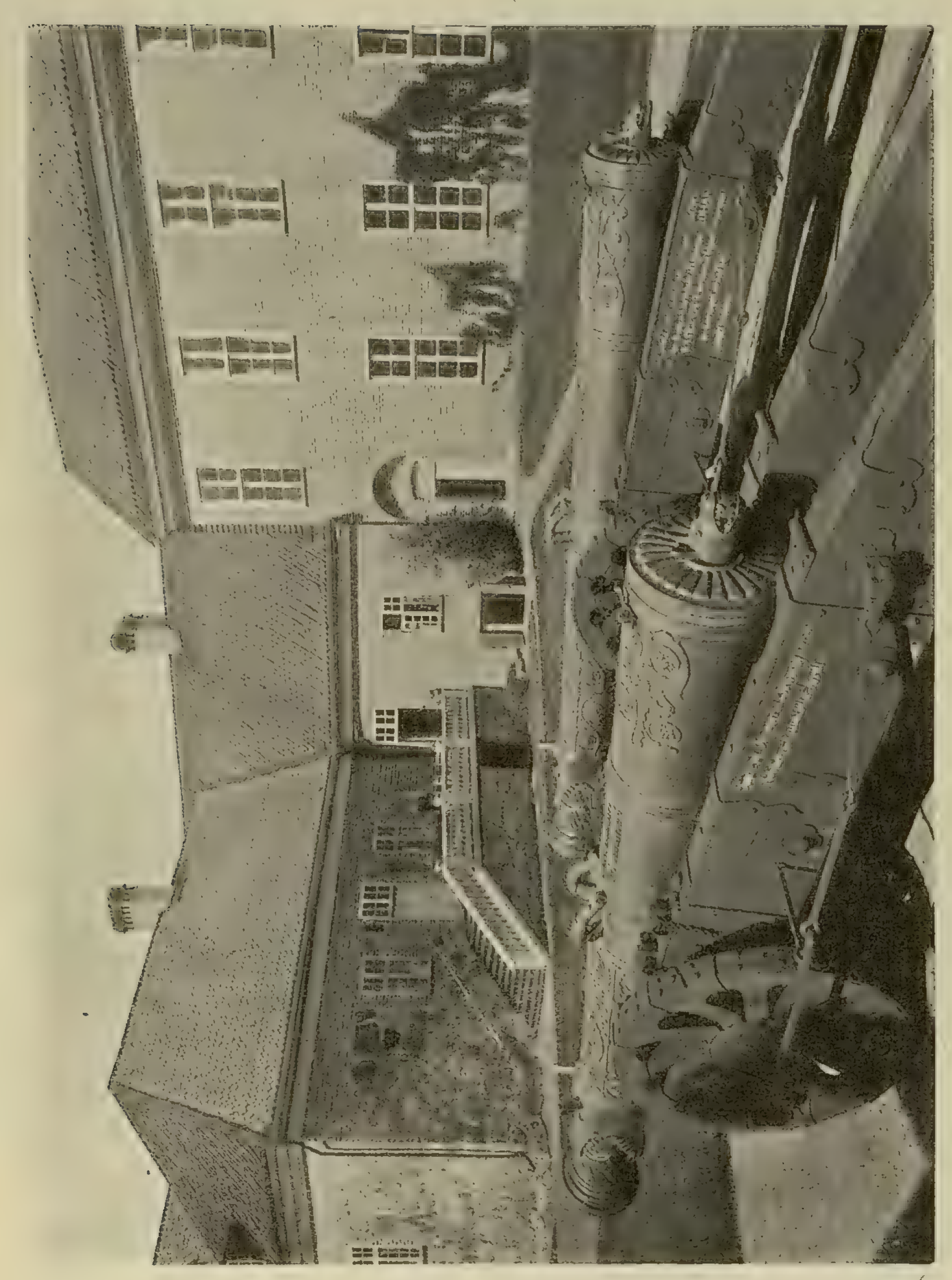

Рис. 3. Русскія пушки въ Грипсгольмѣ.

На первой (болѣе длинной) пищали.

Съ правой стороны:

БЖЇЕЮ МЛСТИЮ ° ПОВЕЛЕНІЕМЪ ГДРЯ
ЦРЯ ВЕЛИКОГО КНЗЯ ЇВАНА
ВАСИЛЕВИЧЯ ВСЕЯ РУСИ.

Съ лѣвой стороны:

ЗДѢЛАНА СИЯ ПИЩАЛ ВОЛКЪ ° В
ЛѢТА ° ЗПЗ ° ДѢЛАЛ ѠТДРѢИ ЧОХО

На второй пищали.

Справа:

БЖІЕЮ МЛСТИЮ ЇѠА ЦРЬ Ї ВЕЛИКІИ
КНЗЬ ГДРЬ ВСЕЯ РУСИ.

Слѣва:

ПИЩАЛ ВОЛКЪ ДѢЛАН В ЛѢТА
ЗПЕ (1) ДѢЛАЛ ѠТДРѢИ ЧОХОВ.

Шведскія надписи на лафетахъ, какъ уже было сказано, позднѣйшія.

Напомнимъ, что въ 1580-мъ году шведскій полководецъ, французъ Понтусъ Делагарди 2) вошелъ въ Карелію и въ ноябрѣ взялъ Кексгольмъ. Въ началѣ 1581 г. Делагарди неожиданно явился въ Ливоніи подъ Везенбергомъ, взялъ какъ этотъ городъ, такъ и рядъ другихъ городовъ и, въ томъ числѣ, Нарву, послѣ кровопролитнаго сраженія. Затѣмъ Делагарди перенесъ войну на русскую почву и взялъ Ивангородъ, Яму и Копорье, чѣмъ привелъ царя Ивана IV-го «въ ужасъ» 3).

О взятіи Ивангорода Понтусомъ Делагарди мы находимъ слѣдующій разсказъ у писателя того времени Гейденштейна 4). «Когда Гарди началъ громить

---

1) Означенные здѣсь года: 7087 и 7085 отъ сотворенія міра соотвѣтствуютъ (придерживаясь счисленія 5508) 1579 и 1577 годамъ нашей эры. Между тѣмъ у Чумикова, Оссбара и Рѣпникова показаны годы 1576 и 1578.

2) Въ описаніи Henri Martin (по цитатѣ Larousse l. c.) говорится, что русскія орудія были „conquis sur Ivan le Terrible par notre La Gardie, ce vaillant aventurier français“ и т. д.

3) Карамзинъ, И. Г. Р. т. IX (Спб. 1834); Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VI.

4) Reinoldi Heidenteni etc. De bello Moscovitico quod Stephanus Poloniae Rex gessit etc. (Basileae 15ſ 3). О взятіи Ивангорода повѣствуетъ также и Одер-

стѣны города Нарвы пушками, то москвичи, находившіеся въ Ивангородской крѣпости, желая ее защитить, перешли мостъ и перевезли съ собою большую часть пушекъ. Однако, лишь только шведскія войска ворвались въ городъ, москвичи въ страхѣ начали отступать. Тутъ нѣсколько итальянцевъ, бывшихъ въ шведскомъ войскѣ съ Іорнимомъ Капволо, начали кричать: «побѣда!» и бросились на москвичей. За ними пошло и остальное войско и преслѣдовало москвичей до самыхъ воротъ, перебивъ большое число ихъ. Остальные, которые успѣли укрыться въ крѣпости, испугавшись внезапнаго нападенія шведовъ, не имѣя уже для своей защиты орудій, которыя они незадолго передъ тѣмъ перевезли въ Нарву, и отчаиваясь въ возможности защититься, вслѣдствіе крайней своей малочисленности,—вынуждены были сдаться. Благодаря такому же переполоху москвичей, Делагарди овладѣлъ и сосѣдними укрѣпленіями—Ямгородомъ и Копорьемъ». Изъ Ивангорода и были, какъ оказывается, вывезены обѣ пищали «Волкъ», понынѣ сохраняющіяся въ Грипсгольмѣ.

Трофеи эти представлялись особенно цѣнными какъ по величинѣ орудій, такъ и по изящной отдѣлкѣ ихъ. Къ тому же Ивангородъ слылъ неприступною крѣпостью, взятіе коей почиталось за крупный военный подвигъ. Объ этомъ городѣ Флетчеръ [1]) повѣствуетъ, что «царь Иванъ Васильевичъ построилъ на другой сторонѣ рѣки Наровы городъ съ крѣпостью, названный Иванъ-городъ. Крѣпость велѣлъ онъ сдѣлать такъ прочно и такъ оградить, что ее считали неприступною; послѣ же того, какъ она была окончена, въ награду архитектору, который былъ родомъ полякъ, онъ велѣлъ выколоть ему оба глаза, чтобы онъ не могъ выстроить другой подобной крѣпости». То же у Петрея [2]): «Das Schlosz Iwanogorodt ist ein überaus fest Schlosz».

Вообще въ XVI-мъ вѣкѣ много было отбито пушекъ и русскими у шведовъ и шведами у русскихъ. Историки приводятъ при этомъ эпизоды, свидѣтельствующіе о большомъ героизмѣ со стороны нашихъ пушкарей. Такъ, напримѣръ, «когда въ 1578 году Голицынъ, Шереметевъ и другіе воеводы осадили городъ Венденъ, то на выручку его прибыли литовцы и шведы, съ которыми не замедлило послѣдовать сраженіе. Въ наступившую затѣмъ ночь

борнъ, Paulus Oderbornius, Ioannis Basilidis Magni Moschoviae Ducis vita etc. (Vitebergae 1585). Также въ нѣмецкомъ переводѣ: Des Grausamen Tyranen Iohannis Basilidis etc. Leben und Thaten. (Erfurth 1698).

1) „О государствѣ Русскомъ“ и т. д. (Лондонъ 1591). Переводъ кн. К. М. Оболенскаго.

2) Petrus Petreius de Erlesunda, Historien und Bericht von dem Groszfürstenthumb Muschkow etc. (Lipsiae 1620).

русскіе военачальники съ конницей отступили изъ своего укрѣпленнаго стана, бросивъ артиллерію на произволъ судьбы. Но не всѣ послѣдовали ихъ примѣру; московскіе пушкари, бывшіе при орудіяхъ, рѣшились, оставаясь на своихъ мѣстахъ, съ горстью другихъ храбрецовъ встрѣтить непріятеля съ оружіемъ въ рукахъ. На другой день литовцы и шведы возобновили нападеніе и ворвались въ русскіе окопы; тогда пушкари, видя неминуемую гибель ввѣренныхъ имъ орудій, предпочли смерть плѣну и, въ глазахъ торжествующаго непріятеля, повѣсились на своихъ собственныхъ пушкахъ» [1]).

Имя Андрея Чехова (или Чохова), отлившаго обѣ Грипсгольмскія пищали «Волкъ», весьма извѣстно въ Россіи. Онъ значится, какъ пушечный и колокольный литецъ (иногда «мастеръ») во второй половинѣ XVI-го вѣка, съ 1568 по 1632 годъ [2]). Имъ, между прочимъ, сдѣлана (въ 1586 г.) пресловутая московская «Царь Пушка» (дробовикъ, вѣсомъ въ 2400 пудовъ), цѣль изготовленія которой была, повидимому, похвастать или попугать татарскихъ пословъ, ѣхавшихъ въ Москву. Царь-Пушка лежала первоначально на показъ, «безъ станка». на рядахъ у Лобнаго мѣста [3]). Чеховская Царь-Пушка является вторымъ экземпляромъ большого орудія съ этимъ наименованіемъ; первая Царь-Пушка была вылита другимъ мастеромъ.

Древнѣйшія издѣлія Чехова, 1568 и 1569 г.г., носятъ надпись: «Дѣлалъ Кашпаровъ ученикъ Андрей Чеховъ». Такъ значится на трехъ пищаляхъ, записанныхъ въ описи Смоленской артиллеріи 1670-го года [4]). Въ этой же описи числится еще пушка съ надписью: «дѣлана сія пищаль «Лисица», въ лѣто 7083 (1575). Дѣлалъ Андрей Чеховъ». Ему-же принадлежатъ хранящіяся частью въ С.-Петербургѣ въ Арсеналѣ и Артиллерійскомъ музеѣ, частью въ Москвѣ: пищаль «Инрокъ» (Единорогъ) 1577-го года, длиною въ 17½ футовъ: мортира («можжира») 1587 г.; пищали «Левъ», «Скоропега», «Троилъ», «Аспидъ» (1590 г.); мортира 1605 г.; пищаль «Царь Ахиллесъ», слитая съ помощью

[1]) Н. Е. Бранденбургъ, Историческій каталогъ СПБ.-го Артиллерійскаго Музея. Часть I (Спб. 1877). Разсказъ заимствованъ у Гейденштейна (Reinholdi Heidensteini, Rerum Polonicarum etc. libri XII (1672) въ переводѣ князя М. Оболенскаго (см. „Иностранныя сочиненія и акты, относящіеся до Россіи“ (Москва 1847), т. 2). Тотъ-же разсказъ у Новодворскаго, Борьба за Ливонію, въ *Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ.* 1889 г.

[2]) В. Желѣзновъ, Указатель мастеровъ русскихъ и иноземныхъ, горнаго, металлическаго и оружейнаго дѣла и т. д. (Спб. 1907). Продолжительный срокъ дѣятельности Чехова — 64 года — наводитъ на мысль, не было ли въ Москвѣ *двухъ* Чеховыхъ (отца и сына?), занимавшихся послѣдовательно литьемъ орудій? Выяснить этотъ вопросъ я не имѣлъ возможности.

[3]) Бранденбургъ, l. c.

[4]) Дополненіе къ актамъ историческимъ и т. д., т. V (Спб. 1853).

учениковъ въ 1617 г., и пищаль 1629 года. На большинствѣ этихъ орудій вылиты надписи: «дѣлалъ Ѡндрѣй Чеховъ», или «лилъ пищаль пушечной мастеръ Ѡндрѣі Чоховъ». На пищали «Инрогъ» имѣется еще шведская надпись о томъ, что эта пушка была отобрана Карломъ XII-мъ въ 1703-мъ году, при взятіи города Эльбинга. Впослѣдствіи, въ 1723-мъ году, пушка возвращена была въ Россію иноземцемъ, вымѣнявшимъ ее на другіе товары [1]).

Грипсгольмскія пушки носятъ кличку «Волкъ» и украшены у дульной части большими волчьими головами. О такой пушкѣ «Волкъ» встрѣчается указаніе въ древнемъ нѣмецкомъ повѣствованіи объ осадѣ города Вендена въ 1578-мъ году [2]), а именно: воеводы королей польскаго и шведскаго соединяютъ свои силы и «во славу Божію» нападаютъ на москвичей. Послѣдніе разбиты. Побѣдители «положили на мѣстѣ нѣсколько князей и бояръ, со всѣми лучшими стрѣлецкими головами; многихъ изъ нихъ взяли въ плѣнъ; знатнѣйшаго московскаго воеводу повѣсили на самой большой пушкѣ, называемой Волкомъ, и тутъ-же убили его; взяли въ добычу 24 большія пушки, и т. д. Въ исчисленіи пушекъ, отобранныхъ у москвичей при этой побѣдѣ, мы встрѣчаемъ: «одна большая пушка, называемая Волкомъ, на которой былъ повѣшенъ и убитъ, какъ объяснено выше, московскій воевода». А въ перечнѣ погибшихъ въ сраженіи московскихъ князей значится: «Князь Иванъ Облоцкій намѣстникъ Обдорскій, убитый на большой пушкѣ, называемой Волкомъ». Другой писатель того времени, Одерборнъ [3]), описывая взятіе Вендена, говоритъ: «Москвичи имѣютъ пушку огромной величины и силы, называемую Волкомъ. Она установлена впереди ихъ лагеря и выбрасываетъ дротики шестифутовой толщины. Это орудіе досталось въ руки побѣдоносныхъ королевскихъ (шведскихъ и польскихъ) войскъ».

Также у Стрыйковскаго [4]) указывается, что послѣ пораженія русскихъ войскъ подъ Венденомъ въ 1577 году взята была въ плѣнъ многочисленная артиллерія, которая отослана была побѣдителями въ Вильну; въ томъ числѣ «шесть большихъ великолѣпныхъ стѣнобитныхъ орудій и, на первомъ мѣстѣ, отличающаяся своимъ изяществомъ и величиной пушка, съ изображеніемъ волка».

---

[1]) Бранденбургъ, l. c.

[2]) Moscovische Niderlag und Belegerung der Statt Wenden (Nürnberg 1579). Переводъ князя М. Оболенскаго помѣщенъ въ книгѣ: Иностранныя сочиненія и акты, относящіеся до Россіи, т. II (Москва 1847).

[3]) Ioannis Basilidis etc..

[4]) Kronika polske etc. (1846), въ цитатѣ у Новодворскаго (l. c.).

Наименованіе московскихъ пищалей «Волкъ» встрѣчается и въ описаніи похода Стефана Баторія 1578 года, авторъ котораго, Гейденштейнъ [1]), видѣлъ такія пушки въ числѣ отбитыхъ у Москвы шведами. Подобныя же пищали «Волкъ» значатся въ числѣ пушекъ Шеина во время осады Смоленска въ 1632—1634 годахъ [2]). Одна изъ этихъ пищалей «Волкъ» имѣла дату 1609-го года. Такая же пищаль «Волкъ» отлита была въ Москвѣ въ 1680-мъ году, а въ С.-Петербургскомъ Артиллерійскомъ музеѣ имѣется мѣдная пищаль «Волкъ» 1684 года, съ изображеніемъ на дульной части волчьей головы и съ надписью: «Волкъ» [3]).

Наименованія московскихъ пушекъ XVI-го вѣка бывали весьма разнообразны. Прозвищамъ орудій соотвѣтствовали и разнообразныя изображенія, вычеканенныя на тореляхъ и дулахъ. Кромѣ перечисленныхъ чеховскихъ пушекъ съ различными наименованіями, извѣстны еще пушки и пищали разныхъ видовъ, длины и калибровъ подъ названіями: Левикъ (1553), Ящерица (1554), Братъ (1564), Острая Панна (1564), Песикъ (1575), Копчикъ (1578), Ястребъ (1578), Дѣвка (1578), Соколъ (1578 [4]), Медвѣдь (1578 и 1590 [5]), Онагръ (1581), Свитокъ (1591), Новый Персъ (1686), Гамаюнъ (1690), Орелъ (1693), Койца, Ушатая, Змѣй, Змія Летучая, Сверстной, Нечаі, Василискъ, Соловей, Инбросъ, Дѣдокъ и т. д.

---

1) De Bello Moscovitico etc.

2) Желѣзновъ (l. c.).

3) Д. П. Струковъ, Путеводитель по Артиллер. Историческому Музею (Спб. 1912).

4) Пушки съ изображеніемъ соколовъ, о которыхъ разсказываютъ иностранные писатели,—это, повидимому, тѣ пушки, которыя въ московскихъ описяхъ значатся подъ именемъ Волконея, Волконейка, Волконѣта, отъ французскаго Falconneau, Fauconneau, извѣстный типъ старинныхъ пушекъ мелкаго калибра. Въ Имп. Публичной Библіотекѣ есть любопытная, сильно попорченная, рукопись XVII-го столѣтія, записанная въ каталогѣ подъ заголовкомъ: „Описная книга пушекъ и пищалей и военныхъ снарядовъ во всѣхъ городахъ Россійскихъ, учиненная въ царствованіе царя Михаила Ѳедоровича“. Рукопись эта, на которую указываетъ и Н. Е. Бранденбургъ, содержитъ на 128 листахъ (in fol.) подробное перечисленіе различнаго крѣпостнаго и полковаго наряда. Здѣсь часто повторяется наименованіе „Волконейка“. Рукопись, на сколько я могу судить, заслуживала бы особаго вниманія спеціалистовъ и напечатанія. Въ перечисленіи артиллеріи, оставленной Іоанномъ IV-мъ въ городѣ Трикатенъ въ 1576-мъ году, во время ливонскаго похода, встрѣчаемъ: „5 пищалей волконѣтовъ мѣдяныхъ“ (Новодворскій, l. c.).

5) Въ нѣмецкомъ описаніи взятія Вендена (l. c.) указывается, между прочимъ, на оплошность москвитянъ, которые, за нѣсколько дней до своего пораженія, отослали въ Москву „не только отмѣнно великую, но даже самую огромнѣйшую пушку, называемую Медвѣдь“.

Пушечное дѣло было вообще довольно развито въ Москвѣ въ XVI-мъ столѣтіи. Въ началѣ этого столѣтія великій князь Василій III впервые, по словамъ Герберштейна [1]), употребилъ въ дѣло пушки для отраженія татаръ отъ Москвы, а затѣмъ пользовался пушками и отливалъ ихъ во время осады Смоленска. Василій III чрезвычайно цѣнилъ служившихъ у него иностранныхъ артиллеристовъ. Герберштейнъ разсказываетъ, что въ 1521-мъ году, когда «таврическій царь» Махметъ Гирей пошелъ на Москву, то Василій III испугался и бѣжалъ изъ столицы. Въ это время «заслужили великую похвалу состоявшіе на московской службѣ нѣмецкіе пушкари, въ особенности Николай, уроженецъ окрестностей Рейна, недалеко отъ имперскаго города Шпейера». Ему поручили защиту города, и москвичи просили его вывести къ крѣпостнымъ воротамъ большія пушки. Эти пушки были, однако, такъ громадны, что ихъ едва-ли можно было перевезти въ три дня, а въ Москвѣ не было въ готовности столько пороху, чтобы хоть одинъ разъ выстрѣлить изъ самой большой пушки. Николай рѣшилъ воспользоваться маленькими пушками, которыя легче перевозились. Однако москвичи предпочли умилостивить Махметъ Гирея дарами, и онъ удалился къ Рязани. Здѣсь, когда татары окружили крѣпость и начали переговариваться съ перепуганными русскими объ условіяхъ сдачи, то начальникъ московской артиллеріи Іоаннъ Іорданъ, родомъ нѣмецъ, уроженецъ долины Инна, своевольно выстрѣлилъ въ татаръ изъ выставленныхъ въ рядъ пушекъ. Татары за это потребовали выдачи имъ пушкаря головою, но, къ счастію Іордана, вынуждены были внезапно удалиться отъ Рязани. По возвращеніи артиллеристовъ въ Москву, великій князь Василій III обласкалъ нѣмцевъ пушкарей и одарилъ ихъ.

Въ другомъ случаѣ (въ 1504-мъ году) татарамъ удалось заманить московское войско въ засаду и отбить у него пушки и снаряды. При этомъ въ бѣгствѣ московскаго войска участвовали и двое завѣдующихъ снарядами, одинъ изъ коихъ былъ итальянецъ, по имени Варѳоломей. По возвращеніи ихъ въ Москву, великій князь благосклонно принялъ пушкарей и одарилъ ихъ. «Третій же пушкарь вернулся изъ этого пораженія со ввѣреннымъ ему орудіемъ и надѣялся заслужить у государя великую и незыблемую милость за то, что тщательно сохранилъ и вернулъ орудіе. Но государь встрѣтилъ его упреками, сказавъ: ты подвергалъ меня и себя огромной опасности, желая или бѣжать,

---

[1]) Herberstain. Rerum Moscoviticarum commentarii etc. (Basileae 1600). Переводы И. Анонимова, Записки о Московіи (Спб. 1866) и А. І. Малеина, Записки о Московскихъ дѣлахъ (Спб. 1902).

или сдаться врагамъ съ орудіемъ. Я не ставлю ни во что потерю его, лишь бы у меня оставались люди, которые умѣютъ лить и употреблять ихъ».

Иностранные пушкари были особенно цѣнны, потому что москвичи, какъ свидѣтельствуютъ иностранные писатели XV-го и начала XVI-го вѣковъ, совершенно не могли справляться съ своей артиллеріей. Пушки ихъ выливались въ Москвѣ особыми итальянскими и германскими мастерами, и хотя въ Москвѣ можно было видѣть много большихъ мѣдныхъ пушекъ итальянской работы, установленныхъ на лафетахъ съ колесами, все-же москвичи не умѣли обращаться съ этими пушками и пользовались ими весьма безтолково [1]).

Послѣ сдачи, въ 1576 г., города Люцина, во время похода въ Ливонію Іоанна IV-го, нѣмцы, находившіеся въ крѣпости, изъявили желаніе служить московскому государю. А потому Іоаннъ приказалъ отправить ихъ въ Москву, «а которые пригодятся въ пушкари, и тѣхъ устроить жалованіемъ денежнымъ и хлѣбнымъ» [2]).

Иностранные пушкари цѣнились въ описываемую эпоху не одними только русскими царями. Такъ, напримѣръ, король шведскій Густавъ-Адольфъ поручилъ посѣтившему его въ 1616-мъ году голландскому посольству «привести ему изъ Нидерландовъ нѣсколько человѣкъ инженеровъ, канонеровъ, фейерверкеровъ, колесниковъ и тому подобныхъ людей», такъ какъ король «устраиваетъ арсеналъ для пушекъ и другого оружія и снарядовъ, на подобіе нидерландскаго [3])».

Точно такъ же не у однихъ москвичей усматриваются и случаи неумѣлаго обращенія съ орудіями. Такъ, напримѣръ, въ донесеніи тѣхъ же голландскихъ пословъ, представившихся королю Густаву-Адольфу подъ Псковомъ, во время осады этого города шведами въ 1615-мъ году, мы встрѣчаемъ такую замѣтку: «Король приказалъ продолжать бросать гранаты (въ городъ Псковъ), къ великому несчастію одного изъ бомбардировъ, ибо одно изъ орудій опрокинулось, огонь попалъ въ порохъ, который находился вблизи; бомбардиръ и нѣсколько другихъ людей были взорваны; 50 или 60 человѣкъ, кромѣ того, были тяжело ранены».

---

1) Герберштейнъ (l. c.) и Paulus Jovius, De Legatione Basilii Magni Principis Moscoviae ad Clementem VII Pontificem etc. Также у Iohannis Faber, Moscovitarum Religio (Basileae 1525) и у Salomon Neugebauer, Moscovia etc. (Gedani 1612).

2) Новодворскій (l. c.).

3) Отчетъ нидерландскихъ посланниковъ Рейноута фанъ-Бредероде и др. объ ихъ посольствѣ въ Швеціи и Россіи въ 1615 и 1616 годахъ, въ *Сборникѣ Имп. Русскаго Историч. Общества*, т. 24 (Спб. 1878).

Пушечное дѣло, однако, быстро наладилось въ Москвѣ, и уже къ серединѣ XVI-го вѣка здѣсь было нѣсколько пушечно-литейныхъ мастерскихъ, такъ называемыхъ пушечныхъ избъ, которыя, повидимому, тянулись вдоль Красной площади около кремлевской стѣны до Неглинной рѣчки. Позднѣе внутри самого Кремля былъ устроенъ особый литейный кварталъ, обведенный стѣною изъ бѣлаго камня. Здѣсь, по словамъ современнаго итальянскаго писателя [1]), «sta l'Arsenale e le Officine, edove fondosi le Artigliarie e le Campane (колокола)». Также у Петрея: «Unter derselben Strichmawr ist noch eine andere gemacht, da die Carthanen, Mawrbrecher, grosz und kleine Sturmstücke an grosser Anzahl liegen».

Со времени Ивана Грознаго сословіе пушкарей является какъ-бы привилегированнымъ, съ извѣстными правами. При Грозномъ въ Москвѣ ежегодно производился смотръ стрѣльбы артиллеріи. Царь имѣлъ съ собой въ 1552-мъ году подъ Казанью однихъ тяжелыхъ орудій 150; подъ Полоцкомъ въ 1562-мъ году—200, а въ главныхъ россійскихъ городахъ и укрѣпленіяхъ въ половинѣ XVII-го столѣтія насчитывали около 3000 орудій [2]) причемъ въ это число не включены пушки, находившіяся во многихъ мелкихъ городахъ и монастыряхъ

Не лишены интереса нѣкоторыя цифровыя данныя о крѣпостной артиллеріи того времени. Такъ, напримѣръ, послѣ взятія въ 1576 г. города Динабурга, Іоаннъ IV, подвигаясь далѣе въ своемъ походѣ на Ливонію, оставилъ въ Динабургѣ артиллерію, состоявшую изъ «7 пищалей мѣдныхъ, 3 пищалей скорострѣльныхъ желѣзныхъ, да 104 пищалей затинныхъ, да зелья въ 18 бочкахъ 50 пудъ, да полбочки ямчюги, да ко всѣмъ пищалямъ 1000 ядеръ, 50 прутовъ свинцу, да въ прибавку оставлено 2 пищали полуторныхъ». Въ городѣ Шванебургѣ (Гольбинѣ) оставлено: «2 пищали сороковыя на колесѣхъ мѣдяныхъ, да пищаль мѣдная, да 2 тюфяка желѣзныхъ, да пищаль желѣзная, да 2 пищали желѣзныхъ городовые тюфяки полуторы пяти, да 77 пищалей затинныхъ» [3]).

При взятіи у русскихъ города Суши, войска Стефана Баторія овладѣли крѣпостными орудіями въ количествѣ «21 большихъ орудій, 136 гаковницъ;

---

1) Ercole Zani, Relazione e viaggio della Moscovia etc. (Parma 1691). Разсказъ относится къ 1669 году.

2) „Дневникъ... похода Стефана Баторія на Россію" (изд. Кояловича) и Дипломатическая переписка 1581—1582 г.г. (Спб. 1867). Въ приложеніяхъ: Spisok Naradu, ktory Narad w inflanczkich horodziech zostawicz и т. д. Касательно вообще русской артиллеріи XVII-го столѣтія имѣются любопытныя свѣдѣнія въ вышеупомянутой рукописи Имп. Публичной Библіотеки: „Описная книга пушекъ и пищалей".

3) Новодворскій (l. c.).

123 длинныхъ ручницъ, 100 бочекъ пороху и т. д.»; а при взятіи Невеля отобрано у русскихъ: «Tormenta maiora decem, minora quae ansatae, ab aliis barbatae vocantur, centum reperta, praeter manualia sclopeta, quae quingentorum excesserunt» [1]) (10 большихъ орудій, 100 малыхъ и свыше 500 пищалей).

Въ перечисленіи многочисленной артиллеріи, оставленной Иваномъ IV-мъ въ разныхъ ливонскихъ городахъ, встрѣчаемъ еще нижеслѣдующія наименованія: пищали мѣдныя и желѣзныя, пищали скорострѣльныя со вкладни; самопалы свитскіе, пищали со змѣйками; пищали затинныя долгія и короткія; рушницы, пушечки полковыя [2]). Передъ сдачей крѣпостей непріятелю, нашимъ воеводамъ иногда удавалось «спрятать въ землю образа, церковныя книги и вообще священные предметы, уничтожить порохъ и аммуницію, а орудія погрузить въ воду» [3]).

Калибры русскихъ пушекъ были весьма разнообразны. Въ анонимномъ французскомъ описаніи Москвы [4]) разсказывается, что въ 1579 г. «le Czar avait seulement en quatre chasteaux 2000 canons, dont quelques uns estoient si gros, qu'estant sur le ventre, un homme de grande taille ne pouvoit pas toucher le haut avec la teste». Описаніе не особенно понятное.

Представляемъ ниже на рис. 4—6 изображенія русской артиллеріи XVII в., заимствованныя изъ альбома шведскаго инженера, капитана Эрика Пальмквиста, который былъ прикомандированъ къ шведскому посольству графа Оксенштерна, отправленному къ царю Алексѣю Михаиловичу въ 1673 году. По возвращеніи въ Швецію, Пальмквистъ доставилъ своему правительству подробный рукописный отчетъ о всемъ видѣнномъ имъ въ Московіи. Эта рукопись издана facsimile въ Стокгольмѣ шведскимъ Генеральнымъ Штабомъ въ 1898 г. Замѣтки Пальмквиста, изложенныя на древнемъ шведскомъ языкѣ, читаются съ трудомъ. Вся книга Пальмквиста была переведена на русскій языкъ г. Гранстремомъ, но переводъ этотъ, на сколько я знаю, остался въ рукописи и никогда цѣликомъ изданъ не былъ [5]).

---

[1]) Brevis narratio rerum a Regio M. Pol. etc., въ цитатѣ Новодворскаго.

[2]) Новодворскій (l. c.).

[3]) Новодворскій (l. c.).

[4]) „Relation de tout ce qui regarde la Moscovie“ etc. (Lyon 1688).

[5]) О переводѣ Гранстрема и о нѣкоторыхъ частяхъ этого труда, появившихся въ печати, см. у Линдемана: Разборъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Пальмквистомъ о Торжкѣ (Тверь 1905), а также въ статьѣ Ю. Готье: Извѣстія Пальмквиста о Россіи, въ *Археологич. Извѣстіяхъ и Замѣткахъ*, *издав. Имп. Московскимъ Археологич. Обществомъ*, 1899 г., №№ 3/4.

Съ той части рукописнаго перевода, которая касается московской артиллеріи, мнѣ, благодаря особой любезности Управленія Московского Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, доставлена копія. Такъ какъ данныя, сообщаемыя Пальмквистомъ о московскомъ пушкарномъ дѣлѣ, нигдѣ еще не были напечатаны въ русскомъ переводѣ (а если и были изданы, то составляютъ недоступную библіографическую рѣдкость), то я считаю нелишнимъ воспроизвести полностью, въ особомъ приложеніи къ этой статьѣ, указанія Пальмквиста. Въ его альбомѣ эти замѣтки приложены къ той таблицѣ, которая посвящена московской артиллеріи.

Замѣчанія свои Пальмквистъ озаглавилъ такъ: «Наблюденія и замѣтки о русской артиллеріи». По его словамъ «русскіе имѣютъ прекрасную артиллерію, которая заключаетъ въ себѣ не только образцы орудій, принятыхъ у насъ какъ въ полевой, такъ и въ полковой артиллеріи, но представляетъ помимо того свои небольшія особенности». «Къ пріѣзду пословъ въ Москву», говорится далѣе, «царь приказалъ вызолотить 12 пищалей, вмѣстѣ съ ихъ лафетами, что придавало имъ очень красивый видъ. Груди пушкарей были украшены вызолоченными щитами съ изображеніями царскаго герба; такіе же щиты были поставлены передъ каждымъ орудіемъ, между пушкарей. Кованная артиллерія изготовляется въ 18 миляхъ отъ Москвы на Тульскихъ желѣзодѣлательныхъ заводахъ, составляющихъ собственность датчанина Петра Марселіуса. Большія мортиры, вслѣдствіе своей значительной величины и тяжести, употребляются безъ лафетовъ, вкопанныя прямо въ землю. Вообще, русскіе стрѣляютъ довольно мѣтко, и артиллерія ихъ снабжена какъ хорошими пушкарями, такъ и свѣдущими мастерами».

«Въ общемъ», говоритъ одинъ изслѣдователь [1]), «артиллерійское дѣло велось въ допетровской Руси, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ военные историки, такимъ порядкомъ, который не только не отставалъ отъ подобнаго же порядка въ остальной Европѣ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ упреждалъ Европу».

Весь личный и матеріальный составъ наряда былъ подчиненъ особому Приказу, который во времена царя Ивана IV-го слылъ Пушечнымъ, а съ 1627 г. называется Пушкарскимъ. Этотъ Приказъ, по словамъ Олеарія [2]), обладалъ многочисленными спеціалистами по разнымъ отраслямъ литейнаго дѣла, колоколовъ, огнестрѣльнаго и холоднаго орудія. Флетчеръ говоритъ [3]),

---

1) М. Д. Хмыровъ, Артиллерія и артиллеристы въ до-Петровской Руси. *(Артиллер. Журналъ* 1865 г., № 9).

2) Moscowitische Reisebeschreibung (Schleswig 1666).

3) „О Государствѣ Русскомъ". Переводъ кн. К. М. Оболенскаго.

что въ русскомъ войскѣ былъ особый Нарядный Воевода, которому подчинена была артиллерія и подъ главнымъ начальствомъ коего находились шесть другихъ начальниковъ артиллеріи. Въ числѣ бояръ, перечисленныхъ въ книгѣ имперскаго посла барона Мейерберга (1661—2), значится князь Юрій Алексѣевичъ Долгоруковъ, состоявшій во главѣ Пушкарскаго приказа [1]).

Изящная отдѣлка московскихъ орудій и богатое одѣяніе пушкарей постоянно обращаютъ на себя вниманіе иностранныхъ пословъ. Кромѣ уже отмѣченнаго указанія Пальмквиста, приведу еще выписку изъ дневника члена голландскаго посольства 1675 года [2]). «Когда (27-го января) мы прибыли къ замку (Кремлю), то здѣсь мы увидѣли около 20-ти желѣзныхъ орудій, которыя, какъ намъ сказали, всѣ были выкованы, а не отлиты; нѣкоторыя изъ нихъ были совершенно гладки и въ различныхъ мѣстахъ вызолочены; лежали они на роскошно расписанныхъ и позолоченныхъ лафетахъ. У каждаго орудія стояли два пушкаря съ позолоченными бляхами на груди, украшенными гербами Его Царскаго Величества. Въ рукахъ у нихъ были полумѣсяцы (бердыши) и фитили, на которыхъ были гербы Его Царскаго Величество, именно: изображеніе позолоченнаго двуглаваго орла».

Тоже въ описаніи англійскаго посольства [3]): «Dans une cour du chateau (Кремля) nous vîmes un grand nombre de fort beaux canons rangés de costé et d'autre avec les cannonniers qui paroissoient comme tout prets de les faire jouer contre nous de toutes parts».

Въ альбомѣ Мейерберга [4]) на рисункѣ (№ 55), представляющемъ видъ Кремля съ восточной стороны, изображена (за № 18) по серединѣ площади, почти насупротивъ Никольскихъ воротъ (влѣво отъ Неглинной башни на рѣкѣ Неглинной), довольно большая аляповатая прямоугольная постройка, съ какими то причудливыми окнами и прилавками. Сверху, на гладкой крышѣ этого зданія устроена небольшая площадка, на которой лежатъ двѣ огромныя пушки съ ушками, безъ лафетовъ, и при нихъ два большихъ и нѣсколько мелкихъ ядеръ.

---

[1]) Альбомъ Мейерберга съ объяснительными примѣчаніями Ѳ. Аделунга и А. М. Ловягина (Спб. 1903).

[2]) Посольство Кунрада фанъ Кленка къ царямъ Алексѣю Михаиловичу и Ѳеодору Алексѣевичу (Спб. 1900). Описаніе московскихъ пушекъ и пушкарей имѣется еще и въ книгѣ Таннера Legatio Polono-Lithuania in Moscoviam etc. (Norimbergae 1680). Таннеръ насчиталъ въ Кремлѣ до 200 пушокъ.

[3]) La Relation de trois ambassades de Monseigneur le Comte de Carlisle; 1663—1664 (Amsterdam 1670).

[4]) Изданіе Ловягина l. c.

У самаго входа въ Никольскія ворота изображены два другихъ продолговатыхъ предмета, похожихъ также на большія пушки. Въ объяснительномъ текстѣ къ этому рисунку сказано: «Земскій приказъ, на которомъ находятся двѣ большія мѣдныя пушки, имѣющія каждая въ діаметрѣ 2 фута, 5 дюймовъ нѣмецкой мѣры, а окружности ихъ семь футъ три дюйма. Одна изъ этихъ пушекъ отлита по приказанію тирана Іоанна Василіевича Грознаго, а другая при сынѣ его Θеодорѣ Іоанновичѣ».

Вообще въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ коронованныя особы обращали особое вниманіе на изящную выдѣлку пушекъ. Такъ, въ 1576—1577 годахъ, во время ливонскаго похода Іоанна IV-го, король Стефанъ Баторій устроилъ въ Вильнѣ спеціальный заводъ, гдѣ отливалъ пушки по собственнымъ своимъ рисункамъ [1]). Лжедимитрій въ 1605-мъ году сочинилъ, какъ передаетъ голландскій географъ Масса [2]), особое подвижное сооруженіе для защиты отъ татаръ. Оно сдѣлано было по образцу крѣпости и снабжено нѣсколькими небольшими пушками. Крѣпость эту царь приказалъ поставить на льду рѣки Москвы и тѣшился зрѣлищемъ осады крѣпости и приступами польскихъ всадниковъ. Вообще Димитрій занимался артиллеріей, приказалъ отлить много мортиръ для бросанія бомбъ и часто производилъ опыты надъ ними. Король Густавъ Адольфъ показывалъ голландскимъ посламъ въ 1616 году пушку «своего собственнаго изобрѣтенія, вѣсомъ въ болѣе 2200 фунтъ. При этомъ король выражалъ надежду сдѣлать эти пушки, въ будущемъ, болѣе легкими» [3]).

Мимоходомъ отмѣтимъ, что Густавъ-Адольфъ просилъ этихъ голландскихъ пословъ повременить съ аудіенціею, такъ какъ король «приглашенъ былъ ко вдовствующей королевѣ въ Грейпсгольмъ, въ 7 миляхъ отъ Стокгольма, и возвратится въ столицу только черезъ нѣсколько дней». Стояли ли уже въ это время на дворѣ Грипсгольмскаго замка Ивангородскія пищали—неизвѣстно.

Грипсгольмскія пушки составляютъ, такимъ образомъ, согласно шведскимъ источникамъ, военную добычу, отобранную у Москвы при взятіи Ивангорода. Въ качествѣ военной же добычи перевезены были въ Швецію и русскіе колокола. Объ одномъ изъ нихъ, хранящемся въ Стокгольмскомъ государственномъ историческомъ музеѣ [4]), имѣется интересное сообщеніе І. К.

---

[1]) Новодворскій (l. c.).

[2]) Сказанія Массы и Геркмана о Смутномъ времени въ Россіи (изданіе Имп. Археографич. Ком., Спб. 1874).

[3]) *Сборн. Имп. Русск. Историч. Общества*, т. 24.

[4]) Объ этомъ сообщилъ мнѣ также и А. А. Спицынъ, видѣвшій въ Стокгольмскомъ музеѣ „колоколъ довольно значительныхъ размѣровъ съ русскою надписью второй половины XVII-го вѣка“.

Линдемана въ только что изданномъ томѣ «Древностей» Имп. Московскаго Археологическаго Общества [1]). Здѣсь упоминается и о другомъ старинномъ русскомъ колоколѣ, принадлежащемъ церкви въ окрестностяхъ Стокгольма. Оба колокола, повидимому, новгородскаго происхожденія. Третій русскій колоколъ, 1551-го года, составлялъ въ 1904-мъ году собственность Гельсингфорскаго антикварія, предлагавшаго его Русскому Музею Императора Александра III-го. Надпись, вязью, гласитъ: Лѣт(а) 7059 го(ду) м(ѣ)с(яца) июня(?) коло(колъ) вылилъ(?) Ондрѣй Хлоповъ. Памяти Григорья, Онисью, Матѳѣя [2]).

О пушкахъ, взятыхъ у насъ шведами подъ Ивангородомъ, имѣется рядъ упоминаній въ наказѣ, данномъ русскимъ посламъ, отправленнымъ на съѣздъ со шведскими послами въ августѣ 1585 года, для заключенія перемирія [3]). «А какъ со свѣйскими послы о перемирьи приговорятъ, а поступятца будетъ свѣйскіе послы государевыхъ городовъ Иванягорода, Ямы, Копорьи,... и посломъ говорити о нарядѣ, чтобъ тѣ города государь ихъ король отдалъ съ нарядомъ съ тѣмъ, съ которымъ нарядомъ тѣ города взяты; а что было въ тѣхъ городѣхъ наряду, и тому посломъ даны списки... А се таковъ списокъ посланъ съ послы, каковѣ быти договорной записи государевыхъ пословъ, толко приговорятъ перемирье... Государю нашему, царю и великому князю Ѳеодору Ивановичу всеа Русіи поступилисъ вы, Яганова королевы послы, по государя своего приказу, городовъ, которые былъ поималъ Яганъ король изъ Новогородцкіе земи, города Иванягорода, Ямы города, Копорьи города и съ нарядомъ, съ пушками и пищалми, съ чѣмъ которой городъ взятъ, и городы отдати съ тѣмъ нарядомъ великого государя нашего царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи воеводамъ, которые посланы будутъ тѣ города взяти, а прибылной нарядъ, которой Яганъ король прибавилъ, исъ тѣхъ городовъ вывести по спискомъ, каковы списки наряду мы послы размѣнилися за дьячьими приписми. И хитрости и оману не быти и порухи надъ тѣми городы и надъ нарядомъ никоторые не учинити. Также великого государя нашего людемъ въ то время, какъ начнутъ исъ тѣхъ городовъ свѣйскихъ людей выводити, насилства никоторого не учинити и наряду, которой прибылной нарядъ исъ тѣхъ городовъ повезутъ, у нихъ не отняти. И свѣйскіе послы говорили, что наряду изъ городовъ не вывезутъ; а еще де мы наряду въ тѣ городы и своего прибавили, а нашего де наряду въ городахъ было немного».

[1]) Томъ XXIII, вып. 2 (Москва 1914 г).

[2]) Дѣло Имп. Археолог. Коммиссіи 1904 г., № 5.

[3]) Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи и т. д. въ *Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.*, томъ 129 (Спб. 1910).

Свѣдѣнія о перевезенныхъ въ Швецію русскихъ пушкахъ и колоколахъ встрѣчаются и въ статьяхъ посольства князя Борятинскаго съ товарищами, посланнаго въ Швецію въ 1617—1618 г.г. для ратификаціи Столбовскаго мира [1]). Здѣсь, между прочимъ, записано: «И государевы послы канцлѣру с товарыщи говорили объ нарядѣ и о колоколахъ по государеву указу и по росписи, какову взяли въ Великомъ Новѣгородѣ у околничаго у князя Данила Ивановича Мезецкаго с товарыщи. А в росписи написано: до отданья [2]) Новагорода за 12 денъ, сослано изъ Новагорода ночью в Свѣю двѣ пушки рускіе, увивъ въ сѣно, а обѣ тѣ пушки положены на однихъ дровняхъ; да в тѣ жъ поры сослано с тѣми же пушки вмѣстѣ семь колоколовъ, три большихъ, а чѐтыре невеликихъ, и нынѣ тѣ двѣ пушки, что вывезены изъ Новагорода, на Ямѣ-городѣ [3]). Да до отданья жъ Новагорода за 4 дни сослано изъ Нова же города три колокола, которые выкопаны в Старой Русѣ; и Королевское бъ Величество велѣлъ тѣ пушки и колокола, сыскавъ, отдати.

...И государевы послы канцлѣру с товарыщи говорили по той же государевыхъ пословъ окольничего князя Данила Ивановича Мезецкаго с товарыщи росписи Розважского монастыря о колоколахъ о трехъ цѣлыхъ, да о дву розбитыхъ, что вывезъ Индрикъ Юнсонъ послѣ договору въ генварѣ мѣсяцѣ, и объ иныхъ статьяхъ по той же росписи, про три колокола, да про пивной котелъ, что вывезъ послѣ договору жъ Ладожской воевода, да про 4 колокола, да про 2 пушки, что вывезъ Порховской воевода.

И Яковъ Пунтусовъ говорилъ: клянусь де вамъ Царскаго Величества великимъ посломъ, в томъ во всемъ самъ своею душею, чтобы де мнѣ душа своя въ адъ послать, что никакъ болши 14 колоколовъ, что моршалокъ прислалъ, никакого наряду и колоколовъ изъ Новагорода и изъ Ладоги и изъ Порхова послѣ договору не вываживано, в томъ де онъ даетъ клятву самъ своею душею и сыскивать де за нимъ королю про то не пошлетъ. И канцлѣръ и Яганъ посломъ говорили: какъ де вы тому не вѣрите, коли де графъ Яковъ Пунтусовъ въ томъ во всемъ самъ клепетца и сымаетъ на свою душу. Больши де того и королю сыскивать нечего».

Въ переговорахъ о Столбовскомъ договорѣ 1617 года устанавливалось,

---

[1]) *Чтенія въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.* 1897 г. кн. III, изд. Е. В. Барсовымъ.

[2]) То есть до возвращенія города Новгорода шведами русскимъ.

[3]) Ямъ-городъ, Ивангородъ и Копорье по Столбовскому договору остались за Швеціей.

между прочимъ, нижеслѣдующее [1]): «Въ городахъ и крѣпостяхъ, возвращаемыхъ Его Величествомъ королемъ шведскимъ Его Ц-му В-ву, въ день передачи оныхъ должны остаться русскія орудія, взятыя королемъ въ войну съ Россіею, буде онѣ еще находятся въ оныхъ крѣпостяхъ; если же онѣ уже вывезены, то слѣдуетъ возвратить тѣ изъ нихъ, которыя вывезены были послѣ перваго съѣзда обоюдосторонних главныхъ полномочныхъ въ Дидеринѣ. Равномѣрно не должно вывозить впредь колоколовъ изъ городовъ, крѣпостей и другихъ мѣстъ; тѣ же, которые вывезены были послѣ означеннаго перваго съѣзда полномочныхъ, должны быть возвращены, или шведы должны за оные заплатить чего они стоятъ. Прочія пушки, принадлежавшія королю и коронѣ шведской до начала сей войны, и всѣ тѣ, которыя до перваго съѣзда полномочныхъ въ Дидеринѣ вывезены были королемъ куда бы то ни было, также и военные снаряды, доставленные королемъ въ означенные города и крѣпости, должны остаться безпрекословно за королемъ и короной шведскою и принадлежать имъ въ собственность». Шведскіе уполномоченные возражали: «Касательно того, чтобы не вывозить колоколовъ и пушекъ, то король въ городахъ, которые онъ занимаетъ въ Россіи, будетъ пользоваться правами своими, не желая себя связывать въ этомъ отношеніи ни предъ кѣмъ».

Такимъ образомъ, въ силу Столбовскаго договора, Грипсгольмскія пищали, отбитыя у Москвы въ 1581-мъ году, составляли собственность шведскаго королевства.

Гр. А. Бобринской.

Приложеніе.

Изъ рукописнаго перевода «Путешествія Пальмквиста», хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Наблюденія и замѣтки о русской артиллеріи.

Русскіе имѣютъ прекрасную артиллерію, которая заключаетъ въ себѣ не только образцы орудій, принятыхъ у насъ, какъ въ полевой, такъ и полковой артиллеріи, но представляетъ, помимо того, свои небольшія особенности, описанныя частью здѣсь ниже и изображенныя соотвѣтствующими чертежами.

---

[1]) Отчетъ нидерландскихъ посланниковъ, въ *Сборникѣ Имп. Р. Историч. Общ.* (l. c.).

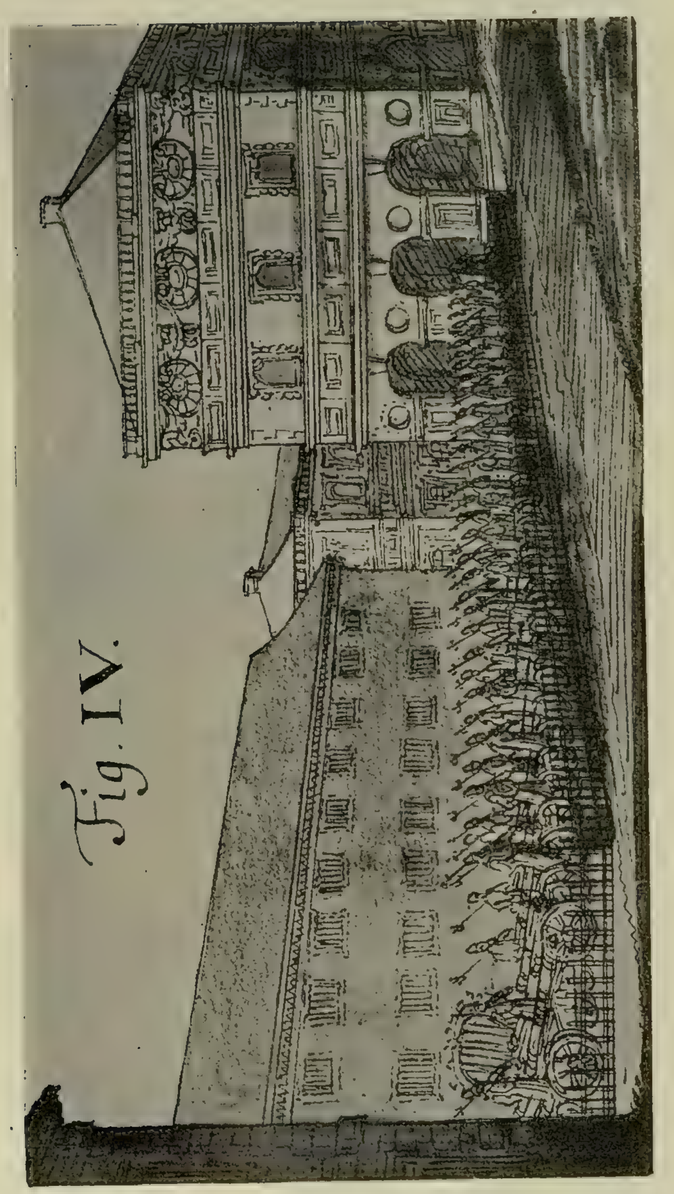

Рис. 4.

Фиг. I изображаетъ чертежъ и рисунокъ кованой желѣзной пищали, калибромъ отъ 1—6 фунтовъ и длиною до 32 калибровъ; сзади пищаль запирается винтовымъ затворомъ, въ каналѣ имѣетъ 18 нарѣзокъ, почему принадлежащіе къ ней снаряды обливаются свинцомъ, во избѣжаніе порчи нарѣзокъ. Въ поперечномъ сѣченіи орудіе представляетъ форму 8-ми или 12-ти угольника, причемъ какъ наружная поверхность, такъ и поверхность канала отполированы подобно зеркалу. Своими цапфами пищаль покоится на желѣзной разсошкѣ, которая укрѣпляется въ желѣзной подушкѣ. При помощи этой разсошки орудіе легко двигается какъ въ горизонтальной, такъ и въ вертикальной плоскостяхъ.

Фиг. II изображаетъ это же самое орудіе на лафетѣ, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что высокія колеса нисколько не препятствуютъ вращенію разсошки. Особые выдвижные брусья съ обѣихъ сторонъ лафета даютъ возможность приспособлять прислугѣ сидѣнья во время передвиженія. Подробности этого приспособленія можно видѣть на предложенномъ чертежѣ и рисункѣ лафета.

Фиг. III (рис. 6) изображаетъ орудіе вмѣстѣ съ размѣщеніемъ пушкарей во время похода. Къ пріѣзду пословъ въ Москву царь приказалъ вызолотить 12 такихъ пищалей вмѣстѣ съ ихъ лафетами, что придавало имъ очень красивый видъ. Лафеты описанной конструкціи самые употребительные и преимущество ихъ, по мнѣнію русскихъ, заключается: 1) въ удобствѣ перевозки, такъ какъ между станинами помѣщаются снаряды, пыжи и прочія второстепенныя принадлежности стрѣльбы; 2) въ удобоподвижности въ предѣлахъ обороняемаго сектора, и наконецъ, 3) въ подвижности, дающей возможность при неожиданномъ нападеніи безъ большого труда отступать, перемѣнять фронтъ и т. п. Кованая артиллерія изготовляется въ 18 миляхъ отъ Москвы на Тульскихъ желѣзодѣлательныхъ заводахъ, составляющихъ собственность датчанина Петра Марселіуса.

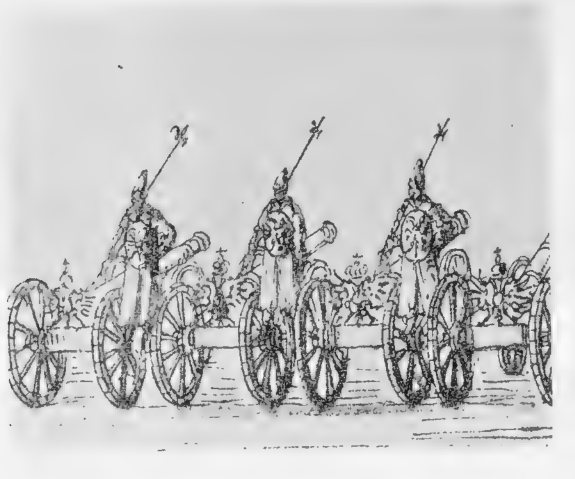

Рис. 5.

Фиг. IV (рис. 4) изображаетъ размѣщеніе пушкарей и орудій во время въѣзда пословъ въ стѣны Кремля; груди пушкарей были украшены вызолоченными щитами съ изображеніемъ царскаго

Рис. 6.

герба; такіе же щиты были поставлены передъ каждымъ орудіемъ между пушкарей, что изображено на фиг. V (рис. 5).

Фиг. VI изображаетъ чертежъ большихъ металлическихъ мортиръ, калибромъ въ 2 локтя, длиною 4 калибра, съ камерой въ два калибра. По значительной величинѣ и тяжести этихъ орудій ихъ употребляютъ безъ лафетовъ, врывая прямо въ землю, какъ показано на фиг. VII. Изъ этихъ мортиръ стрѣляютъ или огромными снарядами, или же окованными желѣзомъ боченками, которые наполняютъ то брандскугелями, то крупною картечью отъ 20—30 штукъ. Форму этой послѣдней можно видѣть на фиг. VI. О разрушительномъ дѣйствіи мортиръ можно судить по тому, что онѣ, между прочимъ, выбрасываютъ около 4-хъ мѣръ камней; величина обстрѣла простирается на нѣсколько сотъ шаговъ, а пожаръ, производимый брандскугелями, почти невозможно потушить.

Фиг. VIII и IX изображаютъ въ профилѣ степень углубленія мортиръ, стрѣляющихъ всегда подъ угломъ въ 45°, причемъ величину заряда соображаютъ съ величиной дистанціи. Несмотря на поражающій эффектъ, производимый выстрѣломъ, эти мортиры неудобны при заряжаніи, неповоротливы и совершенно лишены подвижности, такъ что ихъ доставляютъ на театръ военныхъ дѣйствій только воднымъ путемъ, на особыхъ плотахъ и въ такомъ, конечно, случаѣ, если этимъ путемъ можно воспользоваться.

Фиг. X изображаетъ 4-лотовый самопалъ, предназначенный для метанія зажигательныхъ стрѣлъ, отъ которыхъ такъ легко воспламеняются деревянныя постройки. Замокъ самопала находится почти по серединѣ ствола, имѣющаго на той же сторонѣ затравку и длинную полку съ крышкой; полка простирается до дульнаго отверстія, что способствуетъ непосредственному воспламененію стрѣлы съ торчащимъ впереди дульнаго отверстія фитильнымъ приводомъ. Что касается до самой стрѣлы, то она на половину желѣзная и снабжена для устойчивости полета особымъ привѣскомъ. Подробности ея устройства видны на приложенныхъ чертежахъ. Въ дальности эти стрѣлы нисколько не уступаютъ пулямъ; стрѣляютъ ими навѣсно съ лѣвой руки.

Фиг. XI изображаетъ рѣдкій примѣръ образца артиллерійскаго орудія, заряжаемаго сзади и чрезвычайно быстро готовыми зарядами, что устраняетъ возможность ошибки при поспѣшномъ заряжаніи. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что русскіе стрѣляютъ довольно мѣтко и что ихъ артиллерія снабжена какъ хорошими пушкарями, такъ и свѣдущими мастерами.

Рис. 1. Д. Малый Удрай. Курганъ № 1.

Раскопки 1910 г. въ Лужскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губерніи.

I. Д. Малый Удрай.

Раскопки были исполнены съ участіемъ моихъ университетскихъ слушателей. Изслѣдованные близъ д. Малаго Удрая курганы расположены на двухъ отдѣльныхъ невысокихъ возвышеніяхъ, ближе къ д. Холохнѣ, на берегу рѣчки, пробившей здѣсь русло въ известнякѣ.

Весьма своеобразнымъ оказалось сооруженіе, расположенное на высшей точкѣ второго возвышенія, которое и описывается здѣсь прежде всего. Сооруженіе представляетъ собою насыпь квадратной формы, укрѣпленную по бокамъ наклонными стѣнками изъ валуновъ. Стороны ея расположены почти правильно по странамъ свѣта, съ уклоненіемъ на 10° къ В. Центральная часть нѣсколько возвышена, по угламъ слѣды углубленій, какъ бы ямъ, почти совершенно затянутыхъ землею. Высота насыпи колеблется между 1 арш. 7 вершк. и 1 арш. 13 вершковъ. Форма ея—почти правильный квадратъ; сѣверная сторона длиною почти равна 8 саж. 2 арш., южная—на 6 вершк. меньше, западная—7 саж. 2½ арш. и восточная, всѣхъ меньше,—почти 7½ саж. Стѣнки

сложены изъ большихъ и малыхъ камней, начиная съ валуновъ до 1 арш. въ діаметрѣ. Кладка довольно тщательная; пазы забиты мелкими колотыми камнями и, можетъ быть, были пересыпаны землею. Все сооруженіе поросло деревьями и кустами. Когда каменная кладка была очищена отъ травы и кустиковъ, сооруженіе получило весьма нарядный видъ. Углы квадрата умѣренно закруглены. Часть стѣнки въ южной сторонѣ разсыпалась по скату. Въ свѣжемъ мѣстѣ стѣнка нигдѣ не была тронута изслѣдованіемъ, и потому подробности ея устройства остались неизвѣстными. Нечего было и думать объ изслѣдованіи этого сооруженія въ короткое время, почему въ немъ была проложена только пробная яма, почти посрединѣ, размѣрами въ квадратную сажень и глубиною болѣе сажени. Составъ насыпи оказался столь запутаннымъ, а раскопъ—столь малымъ, что вырытая яма не дала опредѣленныхъ результатовъ. Поверхность материка (нуль) обозначилась на глубинѣ 14 вершк.; по нему шелъ неравномѣрный слой угольковъ, до полувершка толщиною. Не удалось опредѣлить, не былъ ли верхъ возвышенія спланированъ. Насыпь сверху на половину состояла изъ черной земли, затѣмъ на треть вышины шелъ слой песчанистый и, наконецъ, слой темной мѣшаной земли, залегавшій на красной материковой землѣ. Въ одномъ углу выемки обнаруженъ обрѣзъ ямы, глубиною почти въ 1 саж., довольно широкой, контуры которой не были прослѣжены. Кажется, что яма вырыта была до устройства насыпи. Надъ нею сверху обнаружена кладка изъ камней разной величины, довольно небрежная, высотою болѣе 1½ арш. Яма ниже кладки забита желтой глиной. По мѣстному преданію, сооруженіе представляетъ собою остатки «церкви». Полное изслѣдованіе его составитъ не малую задачу. Полагаемъ, что оно относится къ VI—VIII в., но можетъ быть и болѣе позднимъ. Аналогію можемъ указать пока лишь въ Лифляндскихъ древностяхъ, гдѣ уже извѣстны подобныя земляныя сооруженія, однако безъ каменныхъ стѣнокъ.

Площадка могильника, расположеннаго на первомъ возвышеніи, имѣетъ видъ неправильнаго четыреугольника, до 450 кв. саж.; сторона, обращенная на югъ, къ дорогѣ, имѣетъ длину до 30 саж., западная и восточная стороны длиннѣе, а сѣверная—наименьшая. На этой площадкѣ размѣстилось не менѣе 70 кургановъ, большею частью уже раскопанныхъ; тутъ же нѣсколько жальничныхъ погребеній. Группа, конечно, поросла мелкимъ кустарникомъ. Раскопки произведены были на сѣверной, менѣе тронутой сторонѣ. Всего изслѣдовано 7 насыпей. Всѣ насыпи сложены изъ песка съ небольшою примѣсью глины и камешковъ и покрыты сплошнымъ пластомъ или слоемъ камня,

что и составляетъ ихъ особенность. Почти во всѣхъ насыпяхъ попадались въ небольшомъ количествѣ мелкіе угольки, которымъ трудно придавать какое-либо обрядовое значеніе. Всѣ костяки расположены головою на З.

Курганъ № 1. Размѣры 5¼ арш.×1 арш. 2 вершка. При наружномъ осмотрѣ изъ насыпи кое-гдѣ высовывались ребра камней. Когда же снятъ былъ весь дерновый слой, то обнаружилось, что насыпь была цѣликомъ покрыта булыжникомъ средней величины, внизу покрупнѣе, кверху поменьше; на восточномъ склонѣ пластъ камней значительно сползъ (рис. 1), такъ какъ мѣстность имѣетъ здѣсь небольшой уклонъ; этотъ оползень не былъ замѣтенъ, пока не сняли дернъ. На днѣ грунтовой ямы (размѣровъ 2 арш. 9 в.×¾ арш. ×1 арш.) женскій костякъ, довольно хорошей сохранности, головою на З., руки на груди, но не скрещены (лѣвая положена выше правой). На шеѣ остатки цѣпочки изъ двойныхъ колечекъ, типа Ив. XI, 21, маленькая мѣдная лунница типа Ив. XII, 24 (но орнаментъ изъ глазокъ) и подвѣска въ видѣ конька типа Ив. XI, 18; на лѣвомъ плечѣ двѣ бусинки типа Ив. XIII, 9; у бедра, близъ таза, еще бусинка; по груди, спускаясь съ плечъ, шелъ полукругъ изъ какого-то металлическаго украшенія, распавшагося на мельчайшія частицы; на лѣвомъ вискѣ 3 мѣдныя височныя кольца (два большія типа Ив. XII, 14, но нѣсколько большаго діаметра, одно на другомъ, и третье маленькое типа Ив. XX, 2, внутри нижняго большого); на правомъ — 2 малыя того же типа; у черепа найдены еще 2 малыя височныя кольца; на обѣихъ рукахъ по мѣдному браслету типовъ Ив. IV, 9 и IV, 11. (Раскопанъ П. Г. Любомировымъ).

Рис. 2. Малый Удрай. Курганъ № 2.

№ 2. Маленькая насыпь (рис. 2) размѣровъ 4 арш.×13 вершк., сплошь обложенная камнемъ, повидимому, довольно небрежно. Съ восточной стороны образовался оползень камней; нижніе вѣнцы изъ болѣе крупныхъ камней. На поверхности материка лежалъ небольшой дѣтскій костячекъ, длиною всего 1 арш., съ незаросшимъ еще родничкомъ, головою на З., довольно хорошей сохранности. Правая рука вытянута къ бедру, лѣвая на груди. Въ насыпи найдено нѣсколько черепковъ отъ горшечка, украшеннаго параллельнымъ орнаментомъ. (Раскопанъ Н. Ѳ. Лавровымъ).

Рис. 3. Малый Удрай. Курганъ № 3.

№ 3. Размѣры 6 арш.×1 арш. 3 вершка (рис. 3). Насыпь расположена на легкой покатости, вслѣдствіе чего вѣнецъ изъ крупныхъ камней, уложенныхъ въ ея основаніи, утратилъ свою связь и отчасти передвинулся къ восточной сторонѣ. По количеству камней можно думать, что многіе изъ нихъ находились на самой насыпи, можетъ быть, до ея верха; частью общаго обложенія слѣдуетъ признавать и нѣсколько небольшихъ камней, обнаруженныхъ на самомъ верху кургана, на глубинѣ 5 вершковъ. Нѣкоторые изъ большихъ камней еще не успѣли скатиться до низа и оставались на склонахъ насыпи. Нижній вѣнецъ состоитъ изъ особенно высокихъ камней, а между ними на З. и В. стоятъ на ребрѣ особенно высокіе. Костякъ лежалъ въ грунтовой ямѣ, размѣровъ 1 саж. 2 в.×15 в. ×10 в., имѣвшей значительно округленные углы; лѣвая рука на груди, правая на животѣ (согнута почти подъ прямымъ прямымъ угломъ). Костякъ довольно хорошей сохранности, длиною 2 арш. 6 в., мужской. (Раскопанъ К. В. Кудряшевымъ).

№ 4. Высота 13 вершковъ. Насыпь сползла въ восточномъ направленіи, растянулась въ направленіи СЮ. до 2 саж. 4 в. и съузилась съ З. на В. до 5 арш. 4 в. Обложеніе сохранилось въ 3 яруса и состоитъ изъ большихъ и малыхъ камней, расклиненныхъ малыми; работа производитъ впечатлѣніе тщательной. Возможно, что камнями была покрыта и верхняя часть насыпи; вся восточная половина обложенія передвинулась и смѣшалась. На З. въ головахъ, поставленъ особенно значительный камень. Насыпь сложена изъ крупной темнокоричневой дресвы съ обломками известковыхъ плитокъ (по мѣстному, хвершъ). Материкъ состоитъ изъ нетолстаго слоя песка, за которымъ слѣдуетъ слой красной глины со свѣтлыми песчанистыми пятнами. Въ грунтовой ямѣ (размѣровъ 2 арш. 6 в.×14 в.×12 в.), имѣвшей значительно закругленные углы, костякъ хорошей сохранности, длиною 2 арш. 3 в.; правая рука протянута, лѣвая положена на тазъ. Обѣ ноги переломлены и срослись неправильно, съ большими костными наростами. Подъ черепомъ обнаружилась жирная черная масса. Яма выкопана съ поворотомъ отъ З. къ Ю. на 15°. (Раскопанъ В. А. Острогскимъ).

№ 5. Высота кургана 1 арш. 5 в., ширина $6^{1}/_{4}$ и $5^{3}/_{4}$ арш. (съ С. на Ю.). Обложеніе изъ камней имѣетъ видъ кольца въ три яруса, значительно деформированнаго вслѣдствіе нѣкотораго движенія на В.; вѣроятнѣе, что большинство камней лежало первоначально на поверхности насыпи. Въ головахъ большой камень съ заостренною верхушкою. Въ грунтовой ямѣ, имѣвшей размѣры 3 арш. × 1 арш. 2 в. × 12 в., ничтожные остатки костяка, обнаруженные съ значительными затрудненіями; отъ рукъ и ногъ сохранились незначительные остатки, отъ головы—лишь эмалевая шелуха двухъ-трехъ зубовъ. Костякъ лежалъ въ красной глинѣ, выступившей здѣсь за слоемъ супеска. Въ этой ямѣ углы, кажется, не были скруглены, за то обѣ широтныя стѣнки имѣли сильно изогнутый видъ; яма отклонена слегка на С. (Раскопанъ С. А. Дубинскимъ).

№ 6. Курганъ высотою 1 арш., въ основаніи 6 × 5 арш. Насыпь была обложена камнями, сохранившимися на мѣстѣ съ сѣверной стороны. Въ основаніи съ западной стороны отдѣльный камень до 1 арш. толщины. Насыпь изъ супеси съ примѣсью камня. Въ грунтовой ямѣ размѣровъ 3 арш. × 1 арш. × 13 в. костякъ головою на З., хорошей сохранности; правая рука протянута, лѣвая на груди. По краю слѣды гробовища; наиболѣе сохранилась доска у головы и подъ голенями. У таза желѣзный ножъ съ деревянною рукоятью. (Раскопанъ Б. В. Александровымъ).

№ 7. Крайній курганъ на сѣверномъ краю группы. Расположенъ на легкомъ уклонѣ къ С.-В. Насыпь высотою $1^1/_2$ арш., шириною 5 арш. На половину была обложена камнями, отчасти уже сползшими; камни разной величины и сложены небрежно. На материкѣ, на разстояніи до 6 в. другъ отъ друга, лежали два костяка, мужской и женскій (одинъ нѣсколько глубже), головами на З.; мужской скелетъ лежалъ въ южной сторонѣ. Отъ лѣваго плеча его до бедра шли слѣды истлѣвшаго дерева. Подъ головою лежала неопредѣленная истлѣвшая подстилка. У женскаго костяка на шеѣ найдены двѣ стеклянныя бусы и часть мѣдной пуговки въ видѣ шарика; на груди мѣдная ажурная подвѣска съ изображеніемъ конскихъ головокъ (типа Костромскихъ кургановъ Ануч. табл. IV, 17, но на головкахъ ушки) и пара подвѣсокъ въ видѣ птичекъ типа Иван. XI, 20. При скелетѣ и нѣсколько выше его черепки отъ сосуда. (П. А. Балицкій).

Вторая группа кургановъ и жальничныхъ погребеній еще значительнѣе. Легко было замѣтить, что болѣе древніе курганы держатся на верху, ближе къ квадратному сооруженію, позднѣйшіе идутъ по скату, жальничныя же погребенія всѣ расположены уже въ самомъ низу. Почти всѣ раскопанные здѣсь 4 кургана расположены на скатѣ возвышенія. Насыпи сложены изъ «хверша», составляющаго здѣсь подпочву. Имъ же засыпаны и грунтовыя ямы, что затрудняетъ ихъ отыскиваніе. Всѣ костяки головою также на З. Не малое число кургановъ повреждено кладоискательскими раскопками, отчасти совершенно свѣжими. Въ мѣстномъ населеніи упорно циркулируетъ преданіе о закопанномъ гдѣ-то золотомъ Рюриковомъ гробѣ, который и разыскивается гдѣ только можно. Мои товарищи по раскопкамъ были не мало смущены тѣмъ, что слухъ объ отыскиваемомъ будто-бы нами золотомъ гробѣ сопровождалъ насъ и далѣе, въ Замошье, хотя многочисленные зрители и рабочіе совершенно ясно видѣли, что мы ищемъ другое, и версія о гробѣ должна была бы существенно перемѣниться.

№ 8. Курганъ небольшой, высотою 1 арш. $5^1/_2$ в., шириною $2^1/_2$ саж. и почти 3 саж. Былъ весь, до самой верхушки, обложенъ камнемъ, который сползъ съ с.-з. стороны, въ направленіи склона мѣстности. Въ грунтовой ямѣ размѣровъ 2 арш. 14 в. $\times\ 9^1/_2$ в. $\times$ 12 в. (повидимому, съ прямыми углами) женскій костякъ, значительно перепутанный какими-то животными въ верхней части до таза; руки пригнуты къ плечамъ. По сторонамъ головы по мѣдному височному кольцу съ расширеніями типа Иван. I, 16 (не цѣлыя); на груди мелкія стеклянныя бусы янтарнаго цвѣта типа Глаз. XXII, 78; на правой рукѣ пластинчатый браслетъ типа Глаз. XXV, 13 (но витой по

краямъ), на лѣвой мѣдный же изъ толстой проволоки типа Глаз. XXV, 7 (но витье отложе), у лѣваго бедра желѣзный ножъ, остріемъ внизъ. (Раскопка П. А. Садикова).

№ 9. Высота кургана $1^1/_4$ арш., ширина $4^1/_4$ арш. и $4^1/_2$ арш. Насыпь была обложена камнями, надо думать, не по всей поверхности, а въ два и три ряда. Съ с. и з. сторонъ основанія камни въ 3 ряда, съ южной въ 2 ряда, на в. сторонѣ камни передвинулись и перемѣшались; къ южной сторонѣ примыкаетъ другой курганъ, но и здѣсь тѣ же два ряда огражденія, а не болѣе. Въ грунтовой ямѣ размѣровъ 2 арш. 15 в. $\times$ 1 арш. 7 в. $\times$ 14 в. женскій костякъ, длиною 2 арш. 4 в., хорошей сохранности, лицомъ на Ю. По сторонамъ черепа по мѣдному посеребренному височному кольцу типа Иван. I, 13 (съ 4 щитками). Въ головахъ, нѣсколько выше костяка, лежалъ камень до $^1/_2$ арш. въ діаметрѣ. Скелетъ былъ засыпанъ «хвершемъ» насыпи, но лежалъ на бѣломъ пескѣ. (Раскопка С. И. Покровскаго).

№ 10. Курганъ высотою 1 арш. 6 в., шириною 2 саж. $^3/_4$ арш. и 1 саж. $2^1/_2$ арш. (З.-В.). Каменная кладка покрываетъ почти весь курганъ; можетъ быть, она закрывала и верхъ, такъ какъ здѣсь еще сохранилось нѣсколько отдѣльныхъ камней. Кладка оползла въ направленіи къ З. и осѣла на в. сторонѣ. Камни разной величины—въ діаметрѣ отъ аршина до нѣсколькихъ вершковъ. Наложены они были, видимо, довольно аккуратно; нѣкоторые изъ нихъ, какъ бы выбившись изъ ряда, стали ребромъ. Точные размѣры грунтовой ямы не удалось выяснить, такъ какъ въ тонкихъ прослойкахъ красной глины и песка она разыскана была съ трудомъ; лѣвый бокъ ямы разбирался уже поздно вечеромъ. Во всякомъ случаѣ она была вырыта почти точно по размѣрамъ костяка, такъ какъ правая рука прилегала непосредственно къ стѣнкѣ. Глубина ямы 1 арш. 1 в. Костякъ длиною 2 арш. 6 в., сравнительно хорошей сохранности; правая рука протянута вдоль костяка, лѣвая согнута въ локтѣ. Въ разныхъ мѣстахъ обнаружились слѣды деревяннаго гробовища, какъ подъ костякомъ, такъ по сторонамъ его и сверху. Подъ черепомъ лежала черная органическая масса (остатки подушки?), толщиною въ палецъ. (Раскопка С. Н. Чернова).

II. Д. Замошье.

Небольшая группа кургановъ, живописно раскинувшаяся на берегу пруда, на высокой площадкѣ. Отъ кургановъ начинается отлогій спускъ мѣстности. Площадь уже давно очищена отъ лѣса и владѣльцемъ земли г. Гротеномъ назначена подъ пашню. Наибольшій интересъ представили расположенные здѣсь два длинные кургана. Насыпи разбросаны тѣсно, вслѣдствіе чего земля между ними вынута и первоначальный горизонтъ мѣстности совершенно сбитъ. По той-же причинѣ всѣ насыпи кажутся болѣе высокими, чѣмъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ. Кругомъ большихъ кургановъ, помимо общей выемки земли, примѣтны еще отдѣльныя ямки, расположенныя у основанія отдѣльными канавками. Чередованіе слоевъ въ данной мѣстности слѣдующее: песокъ, красная глина, графель (песокъ съ мелкимъ камнемъ), всѣ измѣняющейся толщины; на возвышеніи глина была еще расклинена пластомъ песка. Вслѣдствіе этого курганы сложены изъ песка съ небольшою примѣсью глины и камешковъ и раскапываются легко. Раскопаны всѣ насыпи, казавшіяся не расхищенными. Планъ курганной группы былъ снятъ топографически, подъ руководствомъ К. В. Кудряшева (рис. 4).

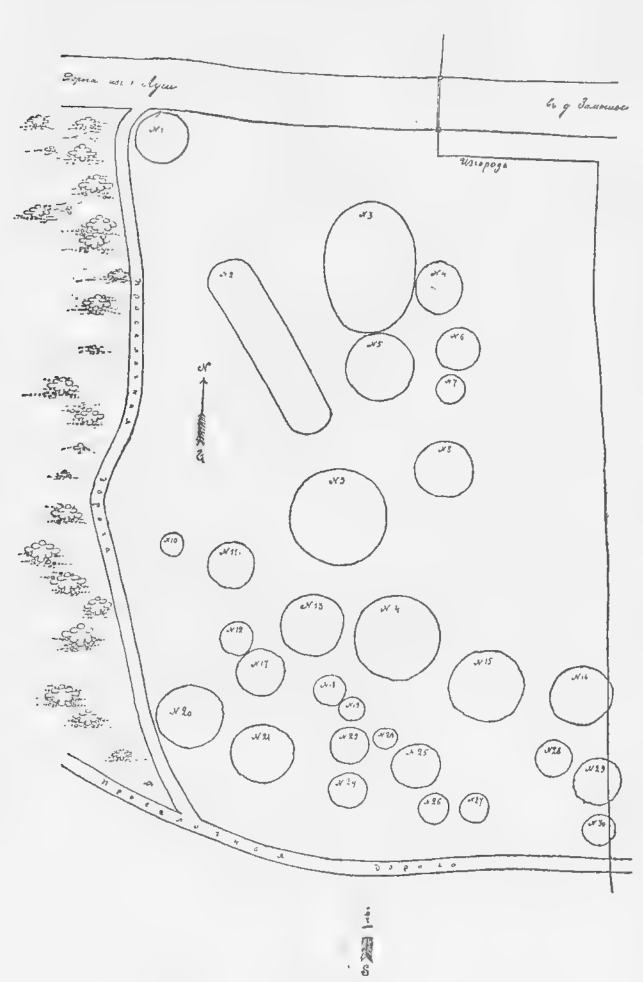

Рис. 4. Планъ курганной группы д. Замошья.

Курганъ № 1, длинный (на планѣ № 2). Насыпь расположена какъ разъ по краю ската, по горизонтальной линіи, съ С.-З. на Ю.-В. Длина ея— 27½ арш., ширина —

12 арш., вышина посрединѣ 1 арш. 11 вершковъ. Изслѣдованъ былъ почти весь курганъ, кромѣ нѣсколькихъ узкихъ стѣнокъ, оставленныхъ для наблюденія за слоями насыпи. Раскопка обнаружила, вполнѣ неожиданно для изслѣдователей, что курганъ большею частью состоитъ изъ материковой нетронутой земли; отъ времени онъ утратилъ свой первоначальный видъ. Устроители кургана остроумно использовали склонъ площадки. Они выбрали его бровку, обративъ склонъ въ обширный ровъ и набросавъ на него земли съ другой стороны, такъ что тамъ образовался второй, параллельный ровъ, послѣ чего оставалось провести этотъ ровъ кругомъ всего основанія. Такимъ путемъ возникъ курганъ, имѣющій внутри материковое ядро вышиною до 1 арш. и поверхъ его насыпь. Разрѣзъ почвы внѣ кургана далъ такое чередованіе слоевъ: мелкій песокъ, красная глина, графель; глина входитъ въ слѣдующій слой язычками. Чередованіе насыпи обратное: песокъ in situ и набросанный сверху, глина, снова песокъ; графеля, какъ тяжелой почвы, для насыпи не употреблено. Со стороны возвышенія ровъ былъ значительно болѣе, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ, но онъ не сохранился, такъ какъ стѣнка его была выбрана для болѣе позднихъ сосѣднихъ кургановъ; ровъ на концахъ имѣлъ не болѣе $^2/_3$ арш. глубины при 1 арш. 10 в. длины. Накатъ первоначально былъ выше; со временемъ онъ началъ расползаться и большею частью спустился на бокъ, совершенно прикрывъ весь ровъ и перейдя за него. Въ центральной части накатъ и теперь имѣетъ до $^2/_3$ арш. толщины. Углы кургана сильно закруглены, такъ что онъ имѣетъ видъ очень растянутаго овала.

Остатки погребенія обнаружились почти посрединѣ кургана, подъ слоемъ наката, т. е. на материкѣ, назначенномъ подъ курганъ, и не на самомъ гребнѣ его, а нѣсколько ниже, на скатѣ. Здѣсь оказались остатки кострища въ видѣ слоя длиною 1½ арш., шириною 1¼ арш., толщиною 2—3 в. Слой состоялъ изъ угля, золы и значительнаго количества мелкихъ пережженныхъ костей, сгруженныхъ въ одномъ мѣстѣ. Ниже по склону попадались еще угольки и зола, вѣроятно, отъ того же кострища, а вмѣстѣ съ ними найденъ обломокъ какой-то желѣзной подѣлки въ видѣ стержня съ набалдашникомъ, едва-ли не поздняго происхожденія. Опредѣленныхъ слѣдовъ самого кострища на мѣстѣ, въ видѣ, напр., окрашенной земли, не было усмотрѣно, но, тѣмъ не менѣе, почва подъ описанными остатками имѣла нѣсколько иной цвѣтъ (отъ горячихъ еще углей и костей?). Слабые слѣды какъ бы другого кострища были обнаружены при такихъ же условіяхъ, т. е. на склонѣ подъ накатомъ, и далѣе, на юго-восточномъ концѣ кургана. (Раскопка П. Г. Любомирова, С. Н. Чернова и Б. В. Александрова).

№ 2 (на планѣ № 26). Курганъ размѣровъ 5 арш. × 1½ арш. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ основанія замѣчены остатки бывшаго обложенія. Насыпь начала оползать въ сосѣднюю яму, образовавшуюся отъ выемки земли; она казалась болѣе высокою отъ выемокъ со всѣхъ сторонъ. Въ грунтовой ямѣ размѣровъ 2 арш. 14 в. × 14 в. × 9 в.—женскій костякъ длиною 2 арш. 5½ в., довольно хорошей сохранности; обѣ руки лежатъ на животѣ. У висковъ 2 височныя мѣдныя кольца типа Иван. I, 16 (оба въ обрывкахъ), а у лѣваго, кромѣ того, серьги съ узелками типа Влад. кург. рис. 140; на шеѣ 2 большія сердоликовыя гранчатыя бусы типовъ Иван. табл. XIII, 7 и XXII, 61, двѣ стеклянныя палевыя и серебряная привѣска изъ клиппы англо-саксонскаго шиллинга Этельреда II (979—1016 г.); тамъ же найдена маленькая мѣдная пуговка типа Влад. кург. рис. 203 № 5; на правой рукѣ мѣдное кольцо типа Влад. XXII, 33. У ступни правой ноги оказался кусочекъ какого-то дерева неизвѣстнаго назначенія. Грунтовая яма пересѣкла слой гравеля въ 6 в. и остановились на верху свѣтлаго жвироваго песку. (Раскопка С. А. Дубинскаго).

№ 3 (планъ № 6). Размѣры 5 арш. × 1 арш. 2 в. Насыпь съ довольно плоской вершиной, отчасти расползлась въ сѣверную сторону. Нѣсколько камней найдено у подножія насыпи, на вершинѣ ея и въ ней самой, надъ изголовьемъ костяка. Въ грунтовой ямѣ размѣровъ 1 арш. 14 в. × 14 в., съ весьма закругленными углами, дѣтскій костячокъ, длиною 17 в. У черепа монета Адальберта, епископа Меца (929—964 г.), съ ушкомъ, нѣсколько малыхъ височныхъ колецъ; на груди у шеи нѣсколько крупинокъ истлѣвшаго свинца и позолоченная буса. (Раскопка К. В. Кудряшова).

№ 4 (планъ № 28). Высота 1 арш. 5 в., шир. 6 арш. 2 в. и 5¾ арш. (В.-З.). Въ основаніи кургана кольцо крупныхъ камней въ одинъ рядъ. Въ грунтовой ямѣ размѣровъ 2²/₃ арш. × ¾ арш. × 10 в. мужской костякъ длиною 2 арш. 4 в.; правая рука вытянута къ бедру (плечевая кость сломана), лѣвая на груди; 4 правыя ребра и 4 лѣвыя переломлены. (Раскопка Н. Ѳ. Лаврова).

№ 5 (планъ № 18). Высота ²/₃ арш., діаметръ нѣсколько болѣе 1 саж. Въ основаніи кладка изъ камней средней величины, кругомъ нѣсколько ямъ отъ вынутой земли. Въ грунтовой ямѣ размѣровъ 1 арш. 10 в. × ²/₃ арш. × 6 в. дѣтскій костякъ хорошей сохранности длиною 1 арш. 5 в., головою на С. съ уклономъ на З. въ 30°; руки вытянуты вдоль туловища. У рукъ по мѣдному проволочному кольцу типа височныхъ (типа Глаз. табл. XXIV, 3, но еще тоньше); слѣва у бедра желѣзные обломки. (Раскопанъ Н. Ѳ. Лавровымъ).

№ 6 (планъ № 17). Высота 1²/₃ арш., ширина 2 саж. 2¼ арш. и 2 саж. 2²/₃ арш.; насыпь правильной и красивой формы. Сохранилась часть

обложенія камнями, въ 3 ряда. Кругомъ кургана 5 узкихъ канавокъ, каждая болѣе 1 саж. длиною. Разрѣзъ показалъ, что курганъ насыпанъ надъ естественнымъ углубленіемъ неправильной формы, въ которомъ, нѣсколько съ боку, вырыта была погребальная яма размѣровъ 2²/з арш. × ²/з арш. × 5 в. съ закругленными углами. Костякъ мужской, хорошей сохранности, головою на В., длиною 2 арш. 8¾ в.; кисти рукъ сложены на тазу. Въ головахъ гвоздь въ видѣ желѣзнаго стержня, у лѣваго бедра точильный брусокъ и ножъ (остріемъ внизъ), на тазу кремень, желѣзное огниво типа Иван. табл. XVII, 27, двѣ костяныя орнаментированныя пластинки отъ гребня (типа Влад. кург. рис. 371, но иного орнамента), обыкновенное мѣдное поясное кольцо типа Иван. табл. XV, 6, на тазу справа желѣзная круглая поясная пряжка, тамъ же подъ тазомъ маленькая мѣдная поясная пряжка типа Иван. табл. IX, 10. У таза и на правой ногѣ слѣды ткани. (Раскопка П. А. Садикова).

№ 7 (планъ № 5). Высота—1 арш. 1 в., шир. 2 саж. ²/з арш. и 2 саж. ½ арш. Отъ каменнаго обложенія осталось только нѣсколько небольшихъ камней. Костякъ небольшой, мужской, на поверхности материка, головою на С.-З., очень попорченный камнями. На ребрахъ найдена желѣзная острога съ однимъ жаломъ типа Иван. XVIII, II (но жало прямѣе), слѣва ножъ, желѣзный продолговатый круглый стержень и 2 мѣдныхъ пластинчатыхъ перстня типа Глаз. XXII, 33; справа кусокъ дерева съ желѣзнымъ стержнемъ—остатокъ гробовища. (Раскопка П. А. Садикова).

№ 8 (планъ № 16). Курганъ въ діаметрѣ 6¾ арш.; высота неизвѣстна, такъ какъ насыпь уже попорчена грабителемъ, который, однако, не дошелъ до костяка. Въ основаніи шло обложеніе изъ камней, отъ котораго осталось лишь нѣсколько отдѣльныхъ валуновъ. Въ грунтовой ямѣ размѣровъ 1 саж. ½ арш. × 1 арш. 2 в. × 9 в.—женскій костякъ хорошей сохранности, длиною 2 арш. 3 в., головою на С.-З.; правая рука согнута кистью къ плечу, лѣвая — на верхней части груди. Это наиболѣе обширная могильная яма. Между ступнями ногъ и выше головы небольшія кучки угольковъ. При костякѣ найдены: мѣдное височное колечко типа Глаз. XXIV, 3, но меньше, нѣсколько обломковъ височныхъ колецъ типа Иван. табл. I, 16, височное кольцо типа Иван. табл. I, 11; бусы: двѣ посеребреныя типа табл. Глаз. XXII, 71, но меньше, 9 позолоченыхъ бусъ типовъ Глаз. табл. XXII, 71, 72 и 77, помятая серебряная типа Глаз. табл. XXII, 8, но съ инымъ орнаментомъ; обломокъ пластинчатой подвѣски типа Иван. I, 14; два обломка свинцоваго перстня; два обломка монеты; обломокъ ромбической подвѣски; два мѣдныхъ перстня типа Иван. IV, 7, но съ суживающимися концами; ножъ. (Раскопка В. В. Саханева).

№ 9 (планъ № 24). Высота 1 арш. 13 в., шир. 4 арш. 6 в. и 5 арш. (В.-З., куда направляется уклонъ мѣстности). Отъ обложенія сохранилось нѣсколько камней въ основаніи и на поверхности; съ двухъ противоположныхъ сторонъ широкія ямы, образовавшіяся отъ выемки земли. Контуры грунтовой ямы не обозначались въ «хверпѣ» и выступили уже на лежащемъ ниже свѣтломъ пескѣ. Въ ямѣ размѣровъ 3 арш. 5 в. × 1 арш. 1½ в. × × 1 арш., съ закругленными углами, мужской костякъ средней сохранности, длиною 2 арш. 7 в.; обѣ руки положены кистями на верхней части груди. Выше праваго колѣна мѣдная поясная пряжка типа Иван. табл. XV, 21, ниже того же колѣна—желѣзная пряжка съ язычкомъ и мѣдное поясное колечко типа Иван. табл. XV, 6, еще ниже желѣзная пряжка типа Иван. табл. XVII, 27, у лѣвой берцовой—желѣзное огниво. (Раскопка В. А. Острогскаго).

№ 10 (планъ № 19). Высота кургана 14 в., ширина всего 2 арш. 3 в. и 2 арш. 10 в.; верхъ насыпи плоскій, внутри попадались угольки; камни, если были, всѣ свезены. Въ грунтовой ямѣ размѣровъ 2 арш. 10 в.×1 арш. 1 в.×1 арш. 5 в.—два костяка. Одинъ изъ нихъ мужской, въ очень необычномъ положеніи: вся нижняя часть костяка отъ таза лежитъ правильно, на мѣстѣ, верхняя же повернута спиною вверхъ, грудью внизъ, черепъ въ сторону, но руки лежатъ то же правильно. Длина костяка—1 арш. 15 в. Рядомъ костякъ дѣвочки-подростка, длиною 1 арш. 11½ в., лежащій правильно. У черепа — остатки височнаго кольца и буса. Возможно, кажется, только одно предположеніе, что второй костякъ впускной и что кости перваго, при погребеніи второго, были отчасти (почему то) перемѣщены. Случай подобнаго погребенія извѣстенъ намъ еще лишь изъ раскопокъ А. Д. Эртеля въ русскомъ курганѣ Кіевско-Китаевой пустыни. (Раскопанъ собственноручно С. П. Покровскимъ).

№ 11 (планъ № 15). Курганъ высотою 2 арш. 9 в. Кругомъ него 7 продолговатыхъ выемокъ, общихъ съ сосѣдними курганами. Костякъ лежалъ на материкѣ, головою на З., хорошей сохранности, длиною 2 арш 10 в. Подъ грудною клѣткою, съ правой стороны позвоночника, англосаксонскій шиллингъ Кнута (1016—1035 г.), подъ лѣвымъ локтемъ—ножъ, на пальцѣ правой руки—мѣдный пластинчатый перстень типа Глаз. XXII, 35 (попроще), слѣва подъ тазомъ—желѣзное огниво типа Иван. XVII, 27, лежавшее усиками кнаружи. (П. А. Балицкій).

№ 12 (планъ № 26). Курганъ высотою 1 арш., діаметры 4 арш. 3 в. × 3 арш. 10 в. Отъ каменной кладки лишь небольшое количество камней въ основаніи. Грунтовая яма размѣровъ 2 арш. 5 в. × 14 в. × 10 в. Дѣтскій скелетъ

длиною 1 арш. Въ ногахъ небольшой горшочекъ, около лѣвой руки половина монеты (варварское подражаніе монетѣ Этельреда II), подъ лѣвой ногой—ножъ. Дно ямы посыпано какимъ-то бѣлымъ веществомъ. (С. А. Дубинскій).

№ 13 (планъ № 27). Курганъ въ основаніи 3¾ × 3½ арш., высотою 15 в. Западная сторона нѣсколько круче. Каменное огражденіе лучше сохранилось съ восточной стороны; видимо, внизу помѣщались камни болѣе крупные. Надъ ямою на высотѣ ¼ арш. появились отдѣльные угольки и кусочки обожженной бересты. Яма размѣровъ 2 арш. 9 в. × 14 в. × 6 в.; углы ея закруглены. На днѣ женскій костякъ, головою на З., руки на животѣ. При скелетѣ найдены: пять височныхъ колецъ (обломокъ типа Иван. I, 16, два цѣлыя типа Глаз. XXIV, 3 и два типа Глаз. XXIV, 2, но большаго діаметра, серебряная серьга типа Глаз. XXIV, 8, большая мѣдная серьга, 3 малыя посеребреныя бусы, мѣдная лунница типа Иван. XII, 24, но вдвое меньше и, кажется, безъ орнамента, двѣ мѣдныя пластинчатыя подвѣски типа Иван. XX, 6, но меньше, мѣдный проволочный перстень типа Иван. IV, 7, но съ суживающимися концами, и желѣзный ножъ. (Раскопка А. В. Тищенка).

№ 14. (Планъ № 23). Маленькій курганчикъ плоской формы, размѣровъ 3 арш. 5 в. × 2 арш. 15 в. × 14 в. Яма длиною 2 арш. 7 верш., въ ширину не одинакова, глуб 10½ вершковъ. На днѣ остатки перекопаннаго костяка, безъ вещей. (Раскопки А. В. Тищенка).

Былъ осмотрѣнъ курганъ типа сопокъ, расположенный на другомъ концѣ д. Малаго Удрая. На верху сопки стоитъ часовня.

Верстахъ въ 1½—2-хъ отъ сопки, по дорогѣ мимо озерка, на отдѣльномъ высокомъ продолговатомъ возвышеніи, поросшемъ лѣсомъ, расположено городище Дьякова типа. Скаты крутые, особенно лѣвый и у стрѣлки; правый скатъ также крутой, но на половинѣ высоты имѣетъ широкую площадку, можетъ быть, имѣвшую особое назначеніе. Стороны тыла еще круче, но здѣсь же ниже идетъ обширная ровная площадка, имѣющая отлогіе скаты и спускъ. Съ верху открывается видъ верстъ на 10. Площадка городища довольно ровная, но нѣсколько подымается къ стрѣлкѣ и имѣетъ легкій наклонъ въ правую сторону, что особенно замѣтно въ сторонѣ вала. Валъ очень широкій и низкій, почему почти не замѣтенъ; идетъ полукругомъ. Ширина городища у вала—12½ саж.

На городищѣ были произведены пробныя раскопки, для опредѣленія культуры его. Лучшія находки дала первая яма, вырытая близъ вала. Здѣсь

культурный пластъ доходилъ до аршина и состоялъ изъ песка съ растительною примѣсью, въ общемъ темнаго цвѣта. Въ немъ въ значительномъ количествѣ попадался колотый камень, отъ 1 до 4 вершковъ величиною, преимущественно гранитъ, а также не мало угля, лежавшаго иногда слоями, въ небольшомъ количествѣ черепки и нѣсколько косточекъ. Казалось, что мы попали на остатки очага. Вырытая яма доведена до кв. сажени. Вторая яма заложена съ праваго боку, по срединѣ его, у края площадки; она дала культурный слой до глубины 1 арш., того же содержанія, но болѣе бѣдный. Въ третьей ямѣ, заложенной у самой стрѣлки, найденъ колотый камень и уголь; въ ямѣ, выкопанной на площади въ той же мѣстности, культурнаго пласта не оказалось. Пробныя ямки по правому скату, надъ площадкой, не обнаружили ни оползня, ни рва. Площадка поросла березой и осиной, весьма затрудняющими не только раскопки, но и развѣдки.

Почти у подножія городища, на обратномъ пути къ озеру, вдоль самой дороги усмотрѣна была небольшая группа маленькихъ песчаныхъ кургановъ шириной 4—5 арш. и вышиною до $^1/_2$ арш. и немного больше. Изъ нихъ наскоро раскопаны были три, при чемъ въ одномъ на горизонтѣ оказался слой свѣтлосѣрой, какъ бы зольной земли, толщиною въ серединѣ до 2-хъ вершк. и шириною до сажени. Земля подъ этимъ слоемъ не казалась обожженною. Въ немъ не было ни угля, ни косточекъ, ни вещей; попадались мѣстами крошечные угольки.

Въ итогѣ поѣздки 1912 г. близъ д. Малаго Удрая и Замошья:

1) осмотрѣно и слегка тронуто оригинальнѣйшее, единственное въ своемъ родѣ, четырехугольное сооруженіе, облицованное камнемъ;

2) найдено городище Дьякова типа, въ 1912 г. бывшее самымъ крайнимъ на С.-В. Россіи;

3) раскопанъ старый удлиненный курганъ, интересно сооруженный;

4) раскопано нѣсколько маленькихъ кургановъ особаго типа, встрѣчающихся очень рѣдко;

5) раскопаны 24 кургана XI в., полуфинскихъ-полурусскихъ, весьма интересныхъ своими обложеніями изъ камня, которымъ подобныя позднѣе были обнаружены подъ Ладогой.

А. Спицынъ.

Нѣкоторыя новыя пріобрѣтенія Саратовскаго музея.

Быстро богатѣющій Саратовскій музей доставилъ намъ для ознакомленія и экспертизы рядъ своихъ новыхъ пріобрѣтеній. Нѣкоторыя изъ нихъ оказались столь интересными для общей или мѣстной археологіи, что нельзя было не соблазниться возможностью издать ихъ, что мы теперь и исполняемъ.

Саратовская губ. очень богата стоянками и отдѣльными находками старшаго мѣднаго вѣка. Б. В. Зайковскій нашелъ весьма цѣнную стоянку на горѣ Дурманъ у слоб. Даниловки Камышинскаго уѣзда. Отсюда происходятъ, между прочимъ, слѣдующія вещи:

1. Каменный курантъ (рис. 1), съ выступами въ верхней части и грибообразнымъ расширеніемъ внизу. Верхъ избитъ и небрежно сравненъ безъ полировки, такъ что производитъ впечатлѣніе обломленнаго; выпуклая шляпка также сильно попорчена. Для обхвата инструмента два пальца помѣщаются между бугорками, большой обхватываетъ бугорокъ съ боку, четвертый цѣпляется за послѣдній. Нижняя часть куранта нѣсколько уже, чѣмъ верхняя, какъ бы для удобства обхватыванія. Вышина подѣлки—8,5 сант., ширина гриба 5,5 сант. Матеріалъ—отличный мелкозернистый красный песчаникъ.

2. Толкачъ, изъ того же матеріала (рис. 5), большой и массивный. Вышина 19 сант., ширина внизу 9 сант. Для удобства обхвата рукою верхняя часть сплющена, а самая верхушка расширена. Нижняя половина, повидимому, круглая; она сильно обита съ двухъ сторонъ, отъ употребленія.

3. Каменный молотъ (рис. 4), большой, массивный; длина — 20,5 сант. Матеріалъ сѣрый, хорошій. Верхъ гладкій, съ возвышеніемъ или напускомъ къ тылью, безъ грани. Низъ въ серединѣ имѣетъ слабую выемку для ўпора рукояти, а тыловая часть здѣсь снабжена гранью (рисунокъ представляетъ эту сторону). Бока имѣютъ тупые, но значительные выступы, болѣе 1 сант. Правая щека раздѣлана тремя отчетливыми гранями, изъ которыхъ средняя слегка вогнута; лѣвая щека безъ граней. Лезвіе тупое, почти не попорченное. Тылье значи-

тельно избито, въ давнее время. Въ общемъ молотъ представляетъ очень внушительное орудіе.

4. Массивный грубый топоръ изъ грубо обработанной песчаниковой плитки (рис. 7). Длина его—20,7 сант., толщина—5—6 сант. Лезвіе тупое въ видѣ морды животнаго, тылье совершенно прямое и гладкое. Для захвата рукоятью—по зарубкѣ вверху и внизу и сверхъ того, язычокъ въ нижней части. Песчаникъ, плотный.

5. Мѣдный клинъ (рис. 13). Лезвіе постепенно расширяющееся. Средняя часть верха имѣетъ выемку, какъ бы отъ употребленія. Длина—13 сант., ширина лезвія—4 сант., а верхней части 2—сант.

6. Мѣдная пряслица (рис. 8), непонятнаго назначенія. Литая.

7. Черепки (рис. 6) съ прямымъ краемъ и энергичной штриховкой для украшенія, не толстые.

Того же старшаго мѣднаго вѣка вещи изъ другихъ мѣстностей:

8. Превосходный молотокъ изъ чернаго камня (рис. 10). Найденъ въ урочищѣ «Рыбное поле» въ окрестностяхъ Камышина. Сверху боровокъ, бока съ разрѣзомъ. Длина—12,5 сант., ширина у отверстія—5,5 сант., ширина отверстія 2 сант.; хорошій матеріалъ и чудесная работа.

9. Оригинальный каменный молотокъ съ расширеннымъ лезвіемъ и втулкой (рис. 12), сломанный. Лезвіе широкое (9,5 сант.), обработанное отдѣльно; самый молотокъ широкій и низкій, съ проводными гранями по бокамъ и боровкомъ сверху и снизу. Ширина кольца втулки 0,8 сант. Отверстіе уже вверху (2,3 сант.) и шире внизу (2,6 сант.). Судя по формѣ боковыхъ граней, отломанная часть молотка имѣетъ иную форму, скорѣе въ видѣ шляпки, какъ у болѣе позднихъ бронзовыхъ топоровъ этого типа въ Венгріи. Найденъ близъ с. Рудни Камышинскаго у. Работа тонкая и точная; вообще это прекрасная вещь. Поверхность не блестящая, а матовая; камень сѣрый.

10. Мѣдный молотокъ (рис. 9), найденный близъ д. Мозоли Камышинскаго у. Орудіе отлито изъ красной мѣди, но шва отъ формы не видно; мѣстами легкая отковка. Сверху топоръ имѣетъ форму толстаго клина, снабженнаго въ широкой части продолговатымъ отверстіемъ. Нижняя сторона совершенно прямая и гладкая, верхняя въ сторону тылья срѣзана отъ середины отверстія. Часть лезвія сбита и все оно находчикомъ поведено вправо. Тылье отъ ударовъ образовало напускъ, очевидно, давній, сглаженный съ боку. Длина до 15 сант., ширина до 4 сант.; размѣръ отверстія 3,5×2 сант.

11. Мѣдный ножъ оригинальной формы (рис. 11), найденный близъ Камы-

Рис. 1 (½).Даниловка.

Рис. 2 (2/3). Терновка.

Рис. 3 (2/3) Даниловка.

Рис. 4 и 5 (1/3). Даниловка.

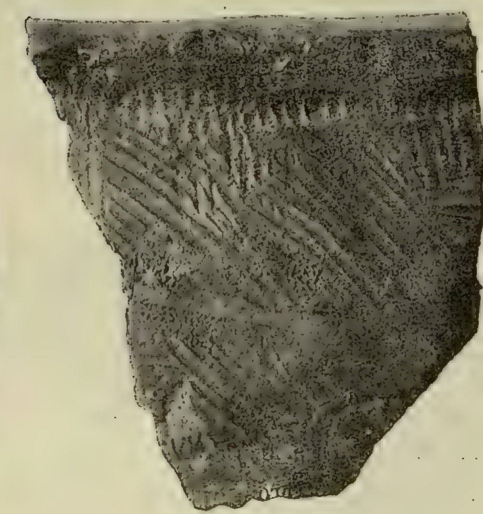

Рис. 6 (1/1). Терновка.

шина. Длина всего 9,3 сант. Конецъ тупой, лезвія слегка вогнутыя, рукоять широкая, обработанъ гранями.

Любопытнѣйшее Терновское городище, расположенное нѣсколько выше Камышина, дало много вещей разнородныхъ культуръ, между прочимъ, старшаго мѣднаго вѣка. Таковы:

12. Большой узкій мѣдный клинъ (рис. 2). Длина—25 сант., ширина лезвія—5 сант., ширина конца—2,2 сант. Конецъ выступаетъ язычкомъ.

13. Интересный кривой мѣдный ножъ (рис. 14), можетъ быть, кованый. Обухъ выпуклый, лезвіе вогнутое, рукоять широкая, язычкомъ. Длина—12 сант. Данный экземпляръ объясняетъ происхожденіе кривыхъ ножей бронзоваго періода; нашъ ножъ образовался путемъ простой выемки въ одной изъ сторонъ обычнаго для мѣднаго вѣка ножа съ двумя лезвіями.

14. Глиняные черепки двухъ сортовъ (рис. 15, 20 и 22): одни со шнуровымъ, другіе съ насѣченнымъ орнаментомъ, короткими штрихами, вкось и въ елочку.

15. Стрѣлка изъ красной мѣди (рис. 18), найденная въ дюнахъ близъ хут. Вихляпцева Камышинскаго у. Большая (длина 6,7 сант.), въ видѣ полаго острія, снабженнаго опереніемъ. Старшій или средній мѣдный вѣкъ.

Въ губерніи начинаютъ попадаться старыя греческія и сарматскія вещи. Таковы, напр.

16. Часть свинцовой пластинки (рис. 21) съ греческою надписью V в. (опредѣленіе В. В. Латышева), изъ пос. Дубовки Камышинскаго у., съ извѣстнаго городища. Сохранились лишь двѣ буквы.

17. Бронзовое колечко, съ Терновскаго городища (рис. 17). Спицы оставлены безъ обработки послѣ литья, остальное шлифовано. Патина темная. Подѣлка массивная.

18. Колечко или кнопка (рис. 17), оттуда же, бронзовое, съ патиной. Верхняя часть выпуклая.

19. Наконечникъ въ видѣ конуса (рис. 17), оттуда же. Подѣлка массивная, литая, съ сквознымъ отверстіемъ въ нижней части. Сѣрая бронза. Время неизвѣстное.

Отъ болѣе поздняго времени интересны по мѣсту находки:

20. Бронзовый наконечникъ ноженъ скандинавскаго меча X в. (рис. 3), найденный на извѣстномъ Степькиномъ бугрѣ близь сл. Даниловки Камышинскаго у. Длина его—8,7 сант. Слѣдъ путешествія по нижней Волгѣ русовъ или болгаръ.

Рис. 7 (4/9). Даниловка.

Рис. 8. (н. в.).
Даниловка.

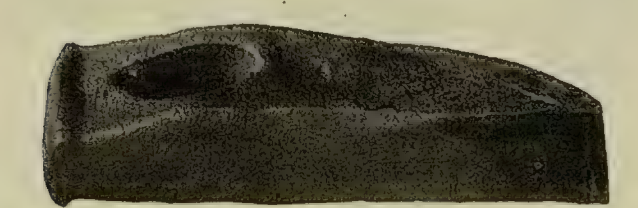

Рис. 9 (1/2). Мозоли.

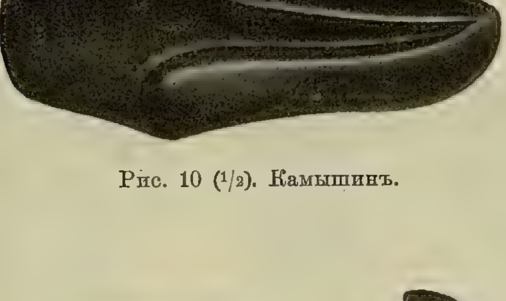

Рис. 10 (1/2). Камышинъ.

Рис. 11 (3/4).
Камышинъ.

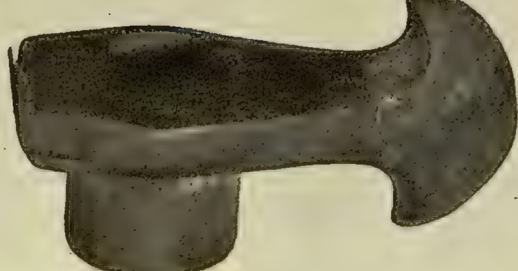

Рис. 12 (3/4). Рудня.

Рис. 13 (2/3).
Даниловка.

21 и 22. Два желѣзные наконечника стрѣлъ (рис. 16 и 19), найденные въ Терновскомъ городищѣ, неопредѣленнаго времени (отъ X до XIV в.). Обращаютъ на себя вниманіе тѣмъ, что носятъ слѣды пребыванія на огнѣ и, слѣдовательно, могутъ относиться къ погребенію.

Изъ остальныхъ вещей наиболѣе любопытны татарскія и найденныя между ними русскія и греческія иконки и крестики. Сюда принадлежатъ:

23 и 24. Два каменные крестика изъ Терновскаго городища. Одинъ (рис. 26), кажется, изъ яшмы, другой (рис. 25)—изъ красиваго сѣро-зеленаго камня. Первый грубоватъ, второй изященъ.

25 и 27. Два мѣдные крестика, найденные въ Увекѣ (рис. 27 и 29). Изображаются потому, что мѣсто находки опредѣляетъ ихъ время, XIII—XIV в. Оба они изъ желтой мѣди.

26. Каменный образокъ съ изображеніемъ Спасителя (рис. 28), сидящаго на высокомъ сидѣніи съ подушкою; ноги на подножіи, расчерченномъ въ косую клѣтку. Фигура Божіей Матери скромная, тонкая, старческая. Слѣва святой въ видѣ священника съ длинными волосами и большою бородой. Надъ Спасителемъ и Божіею Матерью обычные инициалы, нанесенные тонкими красивыми русскими буквами. Рельефъ довольно плоскій. Камень мягкій, сѣровато-бѣлый съ розовымъ оттѣнкомъ. Толщина доски довольно значительная (0,7 сант.); обратная сторона гладкая. Никакихъ приспособленій для ношенія на образкѣ нѣтъ; очевидно, онъ носился въ оправѣ.

28. Каменный образокъ съ изображеніемъ Архангела изъ сюжета Благовѣщенія (рис. 29). Камень темный, а фигуры желтоватыя. Рельефъ высокій, пластинка тонкая и очень гладкая. Всѣ части фигуры округлы и красивы, особенно кисти рукъ. Лику старались придать юное выраженіе, но это въ общемъ не удалось. Волоса гладкіе, на лбу повязка, оканчивающаяся позади свободными вьющимися лентами. На шеѣ—какая-то легкая повязка. Въ широкомъ нимбѣ какіе-то знаки, можетъ быть, для обозначенія слуховъ. Одежда легка и тонка; на ней живописныя мелкія складки; на плечѣ застежка. Въ рукахъ два растительные початка, соединенные внизу шнуромъ съ петлею, а вверху смыкающіеся острыми концами, такъ что образуютъ нѣчто въ родѣ вѣнка. Вѣнокъ держится обѣими руками, съ характерно отставленными указательными пальцами. Работа вообще тонкая и отчетливая, съ художественными пріемами. Ободокъ въ 4 лопасти.

29. Каменный образокъ съ изображеніемъ Женъ мѵроносицъ (рис. 31). Нетолстая пластинка изъ довольно слабаго краснаго камня въ родѣ шифера,

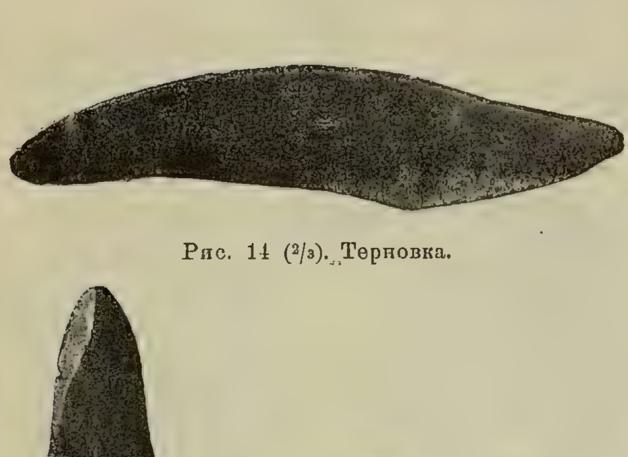

Рис. 14 (2/3). Терновка.

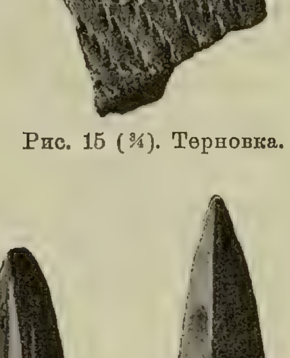

Рис. 15 (3/4). Терновка.

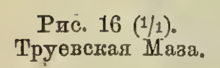

Рис. 16 (1/1). Труевская Маза.

Рис. 17 (1/1). Терновка.

Рис. 18 (3/4). Вихлянцевъ.

Рис. 19 (1/1). Труевская Маза

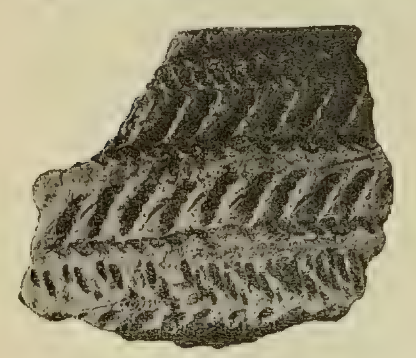

Рис. 20 (3/4). Терновка.

Рис. 21 (н. в.). Дубовка.

Рис. 22 (3/4). Терновка.

Рис. 23 (н. в.). Терновка.

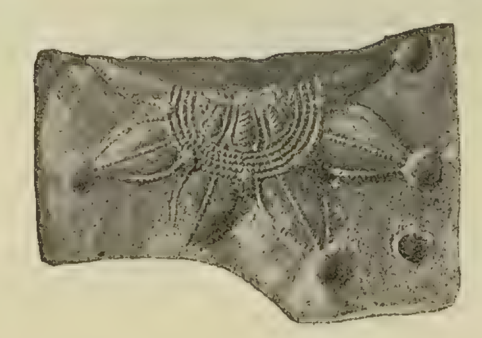

Рис. 24 (н. в.). Увекъ.

съ невысокимъ рельефомъ. Въ каменномъ гробѣ пелены, образующія и подобіе головы. Въ изголовьѣ—большого роста Архангелъ съ узкимъ крыломъ, поднятымъ вверхъ, и съ жезломъ въ лѣвой рукѣ; правая указуетъ на гробъ. За гробомъ—мѵроносицы, погруженныя въ глубокую печаль. Позади кувуклія съ 3 главами и 3 лампадами. Вверху малые крылатые ангелы на лету съ узкими поднятыми крыльями, касающіеся лампадъ руками. По замѣчанію Н. П. Лихачева, греческая композиція и работа.

30. Часть каменной формочки для отливки большой серьги или сережной подвѣски (рис. 24). Серьга представляетъ собою подражаніе извѣстной русской серьгѣ XIII в. Камень сѣрый, съ болѣе темною поверхностью. Ширина $5^1/_2$ сант., толщина $1^1/_2$ сант. Въ углу сквозное отверстіе. На оборотѣ знакъ въ видѣ восьмерки. Уголъ не обломанъ, а снятъ ножомъ. Увекъ.

31. Мѣдная маленькая фигура человѣка (рис. 23) съ разставленными руками и ногами и большою головою. Литая, рельефная. Изъ Терновскаго городища.

32. Мѣдная статуэтка обезьяны, восточной работы (рис. 32). Животное представлено съ широкимъ ртомъ, длинными узкими ушами, длинными пальцами на рукахъ и ногахъ; хвостъ съ завиткомъ на концѣ. Сидитъ на подушкѣ, лежащей на постаментѣ, украшенномъ арочнымъ индійскимъ орнаментомъ. Въ рукахъ обезьяна осторожно и крѣпко держитъ что-то въ родѣ сосуда, а вѣрнѣе подставку какой-то вещи, уже утраченной; подставка имѣетъ сквозное отверстіе съ боку и три сверху (изъ нихъ одно—переднее сквозное). Всѣ сквозныя отверстія проверчены послѣ отливки. Складки въ углахъ рта придаютъ лицу улыбающееся выраженіе. Была отличная свѣтло-зеленая патина, большею частью счищенная.

33. Глиняная форма для отливки медальона съ изображеніемъ дракона (рис. 33). Глина хорошо обожженная, красновато-сѣраго цвѣта. Длина около 13 сант., ширина до 10 сант. Форма массивная и крѣпкая. У дракона туловище тонкое, опушенное снизу шерстью, голова съ гребнемъ, нижняя челюсть круто загнута вверхъ, верхняя въ видѣ клюва, длинныя лапы съ 4 когтями, на шеѣ и лапахъ пучки въ видѣ метелокъ или хвостовъ; въ общемъ, изображеніе очень затѣйливое и трудно прослѣживаемое. Въ углахъ оно осложняется растительными разводами. Рельефъ довольно глубокій. Монгольское происхожденіе этого сюжета несомнѣнно.

34. Глиняная головка птицы (рис. 36). Глина темносѣрая. Подѣлка оттиснута въ формѣ изъ двухъ половинокъ; виденъ небрежно снятый шовъ. Лѣпка небрежная, но глина хорошая. Видны слѣды бѣловатой окраски или грунтовки.

Рис. 25 и 26 изъ Терновки. Рис. 27—31 изъ Увека (н. в.).

Рис. 32 (н. в.) Увекъ.

Рис. 33 (1/2). Увекъ.

35. Костяная статуэтка лежащаго льва (рис. 34). Формы льва условныя, вытянутыя; на хвостѣ—широкая кисточка. Все обработано рѣзко и сухо, не художественно: контуръ, проборъ головы, складки шеи, хвостъ; мелкая незатѣйливая штриховка. Левъ изображенъ на стражѣ, рычащимъ; онъ какъ бы охраняетъ лежащую подъ нимъ вещь. Фигура расположена на очень тонкой гладкой пластинкѣ, приспособленной для вдвиганія въ коробочку. Въ пластинкѣ въ сторонѣ хвоста отверстіе и въ немъ мѣдный гвоздь, окрасившій половину ея въ пріятный малахитовый цвѣтъ.

36. Половина мѣднаго замка въ видѣ фантастическаго животнаго (рис. 35). Морда плоская и гладкая, пасть полуоткрыта, короткія уши и рога; выраженіе головы хищное, кошачье. Между рогами—отверстіе для дужки. Хорошая патина. Изъ городища въ Большой Мечеткѣ.

37. Серебряный ковшикъ (рис. 37). Изъ кургана близъ с. Мелика Балашовскаго у. Діаметръ—8,8 сант., глубина—3 сант. Угловатыя клейма съ характернымъ монгольскимъ орнаментомъ.

38. Серебряная чашка съ ручкою въ видѣ головки дракона (рис. 40). Діаметръ 14 сант. Происходитъ, вѣроятно, также изъ какого-нибудь кургана. Фигуры гладкія, позолоченныя. У дракона въ глазахъ камушки. Работа также монгольская, по китайскимъ образцамъ.

39. Серебряная пластинка съ изображеніемъ женской фигуры (рис. 39). Вырѣзка изъ какой-нибудь обивки или сосуда, длиною 7,7 сант. Фигура очень примитивна, груба и не характерна. Самое интересное то, что она держитъ въ рукахъ кувшинъ, какъ каменная баба. Изображеніе не штамповано, а весьма незатѣйливо вычеканено. На ровной, гладкой, довольно тонкой пластинкѣ ударами тупого орудія выбита съ обратной стороны голова (на лицевой сторонѣ отпечатались отдѣльные удары, такъ что все лицо, а особенно лобъ, вышло въ рябинахъ), руки, ноги, широкій контуръ юбки, груди, носъ, глаза, уши, другимъ, болѣе тонкимъ орудіемъ—брови и пальцы. На лицевой сторонѣ тѣмъ же орудіемъ обведены контуры головы, ушей, рукъ и вообще всей фигуры, не исключая и ногъ; болѣе тонкимъ орудіемъ обведены брови, ротъ, внутренніе контуры фигуры, пальцы рукъ. Наконецъ, шиломъ и ножомъ нанесенъ на одежду орнаментъ, на брови и контуръ юбки насѣчка, на поле грубый пунктиръ. Орнаментъ монгольскій, одинаковый съ ковшикомъ рис. 37. Въ общемъ, чрезвычайно грубая работа, кромѣ орнамента. Матеріалъ хорошій. Пластинка была найдена лѣтъ 40 тому назадъ на огородахъ близъ Саратова (на Березиной рѣчкѣ или въ Алексѣевскомъ оврагѣ).

Рис. 34—36.

Рис. 34 изъ Увека, рис. 35 и 36 изъ Большой Мечетки.

40. Каменная баба (рис. 38), поступившая изъ с. Старицы Новоузенскаго у., Самарской губ. Это особый видъ каменныхъ бабъ въ видѣ стелы или менгира; обработана лишь голова и воротъ. Размѣры маленькіе—нѣсколько болѣе $1^1/_4$ арш.

Рис. 37 ($^2/_3$). Меликъ.

Рис. 38 (1/9). Старица.

Рис. 39 (5/4). Окр. Саратова.

Рис. 40 (4/7). Неизвѣстной мѣстности.

А. С.

Венгерскія вещи X вѣка въ Россіи.

Бела Пошта, сдѣлавшій поѣздку по Россіи (въ экспедиціи графа Зичи) для отыскапія ближайшихъ аналогій къ собственно венгерскимъ древностямъ [1]), нигдѣ не могъ ихъ обнаружить, какъ и русскіе археологи не могли ему ихъ указать. Тѣмъ пріятнѣе была для него и для насъ неожиданная находка искомыхъ вещей въ Казани, среди вещей, добытыхъ изъ Билярморскихъ кургановъ П. А. Пономаревымъ, отъ котораго было очень удобно получить и всѣ ближайшія свѣдѣнія относительно устройства кургановъ и обряда погребенія въ нихъ. Билярморскія вещи были давно изданы проф. Штукенбергомъ [2]), но въ такомъ маломъ масштабѣ, что орнаментъ ихъ совершенно не вышелъ, и никакъ нельзя было подозрѣвать, что серебряныя Билярморскія поясныя бляшки очень близки къ венгерскимъ подѣлкамъ этого рода (рис. 1 № 1 и 2, въ трудѣ Béla Pósta, т. I, стр. 39).

Билярморскія бляшки изслѣдователь признаетъ «родственными» венгерскимъ и, такимъ образомъ, высказывается за ихъ мѣстное, русское, происхожденіе. Считая ихъ финскими, а мечъ норманскимъ, Бела Пошта находитъ, что въ общемъ курганъ имѣетъ «финно-германскій характеръ» (стр. 52). Тутъ мы съ нимъ рѣшительно расходимся. Если финны жили здѣсь, составляя часть Болгарскаго царства, то, судя по всѣмъ имѣющимся на обширномъ пространствѣ даннымъ, они погребались не въ курганахъ, а въ могильникахъ, и не по обряду трупосожженія; сами болгары въ X в., какъ разъ въ данной мѣстности, погребались также не сожженными [3]). Для насъ нѣтъ сомнѣнія, что Билярморскіе курганы принадлежатъ русамъ, приходившимъ въ Болгары для торговли съ восточными купцами какъ изъ Скандинавіи, такъ и изъ Новгорода, а быть можетъ, и изъ Кіева. Весь наборъ Билярморскихъ вещей чужой, а не

---

1) Béla Pósta, Archaeologische Studien auf Russischem Boden. Th. I и II. Budap. 1905.

2) *Извѣстія Каз. Общ. Археологіи, Ист. и Этногр.*, т. X, стр. 155—160.

3) *Отчетъ Имп. Археолог. Комм.* 1904 г., стр. 136.

мѣстный: мечъ, огниво и гирька—норманскіе, характерныя подвѣски къ поясу въ видѣ стержней съ гирькой (рис. 1 № 3, рисовальщикомъ неправильно двѣ подвѣски соединены въ одну)—литовскія (см. Люцинскій могильн. табл. XIII, 5) и наконецъ, поясныя бляшки—венгерскія, привезенныя изъ Венгріи. Норманны очень любили пояса съ наборными бляшками и пользовались какими угодно; въ огромной норманской сопкѣ на Волховѣ найдены поясныя бляшки камскія, IX вѣка [1]). Ничего нѣтъ удивительнаго, что русъ имѣлъ венгерскій поясъ и пришелъ съ нимъ въ Болгары. Подвѣски Люцинскаго типа опредѣляютъ точнѣе всего и время Биляморскихъ вещей. Тѣмъ-то и любопытна для венгерскихъ археологовъ эта находка, что она даетъ старѣйшіе типы данныхъ бляшекъ, такъ какъ большинство подобныхъ, извѣстныхъ въ Венгріи, относится къ XI в.

Другая, столь же неожиданная, вещь венгерскаго происхожденія обнаружилась при раскопкѣ кургановъ близъ г. Любеча, Черниговской губ. Здѣсь въ

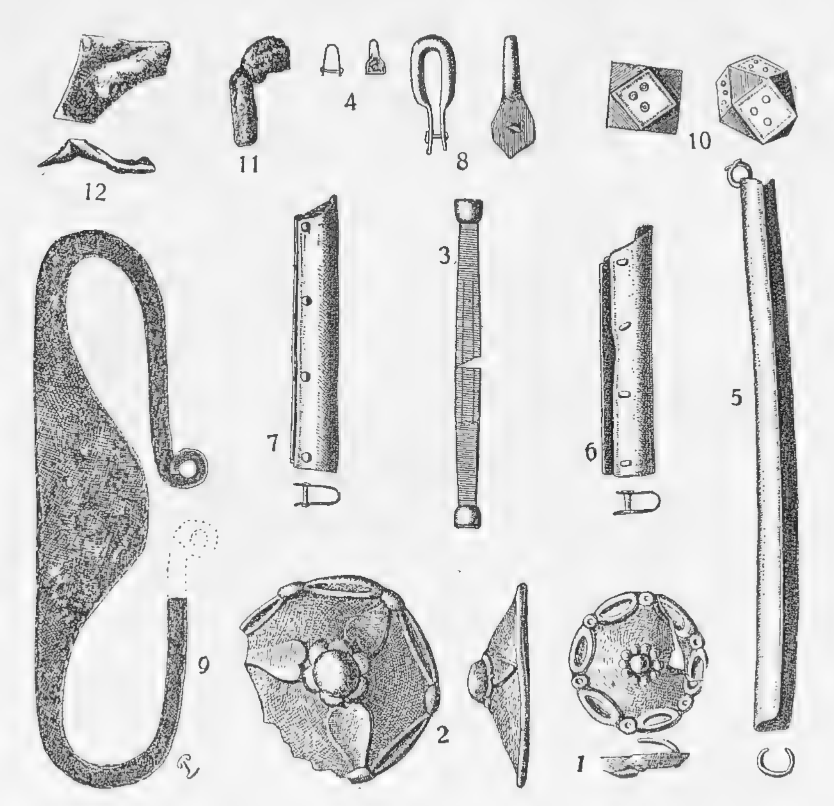

Рис. 1. Вещи изъ Биляморскихъ кургановъ.

[1]) Бранденбургъ. Древности Южнаго Приладожья, табл. VI, №№ 11 и 18.

урочищѣ Болгачевскомъ расположена значительная группа кургановъ небольшой величины, заключающая, главнымъ образомъ, трупосожженія. Второй изъ Болгачевскихъ кургановъ, раскопанныхъ М. К. Якимовичемъ въ 1907 г., имѣлъ въ вышину 2,50 м. [1]). Въ верхней части его на глубинѣ 0,45 м. въ центрѣ оказались заржавѣвшія удила съ костяными усиками, лежавшія въ сложенномъ видѣ. На глубинѣ 2 м. обнаружено пятно незначительной толщины изъ уголь-

Рис. 2. Вещи изъ кургана близъ г. Любеча.

ковъ и мелкихъ пережженныхъ косточекъ, размѣровъ 1,3 × 1,2 м.; въ пятнѣ найдены черепки сосуда и пережженный обломокъ костяной подѣлки въ видѣ рукоятки или, вѣрнѣе, части стремени (рис. 2).

Усики удилъ изогнуты, съ фигурнымъ концомъ, сплошь покрыты растительнымъ орнаментомъ двухъ типовъ. Удила совершенно той же формы, въ количествѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, сохраняются въ Будапештскомъ музеѣ и извѣстны въ литературѣ (рис. 3) [2]). По своему разнообразному и интерес-

[1]) Архивъ Имп. Археологич. Коммиссіи, д. 1907 г. № 69.

[2]) Hampel, Ujabb tanulmányok a honfoglalási kor. Budap. 1907, табл. 29.— Его же, Alterthümer, табл. 208.

ному орнаменту костяные усики венгерскихъ удилъ не могутъ не вызвать спеціальной работы, причемъ не будетъ забытъ и черниговскій экземпляръ. Любечскіе курганы, какъ заключающіе трупосожженіе, не могутъ быть позднѣе X в. Любопытно, что при раскопкахъ, произведенныхъ близъ Любеча Антоновичемъ (въ урочищѣ Мокріевщина), найдена была какая-то «костяная изогнутая пластинка въ формѣ рукоятки съ вырѣзаннымъ въ глубь орнаментомъ» [1]). Орнаментъ этотъ растительный, на двѣ стороны. Вѣроятно, это также усикъ отъ удилъ. Напомнимъ, что угорскіе иноходцы были на Руси въ большомъ почетѣ.

По личному желанію и по спеціальной просьбѣ извѣстнаго венгерскаго археолога Возинскаго я слѣжу за аналогіями характерныхъ венгерскихъ древностей X—XI в. на русской почвѣ уже около 20 л., но кромѣ описанныхъ выше двухъ находокъ пока ничего другого не могу указать.

А. С.

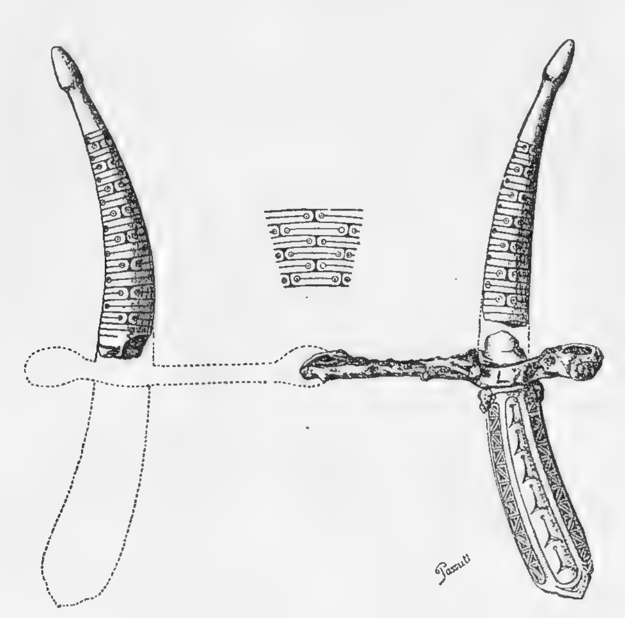

Рис. 3. Удила изъ Венгріи.

[1]) Указатель Россійскаго Историч. Музея, стр. 151, № 1085.

Раскопки и развѣдки 1910 года.

I. Курганы близъ г. Бугуруслана.

Верстахъ въ 2-хъ на югъ отъ г. Бугуруслана, на высокомъ мысу при впаденіи рѣчки Кунтузлы въ рѣку Малую Кинель, расположена группа кургановъ, одна изъ наиболѣе значительныхъ въ уѣздѣ (на землѣ крестьянъ д. Александровки, Пригородной вол., Бугурусланскаго у.). Мѣсто, гдѣ насыпаны курганы,—ковыльный лугъ, въ настоящее время служащій выгономъ; по словамъ крестьянъ-старожиловъ, лѣтъ 25 назадъ здѣсь была пашня, что подтверждается кое-гдѣ сохранившимися бороздами, иногда проходящими черезъ курганы, почему можно предположить, что распашкѣ подвергались и самыя насыпи. Въ виду послѣдняго обстоятельства трудно опредѣлить точное число кургановъ, такъ какъ многіе изъ нихъ едва замѣтны; число хорошо сохранившихся насыпей достигаетъ 35, полуразрушенныхъ—около 30. Какой-либо системы въ расположеніи кургановъ не замѣтно; всѣ они насыпаны изъ чернозема. Форма почти правильно круглая съ діаметромъ отъ 13 до 50 м. при высотѣ ½—2 м.; рвовъ вокругъ насыпей и углубленій или камней на поверхности ихъ нѣтъ; вершина кургана обыкновенно совпадаетъ съ его центромъ, за немногими исключеніями, когда (повидимому, послѣ раскопокъ кладоискателей) измѣнилась самая форма насыпей. Почва въ районѣ расположенія кургановъ черноземная, мощностью въ 50—70 сантим.; ниже ея почти всегда замѣтенъ переходный слой буроватаго цвѣта мощностью сант. въ 10; подпочва—желтый суглинокъ, ниже его красная глина; около боковъ мыса слой чернозема выклинивается, обнажая подпочвенныя наслоенія. Изъ всей группы раскопаны два кургана въ сѣверо-восточной части мыса (рис. 1).

Курганъ № 1. Діаметръ 13 м., высота 1 м. На вертикальномъ разрѣзѣ насыпи замѣтны слѣдующія наслоенія, считая сверху: а) дерновый слой, мощностью въ 10 см., б) непосредственно подъ нимъ и только на самой вершинѣ насыпи камни известняка, расположенные безъ порядка, в) слой черно-

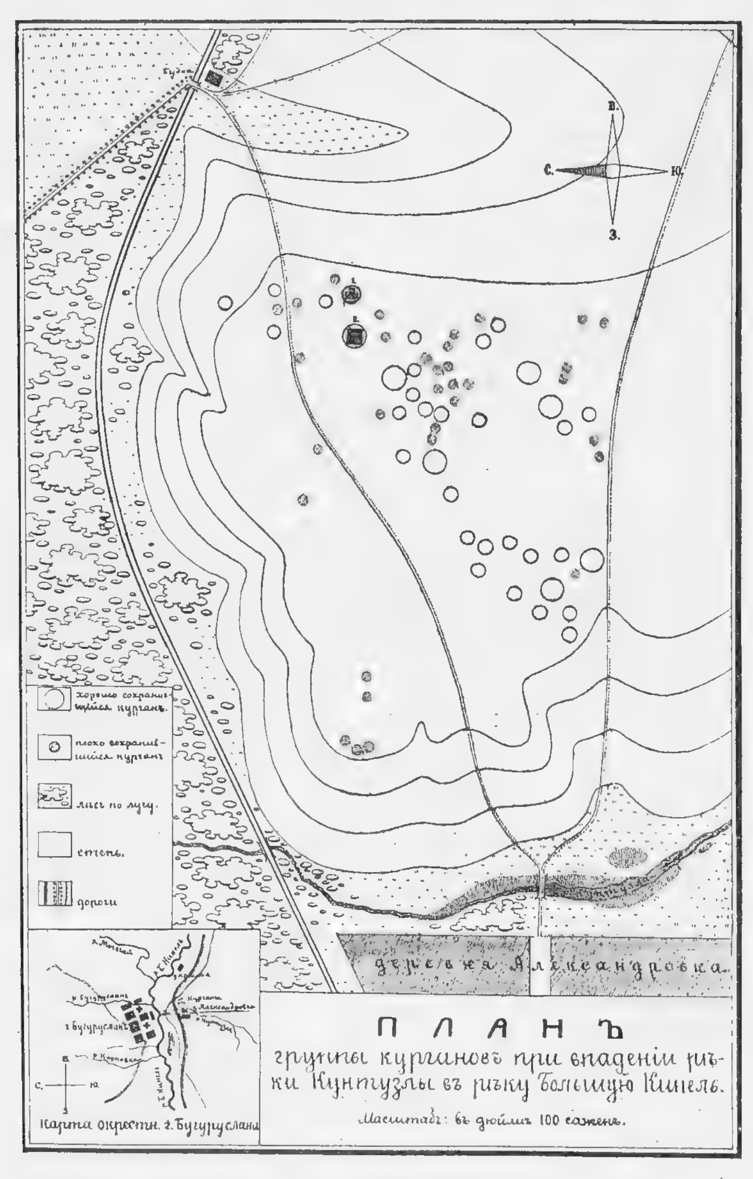

Рис. 1. Группа кургановъ близъ Бугуруслама.

зема, составляющій почти всю массу кургана, мощностью около 75 см., г) слой чернозема съ комками желтаго суглинка, занимающій небольшую площадь въ западной части кургана и залегающій въ видѣ чечевицы непосредственно на подпочвѣ (желтомъ суглинкѣ), прикрывая собою погребеніе. Костякъ обнаруженъ на глубинѣ 1,35 м. отъ поверхности кургана въ западной полѣ въ 3-хъ м. отъ западнаго края ямы на глубинѣ 35 см. отъ поверхности материка.

Положеніе костяка скорченное, па правомъ боку, головой на сѣверъ, лицомъ на западъ. Черепъ сплющенъ, но сохранился сравнительно хорошо; изъ остальныхъ костей болѣе или менѣе уцѣлѣли только лѣвая плечевая, лѣвая локтевая (фрагментъ), оба бедра, лѣвая голень, чашка колѣна, пятка, большой палецъ ноги, тазовыя кости и нѣсколько позвонковъ и реберъ; костякъ принадлежитъ молодому субъекту. Передъ ногами костяка найденъ желѣзный наконечникъ стрѣлы ромбической удлиненной формы, съ круглымъ стержнемъ

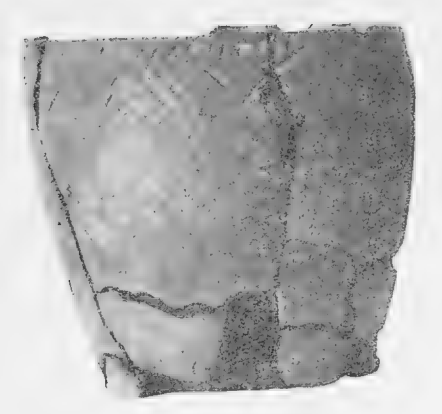

Рис. 2. Курганъ № 1 (1/3).

Рис. 3. Курганъ № 1 (1/3).

для насадки, X—XIV в.; за спиной черепки отъ трехъ раздавленныхъ глиняныхъ сосудовъ. Первый сосудъ (рис. 2) высотою въ 15 см., діаметръ верхней части 16 см., толщина стѣнки ½—1 см., дно плоское, край прямой, орнаментъ линейный и ямчатый. Высота второго сосуда (рис. 3)—14 см., діаметръ верхней части 16 см., толщина стѣнки ½—1 см., дно плоское, край немного отогнутъ, орнаментъ линейный и рубчатый. Отъ третьяго сосуда (рис. 4) сохранилась только верхняя часть съ діаметромъ въ 13 см., толщина стѣнки ½—3/4 сант., край прямой, орнаментъ зубчатый. Кромѣ того, въ насыпи найдены три черепка отъ глинянаго сосуда (рис. 5) съ плоскимъ дномъ, немного отогнутымъ краемъ и слѣдами сглаживанья (штриховой орнаментъ); высота этого сосуда 12½ см. Пепла и углей не найдено.

Рис. 4. Курганъ № 1 (2/3).

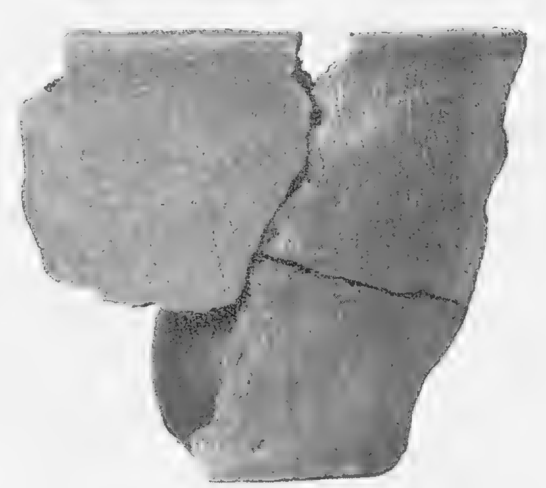

Рис. 5. Курганъ № 1 (1/2).

Камни на вершинѣ кургана могли быть положены одновременно съ сооруженіемъ насыпи, но возможно, что они собраны съ окрестной пашни и сложены сюда крестьянами въ недавнее время.

Курганъ № 2. Діаметръ 45 м., высота 2 м. На вертикальномъ разрѣзѣ кургана замѣтны слѣдующія наслоенія, считая сверху (рис. 7): а) дерновой слой мощностью въ 10 см., б) слой чернозема, составляющій всю массу насыпи, мощностью до 1,9 метра; въ центрѣ насыпи, на площади около 4 кв. метр.—черноземъ съ комками суглинка, плотно слежавшійся, в) слой чернозема съ примѣсью песка или суглинка и съ остатками перегнившихъ стволовъ и вѣтвей деревьевъ; этотъ слой залегаетъ на подпочвѣ и, повидимому, прикрывалъ собою погребеніе. У подошвы кургана окружающая почва имѣетъ слои: черноземъ мощностью въ 50 см., переходный буроватый слой въ 10 см. и подпочва — желтый суглинокъ, ниже красная глина. Въ средней части кургана, нѣсколько ближе къ западному его краю, весь почвенный слой выбранъ въ видѣ котловины, на днѣ которой найдены сосновые горбыли (бревна, распиленныя пополамъ), сложенные слѣдующимъ образомъ (рис. 6—8): съ З. на В., на разстояніи другъ отъ друга около 2 м. два горбыля длиною въ 5 м. и съ діаметромъ въ 65 см., на нихъ съ С. на Ю. положенъ рядъ болѣе тонкихъ горбылей, длиною около 3,5 м. Кругомъ нихъ, а также и подъ ними замѣтны остатки сгнившихъ стволовъ и сучьевъ; весь настилъ подъ тяжестью земляной насыпи проломился, а средина его, площадью въ $2 \times 1\frac{1}{2}$ м., повидимому, вырублена (какъ разъ надъ этимъ мѣстомъ находится уплотненная часть черноземной насыпи, продолжающаяся вглубь до подпочвы). Горбыли сохранились настолько хорошо, что можно было извлечь ихъ почти въ цѣломъ видѣ; подвергся разрушенію главнымъ образомъ наружный слой стволовъ.

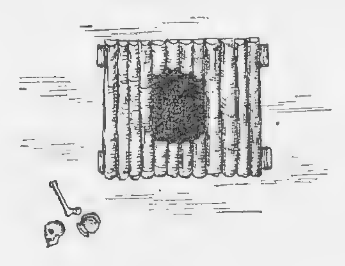

Рис. 6. Курганъ № 2.

Непосредственно подъ настиломъ найдены слѣдующіе предметы: 1) въ сѣверной части мѣдный клинокъ листовидной формы длиной въ 20 см. и

Рис. 7. Курганъ № 2.

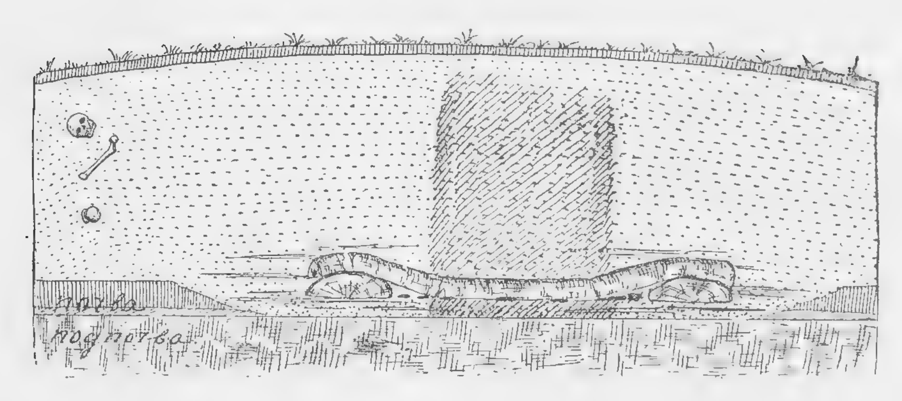

Рис. 8. Курганъ № 2.

шириной 4 см., съ плоскимъ короткимъ стержнемъ на мѣстѣ рукоятки (рис. 9); остатковъ этой рукоятки не удалось обнаружить, но она, несомнѣнно, была, такъ какъ патина, толстымъ слоемъ покрывающая самый клинокъ, на стержнѣ почти отсутствуетъ; 2) въ восточной части мѣдный клинокъ, подобный предыдущему, длиною въ 19 см.; 3) тутъ же обломокъ половинки деревянныхъ ноженъ къ этому клинку съ выемкой для помѣщенія лезвія и съ отверстіемъ для скрѣпленія съ другой половинкой; 4) въ западной части такой-же мѣдный клинокъ, но длиною всего 11,3 см.; 5) въ той же части обломокъ мѣдной тонкой бляхи съ колечкомъ изъ мѣдной пластинки и нѣсколькими отверстіями по краю, въ діаметрѣ около 4 см.; 6) въ той же части кремневый наконечникъ стрѣлы (рис. 10) удлиненной трехугольной формы, длиною 7 см., тщательно ретушированной повторной оббивкой, съ короткимъ стержнемъ для прикрѣпленія къ древку; 7) въ той же части малые, плохо сохранившіеся обломки глиняного сосуда съ плоскимъ дномъ, отогнутымъ внутрь краемъ и

Рис. 9. Курганъ № 2 (2/3).

Рис. 10. Курганъ № 2 (н. в.).

зубчатымъ орнаментомъ; діаметръ горла сосуда 15 см., толщина стѣнки $\frac{1}{2}$—$1\frac{1}{2}$ см.; 8) въ сѣверной части мелкіе, плохо сохранившіеся, обломки

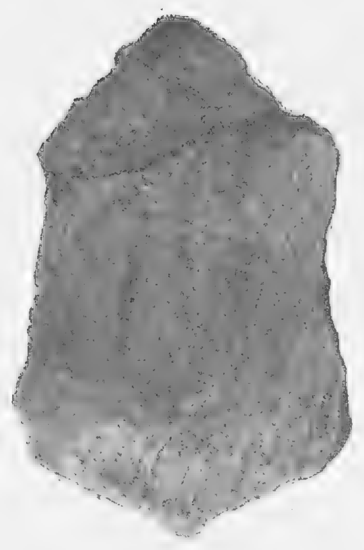

Рис. 11. Курганъ № 2 (2/3).

Рис. 12. Курганъ № 2 (1/3).

верхней части глиняпаго сосуда (рис. 11) съ отогнутымъ наружу краемъ и съ геометрическимъ зубчатымъ орнаментомъ; 9) обрывокъ коры горбыля; 10) около с.-в. угла настила, на глубинѣ 1,30 м. отъ поверхности кургана, глиняный сосудъ выс. 17½ см. (рис. 12) съ почти плоскимъ дномъ, сильно выпуклыми боками, узкимъ горломъ и отогнутымъ наружу краемъ безъ орнамента; 11) надъ этимъ сосудомъ, на глубинѣ 50 см. отъ поверхности кургана, фрагментъ черепа взрослаго субъекта и бедряная кость, лежавшіе почти рядомъ. Костей и пепла не обнаружено.

Для древняго погребенія была сдѣлана на небольшой площади выемка почвы въ видѣ котловины. Положеніе трупа не выяснено, такъ какъ погребеніе расхищено. Хотя на одномъ горбылѣ и замѣчены признаки обугливанія, однако, слѣдовъ трупосожженія не замѣчено. Черепъ и найденный подъ нимъ сосудъ принадлежатъ, повидимому, позднѣйшему погребенію въ курганѣ [1]).

---

[1]) По мнѣнію А. А. Спицына, оба кургана, раскопанные близъ Бугуруслана, принадлежатъ къ позднему періоду старшаго мѣднаго вѣка, въ частности къ типу кургановъ со скорченными погребеніями, которыхъ такъ далеко отъ Волги нельзя было предполагать съ увѣренностью. Имъ аналогія имѣется въ раскопкахъ В. А. Орѣхова въ Хвалынскомъ уѣздѣ. Хищническими раскопками тронуты обѣ насыпи.

II. Случайныя находки и свѣдѣнія о курганахъ.

По сообщеніямъ мѣстныхъ жителей, при земляныхъ работахъ близъ г. Бугуруслана на берегу р. Кунтузлы (у кирпичныхъ сараевъ) неоднократно были находимы костяки въ скорченномъ положеніи, съ 2—3 глиняными сосудами.

Въ 6 верстахъ на С.-В. отъ г. Бугуруслана, близъ с. Лабовки, на лѣвомъ берегу рѣки Мочегая у ключа Жирнаго найденъ желѣзный наконечникъ копья длиною въ 27½ см., съ широкою втулкой (рис. 13). По сообщенію мѣстныхъ жителей, здѣсь же найдены были чугунные котелъ и тарелка. Небольшая площадка, гдѣ беретъ начало ключъ Жирный, представляетъ собою уступъ возвышеннаго стараго берега р. Мочегая, удобный для жилья, хотя ни валовъ, ни ямъ на немъ не замѣтно, кромѣ двухъ небольшихъ углубленій, недавно сдѣланныхъ кладоискателями.

Верстахъ въ 10 на сѣверъ отъ Самары, на лѣвомъ высокомъ берегу р. Волги (мѣстность называется «Барбашина поляна»), на границѣ городской земли и имѣнія г-жи Шошиной, во дворѣ дачи г. Ваклейтера было найдено нѣсколько костяковъ съ многочисленными украшеніями изъ желѣза и бронзы, которые находятся сейчасъ въ Самарскомъ музеѣ. Противъ этого мѣста въ обрывѣ берега Волги мною собраны нѣкоторыя вещи, въ небольшомъ количествѣ.

Курганы замѣчены въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1) Между г. Бугурусланомъ и разъѣздомъ Козловкой, не доѣзжая 1 в. до послѣдняго, къ С. отъ полотна ж. д.—одинъ курганъ.

2) Далѣе, также къ С. отъ полотна ж. д., не доѣзжая ½—1 версты до ст. Заглядино, — два кургана и въ 1 верстѣ за ст. Заглядино — еще два кургана на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга.

3) Въ верстѣ отъ ст. Похвистнево по направленію къ г. Самарѣ, къ С. отъ полотна ж. д.—4 небольшіе кургана.

4) Близъ ст. Толкай, между полотномъ ж. д., рѣчкой Березовской и рѣкой Большой Кинелью—5 кургановъ.

5) Между ст. Толкай и ст. Муханово, на 207 верстѣ къ З. отъ полотна ж. д.—1 курганъ.

6) Противъ ст. Муханово, къ В. отъ полотна ж. д. на горѣ—1 курганъ.

Рис. 13 (1/3).

7) Близъ г. Самары, на В. отъ нея, между рѣкой Самарой

и полотномъ ж. д.,—нѣсколько кургановъ на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга.

8) Въ одной верстѣ отъ ст. Куртамакъ въ сторону Самары, на Ю.-В. отъ полотна ж. д.—10 кургановъ.

9 и 10) Между ст. Куртамакомъ и ст. Тургеневкой къ Ю.-В. отъ полотна ж. д. въ двухъ мѣстахъ по 2 кургана.

11) На востокъ отъ ст. Тургеневки—3 кургана.

Курганы и городища Бугурусланскаго у. Самарской губ.

1) На лѣвомъ берегу рѣки Б. Кинель, въ нѣсколькихъ десяткахъ саж. отъ рѣки, на XVII, XVIII и XIX поселкахъ имѣнія Крестьянскаго Поземельнаго Банка, бывшаго кн. Оболенской, находится группа кургановъ, числомъ около 20; часть ихъ едва замѣтна.

2) Тамъ же, на XX и XXI поселкахъ того же имѣнія—группа въ семь кургановъ.

3) На лѣвомъ берегу р. Б. Кинель, въ ½ верстѣ къ В. отъ станціи ж. д. Заглядино, вдоль южной стороны полотна жел. дороги лежатъ двѣ группы кургановъ (6+3).

4) На лѣвомъ берегу рѣки М. Кинель, около самой деревни Козловки (Троицкой вол.), по ту и другую сторону ручья, впадающаго въ эту рѣку,—по одному кургану.

5) На лѣвомъ берегу рѣки М. Кинель, въ имѣніи б. Шихобалова-Жижиной (Троицкой вол.), на отрубѣ № 10 поселка 3-го—стоячій камень.

6) Тамъ же, на отрубахъ 1 и 2 поселка 4-го (на правомъ берегу рѣчки Осиновки)—одинъ большой курганъ и три малыхъ, а на самомъ берегу рѣчки видны какія-то углубленія, можетъ быть, остатки жилищъ новаго времени.

7) Въ томъ же мѣстѣ и на томъ же берегу Осиновки, на выгонной землѣ поселка 4-го изъ имѣнія бывшаго Сурошникова — одинъ большой курганъ и три малыхъ.

8) Въ имѣніи бывшемъ Татариновой, Троицкой волости, на отрубѣ 22 поселка 1-го (на правомъ берегу р. М. Кинель) на горѣ «Батареѣ» — курганъ полуразрытый; около него найденъ кремень, обдѣланный въ видѣ скребка.

9) Въ томъ же имѣніи, въ поселкѣ 8-мъ (ближе къ р. Б. Кинель): а) на выгонной землѣ найдены черепки, б) на отрубѣ 24-мъ—три кургана и в) на отрубѣ 5-мъ найдены черепки.

10) На В. отъ деревни Козловки, Троицкой волости, верстахъ въ 5 отъ

нея, на землѣ г. Брянчанинова, на горномъ сѣверномъ берегу р. М. Кинель— большой курганъ, разрытый недавно крестьянами; они добыли изъ кургана нѣсколько десятковъ возовъ угля. Кости, бывшія въ курганѣ, собраны мѣстнымъ помѣщикомъ В. Н. Карамзинымъ, который ихъ отправилъ въ Москву.

11) На В. отъ с. Троицкаго, при впаденіи р. Осиновки въ р. М. Кинель, на правомъ берегу Осиновки—три большихъ кургана (изъ нихъ на одномъ построенъ амбаръ) и 11 малыхъ, и на лѣвомъ берегу Осиновки—одинъ небольшой курганъ.

12) На лѣвомъ берегу М. Кинели на полдорогѣ между дер. Козловкой и селомъ Троицкимъ, противъ горы «Шиханъ»—два кургана.

13) Село Троицкое, расположенное на лѣвомъ берегу М. Кинели, стоитъ на курганахъ. На Ю. отъ села также видны курганы.

14) На южномъ берегу Б. Кинели, къ Ю. отъ полотна ж. д. и къ З. отъ д. Козловки,—два кургана.

15) Тамъ же, на полдорогѣ между д. Козловкой и д. Краснояркой—семь кургановъ.

16) Къ Ю. отъ д. Красноярки на правомъ берегу безымяннаго ручья: а) около полотна ж. д. курганъ, б) близъ него, на Ю.—курганъ, окруженный рвомъ и валомъ (?), в) еще къ Ю. на горахъ—три кургана.

17) На Ю.-В. отъ г. Бугуруслана, на горѣ, къ Ю. отъ полотна ж. д.— пять кургановъ.

Курганы и городища Оренбургскаго уѣзда.

1) Въ 5—6 верстахъ къ Ю. отъ Оренбурга, между трактомъ и полотномъ ж. д. (не доѣзжая до каменоломни)— два кургана.

2) Въ 10 в. на Ю.-З. отъ Оренбурга, по лѣвую сторону дороги изъ Оренбурга въ пос. Черновскій—большой и малый курганы.

3) Въ 40 в. отъ Оренбурга на высокомъ лѣвомъ берегу р. Суходола— большой курганъ.

4) Вправо отъ тракта изъ Оренбурга въ пос. Донгузскій, не доѣзжая 5 верстъ до поселка, на высокомъ мѣстѣ курганъ.

5) Близъ поселка Черновскаго, на лѣвомъ берегу рч. Глиной, около впаденія ея въ рч. Черную—два кургана, большой и малый.

6) Тамъ же, на правомъ берегу рч. Пугай—одинъ небольшой курганъ.

7) Въ 15 в. на В. отъ пос. Донгузскаго находится гора «Кузнечная». По разсказамъ крестьянъ, на ней находили старые шлаки. На вершинѣ горы курганъ съ ямой, глуб. около 2 арш. въ центрѣ. Объ этомъ курганѣ упоминаетъ Палласъ. Хорошій снимокъ съ него имѣется въ Оренбургской архивной коммиссіи.

8) На В. отъ Оренбурга, на 7-й верстѣ, вдоль тракта въ поселокъ Неженскій, на сѣверномъ берегу р. Урала—пять кургановъ.

9) На томъ же берегу Урала между пос. Неженскимъ и станицей Каменноозерной шесть группъ кургановъ размѣра 1×45 арш.

10) На востокъ отъ ст. Каменноозерной, въ трехъ верстахъ отъ нея, между трактомъ и р. Ураломъ—три кургана.

11) На 10 верстѣ, по дорогѣ изъ ст. Каменноозерной въ пос. Студенецкій, по лѣвую сторону дороги—три кургана.

12) На лѣвой сторонѣ той же дороги, немного не доѣзжая до пос. Студенецкаго—три кургана.

13) Въ самой деревнѣ Новые Чебенки, на правомъ берегу рѣчки Ташлы—курганъ, отчасти подмытый рѣчкой; говорятъ, что въ немъ находили кости и желѣзныя вещи.

14) Въ 150 саж. отъ дер. Нов. Чебенки къ деревнѣ Кузебановой, на правомъ берегу рч. Ташлы—два кургана ($1^1/_2$ арш.×40 саж.).

15) Еще ближе къ дер. Кузебановой—около десяти кургановъ.

16) Около самой дер. Кузебановой, на сѣверъ отъ нея, находится кольцевой валъ съ общимъ діаметромъ кольца въ 53 саж., при вышинѣ вала въ 1 арш. и ширинѣ—около 10 саж.; на западъ отъ деревни—три кургана.

17) На Ю.-В. отъ с. Исаево-Дѣдово—большой курганъ и близъ него въ $^1/_2$ в. на югъ едва замѣтные остатки кольцевой насыпи (мѣстность гористая—водораздѣлъ между рч. Тогусъ и рч. Чебенкой).

18) На Ю.-З. отъ дер. Пьянчиной—два кургана.

19) Между дер. Никольской и дер. Мустафиной и между трактомъ и р. Самлышемъ—три кургана.

20) На С. отъ дер. Кузьминовки—два кургана, изъ нихъ большій находится подъ кладбищемъ.

21) На В. отъ пос. Чернорѣченскаго, на правомъ берегу р. Урала—три кургана.

22) На З. отъ Оренбурга, въ 1 верстѣ отъ него, на Маячной горѣ могилы и курганы (?), открытые при разработкѣ камня.

Во всѣхъ случаяхъ курганы представляютъ расплывшіяся насыпи изъ чернозема или суглинистаго чернозема безъ камней.

Древности Троицкаго у. Оренбургской губ.

1) Въ 28 верстахъ на западъ отъ г. Троицка, не доѣзжая 4 в. до пос. Осиповскаго, на участкѣ г. Алаева, по южную сторону тракта—могила съ кольцомъ изъ вертикально поставленныхъ камней. На сѣверной сторонѣ тракта группа кургановъ числомъ около десяти, изъ которыхъ 2 большихъ.

2) Близъ поселка Самарскаго 2-го, на сѣверной сторонѣ тракта, на правомъ берегу р. Самары, въ 1 верстѣ отъ поселка—курганъ, на лѣвомъ берегу той же рѣчки—стоячій камень.

3) При сліяніи рѣкъ Самарки и Уя, на лѣвомъ берегу Самарки—стоячій камень, а около него на В.—около десяти могилъ, обставленныхъ кругами изъ камней; еще дальше на В., на томъ же лѣвомъ берегу р. Уя—два стоячихъ камня, покрытыхъ третьимъ камнемъ—плитой (на З. отъ 1-го Херсонскаго хутора).

4) На правомъ берегу р. Уя, близъ поселка Водопьяновскаго товарищества, на В. отъ Киргизскаго улуса—около 10 могилъ, обставленныхъ кругами камней, и среди нихъ два большихъ стоячихъ камня.

5) Почти противъ этого мѣста, на лѣвомъ берегу р. Уя, къ З. отъ дер. Перчаткиной (Двинянинскаго товарищества)—стоячій камень.

6) На З. отъ г. Троицка и на С.-З. отъ пригородныхъ дачъ—курганъ, обставленный кругомъ камней.

7) Между г. Троицкомъ и расположенными отъ него на В. мельницами видно нѣсколько рядовъ торчащихъ изъ земли камней; возможно, что здѣсь также находятся могилы.

8) Въ 30 верстахъ на сѣверъ отъ г. Троицка и 10 в. на западъ отъ с. Мордвиновки, на южномъ берегу оз. Собакина видны остатки вала.

9) Вдоль тракта изъ пос. Березовскаго въ пос. Каракульскій: на 7 верстѣ къ югу отъ тракта—курганъ; на 12-й верстѣ къ югу отъ тракта—курганъ; на 18-й в. къ югу отъ тракта—два кургана и еще южнѣе ихъ—три кургана.

10) Вдоль тракта изъ пос. Каракульскаго въ пос. Ключевской: на 8-й верстѣ къ югу отъ тракта—курганъ; на 13-й в. къ сѣверу отъ тракта—три кургана и еще дальше къ сѣверу—одинъ курганъ; на 15-й в. къ югу отъ тракта—одинъ курганъ; на 17-й в. къ сѣверу отъ тракта два

кургана; на 21-й в. къ сѣверу отъ тракта—одинъ курганъ; на 23-й в. къ сѣверу отъ тракта, на горѣ—три кургана.

11) Въ 10 верстахъ отъ с. Мордвиновки, по дорогѣ въ него изъ Троицка—курганъ.

Древности Челябинскаго уѣзда.

1) Въ 5 верстахъ отъ пос. Верхне-Алабугскаго—«Чумаковъ логъ», въ которомъ видна яма шириной 3 саж. и глубиной 2 арш.; говорятъ, что тутъ нашли мѣдныя деньги. Существуетъ преданіе, что раньше здѣсь жилъ киргизъ «Чумакъ».

2) Въ 6 верстахъ на югъ отъ пос. Верхне-Алабугскаго—курганъ вышиной около 2-хъ саж. и два меньшихъ кургана; лѣтъ 30 назадъ большой курганъ крестьяне копали, но ничего не нашли. Легенда: курганы насыпаны чудаками.

3) Близъ пос. Верхне-Алабугскаго казакъ Бородинъ выпахалъ кольчугу (въ Оренбургскомъ музеѣ?).

4) Въ урочищѣ «Алабугскій боръ», по разсказамъ крестьянъ, находятся старыя киргизскія могилы.

5) Въ 6 верстахъ отъ пос. Верхне-Алабугскаго, на песчаномъ берегу р. Тобола, у мыса «Кобылья лука» крестьяне нашли три мѣдныхъ копья.

6) На полпути между пос. Верхне-Алабугскимъ и стан. Звѣриноголовской, около самаго тракта, съ южной его стороны—валъ съ рвомъ квадратной формы, вышиною около 2 арш., при длинѣ стороны въ 30 арш.; внутри—яма глубиной въ 2 арш.; въ восточной сторонѣ—входъ. Говорятъ, что тутъ былъ казачій маякъ и еще недавно видны были деревянныя стойки.

7) Между станицей Звѣриноголовской и пос. Верхне-Алабугскимъ курганъ выс. 5 арш., діам. 25 арш., на вершинѣ его сравнительно свѣжая яма. Говорятъ, что 20 лѣтъ назадъ около самаго кургана нашли мѣднаго идола вершковъ 5 вышиной, теперь же на курганѣ находятъ кости и черепки.

8) Въ ½ верстѣ отъ пос. Верхне-Алабугскаго на В. находятся песчаные выдувы; въ нихъ крестьяне находили мѣдныя копья.

9) Говорятъ, что въ 3 верстахъ отъ станицы Звѣриноголовской, по дорогѣ въ Куртамышъ и влѣво отъ нея—курганъ вышиною 5 арш., діам. 25 арш., съ ямой на вершинѣ, окруженный глубокимъ рвомъ.

10) Въ 7 верстахъ отъ пос. Верхне-Алабугскаго (около с. Боровлянки Курганскаго у.) на пашняхъ крестьяне находили кольчуги.

11) На сѣверъ отъ ст. Усть-Уйской, въ одной верстѣ отъ нея течетъ ручей Котельный (вѣрнѣе, заливъ р. Тобола); на лѣвомъ берегу его—три кургана. Говорятъ, что мѣдныя вещи находили въ самой станицѣ Усть-Уйской.

12) Пос. Кочердыкскій. У учительницы А. П. Сокоревой имѣется цѣлая желѣзная кольчуга, найденная въ этой мѣстности.

13) Въ 10 верстахъ отъ Кочердыкской слободы (не пос. Кочердыкскій) на югъ и на западъ отъ пос. Анновскаго товарищества, между двумя небольшими озерами—два кургана.

14) Въ 7 верстахъ на югъ отъ пос. Анновскаго товарищества находится пос. Березовскаго товарищества и далѣе на югъ—Дворянскій хуторъ. Къ югу отъ Березовскаго товарищества находится одинъ курганъ и къ западу отъ Дворянскаго хутора—одинъ курганъ.

15) Около поселка Московскаго товарищества (верстахъ въ 15 отъ Дворянскаго хутора) на ю.-в. берегу озера Щучьяго—два кургана.

16) Отъ Щучьяго озера въ 7 верстахъ на югъ расположена заимка «Бугорки» (уч. Епанешникова), названная такъ вслѣдствіе имѣющихся здѣсь весьма многочисленныхъ бугорковъ выс. ½—1 арш. при ширинѣ въ 2—3 арш. (могилы?).

17) По дорогѣ изъ Чистенькаго оз. въ пос. Крутоярскій влѣво отъ дороги, на 2-й верстѣ, на возвышенномъ мѣстѣ—курганъ вышиной 4 арш. Говорятъ, что въ немъ нашли стволъ лиственницы толщиною въ 2 обхвата.

18) На западъ отъ пос. Крутоярскаго въ 25 верстахъ, ближе къ заимкѣ Сысоева, въ 2 верстахъ на западъ отъ оз. Деньгина—курганъ вышиной 4 арш.

Акмолинская область.

Передаютъ, что въ 150 верстахъ отъ Кокчетавска, въ 100 саж. отъ «Каретнаго озера» находится высокій курганъ. Когда-то его копали и нашли въ немъ мѣдный котелъ, хранящійся теперь, кажется, въ г. Петропавловскѣ, и «золотую карету», которая тотчасъ же сама скатилась въ озеро, отчего оно и получило свое названіе, а путь, по которому катилась карета, и сейчасъ замѣтенъ въ видѣ глубокаго рва.

В. Толмачевъ.

Нѣсколько статуэтокъ.

1. Статуэтка амура, изъ желтой бронзы (рис. 1). Отливка грубая, но композиція выразительная, выработанная. Фигура изображена на ходу, что представлено, во-первыхъ, движеніемъ ногъ, а во-вторыхъ, характернымъ наклономъ туловища впередъ. Амуръ съ усердіемъ играетъ на флейтѣ; голова его поднята, щеки надуты, руки на ладахъ. Волосы обработаны отдѣльными прядями, почти кудрями; на спинѣ короткія крылья, изъ которыхъ одно обломано. Постаментъ узкій, круглый, фигурный. Статуэтка покрыта темною патиною, просвѣчивающею на стертыхъ мѣстахъ. Высота всей подѣлки 11 сант., одной статуэтки—8 см. Найдена гдѣ-то въ Аткарскомъ у. Саратовской губ. и хранится въ собраніи 2-ой Саратовской гимназіи.

2. Бронзовая статуэтка «рудокопа» (рис. 2) изъ сибирской коллекціи Флорова (Имп. Эрмитажъ). Найдена гдѣ-то въ Алтайскомъ округѣ. Лицо энергичное, съ длинными усами, поднятыми вверхъ, съ острымъ подбородкомъ и большими глазами. Острая шапка съ мѣховой оторочкой, рогомъ впереди и шаромъ вверху; кажется, она имѣетъ назатыльникъ (кожаный?). Изъ-подъ шапки на бокахъ выбиваются пряди или локоны волосъ. На шеѣ два ряда бусъ, изъ которыхъ нижній имѣетъ три подвѣски въ видѣ полушарій впереди; на спинѣ мѣшочекъ; впрочемъ, онъ можетъ относиться къ оторочкѣ назатыльника шапки. Короткій набедренникъ съ особымъ передникомъ. Въ рукахъ кинжалъ или подобное орудіе съ нанизаннымъ на него неопредѣленнымъ предметомъ и какая-то булава въ видѣ стержня съ кружкомъ на верху. На ногахъ остроносыя туфли. Пьедесталъ имѣетъ форму позднѣйшаго постамента. Матеріалъ—бронза, близкая къ мѣди, красная. Статуэтка покрыта патиной, при первомъ взглядѣ не внушающею подозрѣнія. Патины лишена лишь обратная сторона постамента, которая, кромѣ того, грубо обработана напилкомъ и вообще производитъ впечатлѣніе новодѣла. Такъ какъ патина верхней части постамента и матеріалъ ея одинаковы съ остальными частями подѣлки, то является невольное предположеніе, не была ли патина нанесена искусственно и не

Рис. 3 (н. в.).

Рис. 1 (3/4).

Рис. 4.

Рис. 2 (ок. 2/3).

Рис. 5 (1/2).

Рис. 6 (2/3).

Рис. 7 (н. в.).

изготовлена ли вся статуэтка въ позднѣйшее время, но пока трудно высказаться по этому вопросу вполнѣ опредѣленно. Я. И. Смирновъ предполагаетъ, что статуэтка поздняя и вылита гдѣ нибудь въ Индокитаѣ.

3. Представляемъ болѣе точный рисунокъ извѣстнаго бронзоваго всадника собранія гр. Строгановыхъ, найденнаго у дер. Малый Туй Пермскаго у. (рис. 6. Атласъ Аспелина, в. 2, стр. 123). Характерна трактовка волосъ, бороды и усовъ, интересенъ поясъ, сапоги, одежда въ мелкихъ складкахъ. Кажется, сѣдло совершенно свободно, и всадникъ могъ служить крышкой сосуда. На затылкѣ какое-то ушко.

4. Мѣдная статуэтка всадника (рис. 3) съ длинными волосами, впрочемъ, не падающими на плечи; едва ли это головной уборъ. Кажется, есть пейсы. Поводья въ лѣвой рукѣ, правая опущена и не закончена. Оружія, повидимому, нѣтъ, но все же спереди отъ пояса какъ будто что-то спускается. Конь сѣрый, бодрый, жизненный. У него большая тяжелая голова, смягченная высокой гривой, чолка. Сѣдло съ переднею и заднею луками и круглою полостью. Чрезъ всю фигуру проходитъ прямая правильная прорѣзь; въ заду есть отверстіе, въ груди нѣтъ. Это приспособленіе не для замка, а для помѣщенія на какомъ-то стержнѣ. Внутри остатки черной землистой массы, какъ во многихъ статуэткахъ; бронза желтая. По сѣдлу статуэтка напоминаетъ каменную, найденную въ 1904 г. въ Бердянскомъ уѣздѣ (*Отчетъ Имп. Арх. Комм.* 1904 г., стр. 127). Происходитъ изъ Увека и датируется татарскимъ временемъ. Сохраняется въ Саратовскомъ музеѣ.

5. Мѣдный всадникъ (рис. 4), найденный въ Литвѣ, изъ коллекціи Люценка (*Труды Кіевск. Археолог. Съѣзда*, т. II, стр. 203, рис. на табл. IV, 4). Пріобрѣтенъ отъ Бердичевскаго купца. «На бородатой съ эспаньолкой головѣ съ женскимъ лицомъ на затылкѣ находится какая-то шапка или толстый рогъ». Такимъ образомъ, всадникъ двуликій, что и составляетъ его главный интересъ.

6. Мѣдная статуэтка всадника (рис. 8 *а—г*) въ Московскомъ Историческомъ музеѣ [1]). Туловище всадника довольно тонкое и стройное. Грудь выпуклая, животъ не выдается, но и не втянутъ; на спинѣ рѣзко очерченъ хребетъ, раздваивающійся у шеи для обозначенія лопатокъ. Голова круто повернута кверху вправо, какъ бы глядя на небо. Лицо широкое съ узкимъ подбородкомъ и узкимъ теменемъ, съ широкимъ, плоскимъ носомъ и широкими ушами;

[1]) Издана въ статьѣ Я. И. Смирнова въ *Археолог. Извѣстіяхъ и Зам., изд. Имп. Моск. Арх. Общ.*, 1895 г., стр. 99.

Рис. 8 *а* (1/2).

Рис. 8 *б* (2/3).

Рис. 8 *в* (2/3).

глаза прямые, рта и усовъ не видно. Волосы раздѣланы шестью отдѣльными, слабо выраженными прядями, изъ которыхъ двѣ идутъ тотчасъ отъ бровей; не думаю, чтобы это была шапка, тѣмъ болѣе, что вся статуэтка обнажена; по срединѣ проборъ. Шея толстая. Въ головѣ болѣе всего бросается въ глаза широкое лицо и широкій носъ. Лѣвая рука, сломанная, направлена къ уздѣ, правая характерно вывернута за спину, согнутою ладонью кверху, какъ будто что-либо пряча; пальцевъ не видно. Туловище нѣсколько наклонено впередъ, какъ во время ѣзды. Всадникъ сидитъ на сѣдлѣ плотно. Онъ вылитъ отдѣльно и припаянъ. Конь тяжелыхъ формъ, со слабыми ногами, вскачь. Наиболѣе реальна голова; гривы нѣтъ, уши короткія. Хребетъ очень отчетливъ, въ видѣ грани. Узда если не вся, то частью припаяна. Сѣдло красивое съ чапракомъ. Двѣ массивныя луки, совершенно круглыя. Чапракъ хорошей формы, съ каймою. Подпруга въ видѣ широкаго ремня. Нагрудный ремень заканчивается петлею; задній ремень украшенъ у сѣдла и надъ лопаткой лопастями. Луки, можетъ быть, вылитыя, а всѣ ремни припаяны. Хвостъ свернутъ въ узелъ. Кажется, что ноги вылиты отдѣльно и припаяны. Литье въ общемъ чистое, но правая передняя нога, можетъ быть, не долита; есть дефектъ въ литьѣ и другой ноги, почему она и отстала. Статуэтка столь тяжела, что производитъ впечатлѣніе отлитой цѣликомъ изъ металла; булавка встрѣчаетъ полое пространство подъ чапракомъ и въ задней части. Землистой массы внутри не чувствуется. Вся статуэтка покрыта патиной средняго достоинства, очень вытертой въ разныхъ мѣстахъ. Происходитъ изъ Донской области.

7. Мѣдная статуэтка всадника (рис. 9) изъ Воронежскаго музея. Представленъ, кажется, литаврщикъ. На лицѣ большой носъ. На головѣ высокая шапка. Чапракъ круглый. Узда скрѣплена съ переднимъ ремнемъ отъ сѣдла, такъ что лошадь не можетъ по произволу поднимать голову. Я. И. Смирновъ склоненъ признавать эту статуэтку индійскою.

8. Уродливая статуэтка (рис. 5), продававшаяся въ 1911 г. въ Москвѣ; съ нею насъ ознакомилъ Н. П. Булычевъ. Работа очень грубая. Глаза обозначены каймою. Ротъ выдѣланъ напилкомъ и просверленъ отверстіями для обозначенія зубовъ. Животъ довольно выпуклый, руки не вылиты.

9. Мѣдная статуэтка женщины съ запеленатымъ младенцемъ (рис. 10 *а* и *б*), желтой мѣди. Фигура обнаженная, но въ высокомъ головномъ уборѣ; выступающіе изъ-подъ шапочки выпуски, коса сбоку и накидка на волосы напоминаютъ головной уборъ каменныхъ бабъ. Линіи тѣла спереди и сзади обозначены глубокими чертами и ямками, напоминающими алтайскаго рудо-

Рис. 9.

Рис. 8г (2/3).

кона. Младенецъ представленъ кричащимъ и въ безпокойствѣ. Жестъ матери (палецъ правой руки у подбородка) непонятенъ. Фигура свободно сидитъ на постаментѣ въ видѣ круглой подушки или стула. Статуэтка находится въ частномъ владѣніи и была намъ временно доставлена В. В. Сахаревымъ.

10. Мѣдная статуэтка съ запеленатымъ младенцемъ (рис. 11 *а* и *б*) изъ Ростовскаго музея, можетъ быть, также женская. Сюжетъ въ общемъ тотъ же. У младенца глаза и пупокъ, а у взрослаго глаза въ видѣ кружка съ точкою посрединѣ. Подъ правымъ плечомъ фигуры отверстіе для прикрѣпленія (*Антропологи. Выст.* III, 68). Найдена въ Ростовѣ и принадлежала А. А. Титову.

11. Мѣдная мужская (?) статуэтка (рис. 12 *а* и *б*). Длинные волосы, короткая борода (?), шапка съ помпономъ и лопастями по опушкѣ, кафтанъ съ воротомъ, подоломъ и пышными сборками. Судя по техникѣ и композиціи, видимо, поздняя, но время не можетъ быть указано безъ длительныхъ изысканій. Найдена тоже въ Ростовѣ и принадлежала А. А. Титову (*Антроп. Выст.* III, 68).

12. Бронзовая статуэтка изъ Полтавской губ. (рис. 13), давно обратившая на себя вниманіе изслѣдователей, ошибочно принимавшихъ ея нарядъ за древне-русскій [1]), тогда какъ онъ, видимо, западно-европейскій. Для опредѣленія времени подѣлки требуются, кажется, лишь несложныя справки. Хранится въ музеѣ Кіевскаго университета; найдена у г. Хорола, слѣдовательно, на р. Пслѣ.

13. Древняя буддійская статуэтка факира изъ Тамбовской губ. (рис. 16 *а* и *б*). Фигура совершенно обнаженная, истощенная постомъ, безстрастно-спокойная. Бронза замѣчательно теплаго, жизненнаго тона. Найдена въ 1900 г. у с. Стежекъ Козловскаго у. Тамбовской губ. [2]).

14. Мѣдная статуэтка божка (?), найденная въ г. Вяткѣ (рис. 7). Плоская. Фигура до пояса обнаженная, ниже въ короткой юбочкѣ. Лѣвая рука на бедрѣ, правая держитъ рогъ для питья. На головѣ ушко для подвѣшиванія. По техникѣ и сюжету подвѣска не имѣетъ аналогій въ древностяхъ Камскаго края. Передана нами въ Имп. Московское Археологическое Общество [3]).

15. Мѣдная фигура борака (рис. 17), изъ раскопокъ въ Царевѣ (Имп. Эрмитажъ). Туловище грузное и не изящное; узкая птичья грудь мыскомъ,

---

[1]) Прохоровъ В., Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ. 1881 г., стр. 52 (рис.).

[2]) *Изв. Тамб. архивной комм.*, вып. 48, стр. 16.

[3]) Спицынъ, Какъ вотяки представляли себѣ бога грома. *Вятскія Вѣд.* 1886 г. № 80.

Рис. 10 *а* (н. в.).

Рис. 10 *б* (н. в.).

Рис. 11 *а* (н. в.).

Рис. 11 *б* (н. в.).

Рис. 12 *а* (н. в.).

Рис. 12 *б* (н. в.).

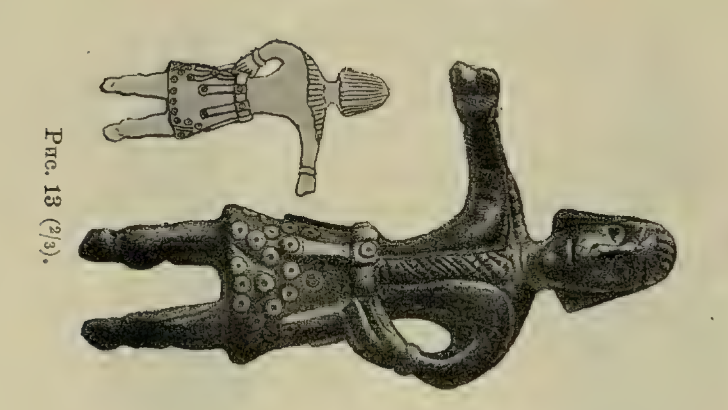

Рис. 13 ($^{2}/_{3}$).

Рис. 14 ($^{1}/_{2}$).

Рис. 15.

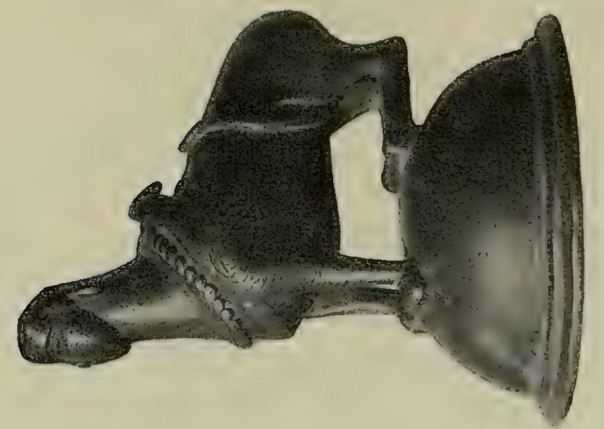

Рис. 17.

Рис. 16 б (1/2).

Рис. 16 а (1/2).

широкая шея; на шеѣ ожерелье въ видѣ ленты съ нанизанными на нее крупными камнями. Лицо женское. На головѣ узкая повязка, переходящая на затылкѣ въ родъ косы; на темени 4 локона, за ушами по длинному локону. Крылья очень легкія и узкія, въ 3 пера съ закручивающимися концами. Хвостъ съ широкимъ основаніемъ и заканчивается кистью. Фигура сидитъ на заднихъ ногахъ, можетъ быть, для удобства постановки на сферѣ. Постаментъ полушарый, съ широкою каймою. Вылита изъ желтой мѣди и покрыта красноватою патиною, почти совершенно счищенною. Внутри сѣрая землистая масса. Ноги вылиты вмѣстѣ съ туловищемъ, а постаментъ, повидимому, отдѣльно. На фигурѣ слѣды насѣчекъ. Она немного наклонена вправо, можетъ быть, отъ употребленія. Высота 12,5 с., ширина около 10 с.

16. Любопытная статуэтка, найденная въ 1880-хъ гг. въ д. Ивановѣ, Невельскаго у. Витебской губ. (рис. 14), при копаніи рва, на глубинѣ 1 арш. Статуэтка двуликая. Въ лѣвой рукѣ запеленатый младенецъ, покрытый шапочкой или колпакомъ; въ правой рукѣ какое-то животное, въ родѣ зайца. На спинѣ накидка, испещренная неопредѣленными знаками или орнаментомъ, съ фигурою солнца или мѣсяца. Концы головного убора спускаются на грудь широкими лопастями. На подолѣ и туловищѣ неопредѣленныя фигуры. Статуэтка лѣпная, изъ какой-то известковой массы, съ примѣсью мелко раздробленныхъ камешковъ въ нижней части. Высота 18 сант. Находилась въ собраніи М. Кусцинскаго [1].

17. Помѣщаемъ рисунокъ каменнаго болвана Новгородскаго музея (рис. 15), чтобы обратить вниманіе на эти начавшія попадаться изваянія. Фигура представляетъ собою почти совершенно необработанную песчаниковую плиту въ видѣ столба, съ кварцевою порослью вверху, подъ которою высѣчены очертанія лица. Въ общемъ она напоминаетъ старыя самоѣдскія изображенія этого рода, но не столь груба. Болванъ найденъ въ окрестностяхъ Новгорода. Въ музеѣ имѣется еще другой подобный каменный болванъ, а третій въ Псковскомъ музеѣ.

А. Спицынъ.

[1] К. М., O posążku znalezionym w pow. Newelskim. *Wiad. num.-archeolog.* II, стр. 47 (рис.).

Дополненіе къ статьѣ о Михалковскомъ кладѣ.

Изъ Михалковскаго клада въ Вѣнскомъ Естественно-Историческомъ музеѣ сохраняются:

1) большая бляха изъ золотой пластинки въ формѣ трапеціи,

2) пронизки: типа рис. 4 № 14—3 экз., № 9—3 экз., № 1—1 экз.,

3) бусы: типа того же рисунка № 12 — 2 экз., № 20 — 17 экз., № 18—много, типа табл. II рис. внизу слѣва, разной величины,—10 экз.

Поѣздка моя по Австрійскимъ музеямъ въ 1914 г. показала, что Михалковскій кладъ по своему содержанію прежде всего и больше всего примыкаетъ къ *многочисленнымъ* венгерскимъ кладамъ золотыхъ вещей, еще не обратившимъ на себя должнаго вниманія и, въ сущности, представляющимъ отдѣльную, особую группу древностей. Изъ Михалковскихъ вещей въ этой группѣ мы не могли бы указать лишь чашки, вѣнчика, крестовидной бляхи и, пожалуй, еще гладкой шейной гривны. Все остальное имѣется, нерѣдко въ тождественныхъ формахъ; встрѣчается даже столь, казалось бы, рѣдкая форма, какъ фигурный наконечникъ (табл. II № 1).

Эта золотая культура распространена какъ разъ тамъ, гдѣ или вовсе нѣтъ Гальштатта, или же онъ слабо развитъ. Болѣе всего ихъ приходится на Венгрію, гдѣ они извѣстны всюду, кромѣ частей сѣверныхъ, западныхъ задунайскихъ и южныхъ замарошскихъ; но еще южнѣе, въ Славоніи, они снова выходятъ. Внѣ этого основного района золотые клады отчасти извѣстны и подъ Вѣной, куда они зашли изъ сосѣднихъ провинцій Венгріи; единичные клады извѣстны изъ Силезіи и Бранденбурга.

По характеру вещей золотая культура прежде всего заключаетъ въ себѣ несомнѣнные и характерные элементы поздняго Венгерскаго бронзоваго вѣка,— напр., топоры съ фигурнымъ тыльемъ, спиральные браслеты, браслеты съ завитками на концахъ, топоры-клинья, кинжалы, очковыя фибулы, нѣкоторые виды подвѣсокъ. Во-вторыхъ, всякій изслѣдователь узнаетъ въ нихъ нѣкоторые типы Гальштатта, особенно же разнообразныя фигуры и бляхи. Въ-третьихъ, что

особенно важно, среди нихъ оказываются вещи, не примыкающія ни къ бронзовому вѣку, ни къ Гальштатту, и которымъ аналогіи приходится искать въ Греціи, Малой Азіи и, вѣроятно, въ Болгаріи. Такъ какъ гальштаттскія фибулы и различныя другія вещи своими прототипами имѣютъ также подѣлки этого района, то ясно, что прямой связи между золотой культурой и Гальштаттомъ, вѣроятнѣе всего, и не было, и слѣдовательно, естественнѣе предполагать, что эта культура сложилась изъ культуры Венгерскаго бронзоваго вѣка и древне-греческой. Районъ распространенія ея, какъ мы видѣли, не совпадаетъ съ райономъ Гальштатта. Поэтому былъ болѣе правъ Гадачекъ, искавшій аналогіи Михалковскому кладу прежде всего въ Греціи.

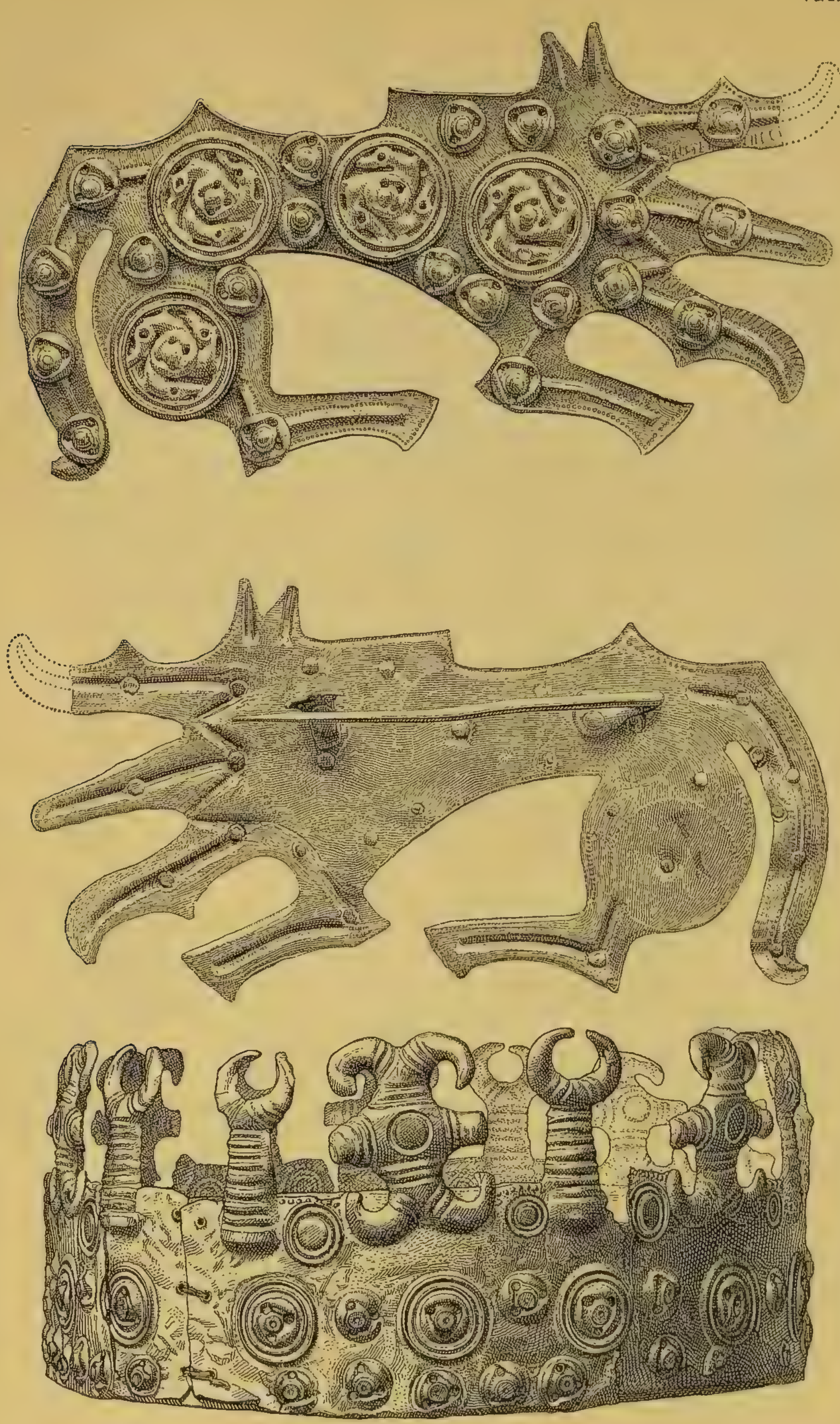
По времени золотая культура можетъ быть отчасти современна Гальштатту, какъ она современна и Венгерскому позднему бронзовому вѣку. Послѣднее очень характерно выступаетъ въ тѣхъ немногихъ кладахъ, гдѣ золотыя вещи смѣшаны съ бронзовыми (напр., Stollhof у Нейштадта въ Австріи). Любопытно, что фибулы данной культуры, а слѣдовательно и Михалковскаго клада, выступаютъ (конечно, въ видоизмѣненномъ видѣ) еще въ старшемъ латенѣ, если сюда отнести могильники типа St. Lucia и Waatsch.

Лучшія аналогичныя древне-греческія вещи изготовлены также изъ золота. Мода на этотъ металлъ могла заразить и древнихъ обитателей Венгріи, чрезъ Болгарію и Дунай. Въ Венгріи не мало золота, но оно, насколько можно судить по коллекціямъ Будапештскаго музея, внѣдрено въ горныя породы и не легко добывается. Изъ чьего-же золота сдѣланы вещи всѣхъ этихъ венгерскихъ золотыхъ кладовъ?

Какъ бы то ни было, но Михалковскій кладъ понятенъ только въ связи съ венгерской золотой культурой, серьезное изученіе которой еще и не начато. Агаѳирсы могли примыкать только къ этой культурѣ.

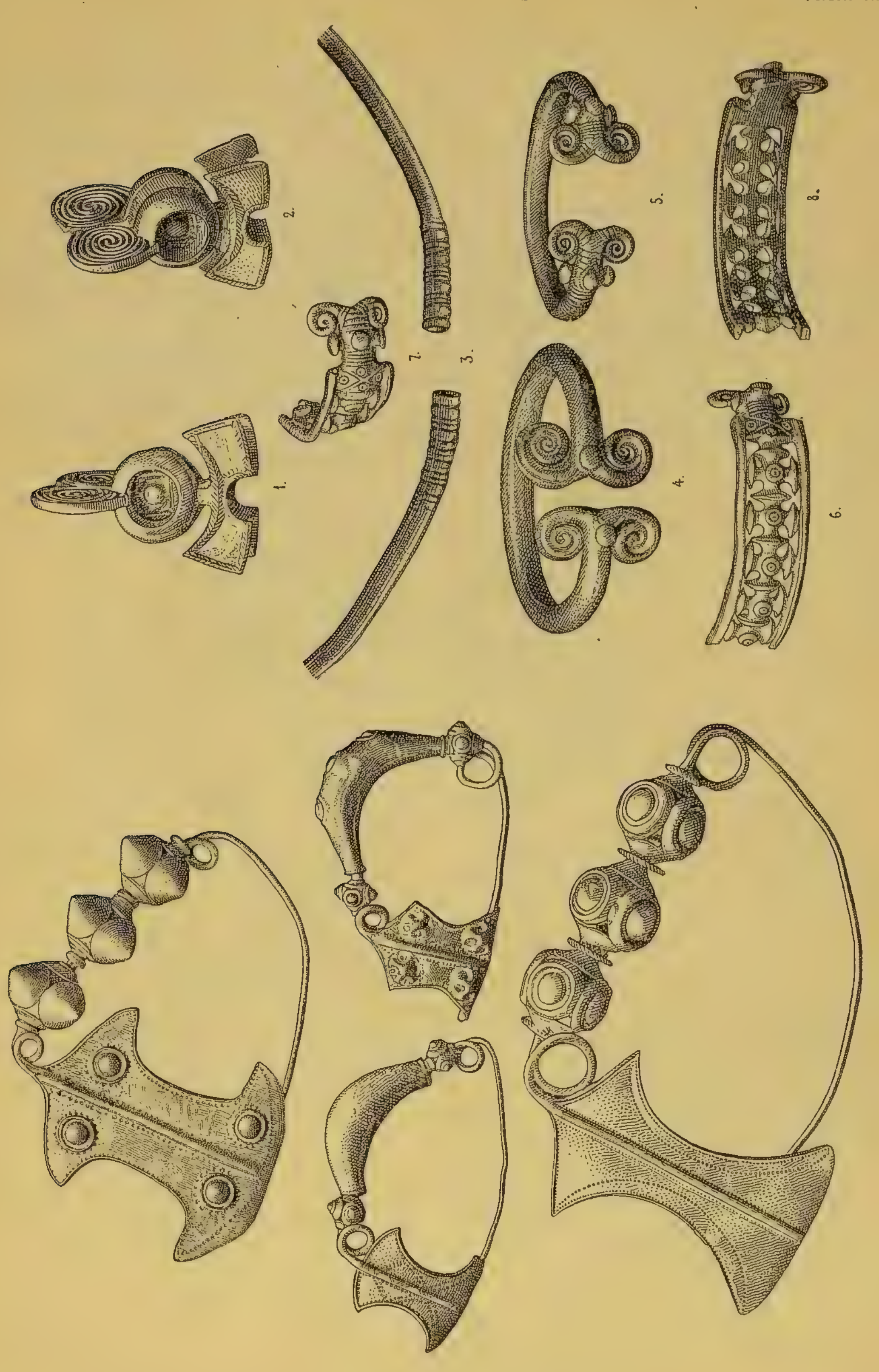
А. Спицынъ.

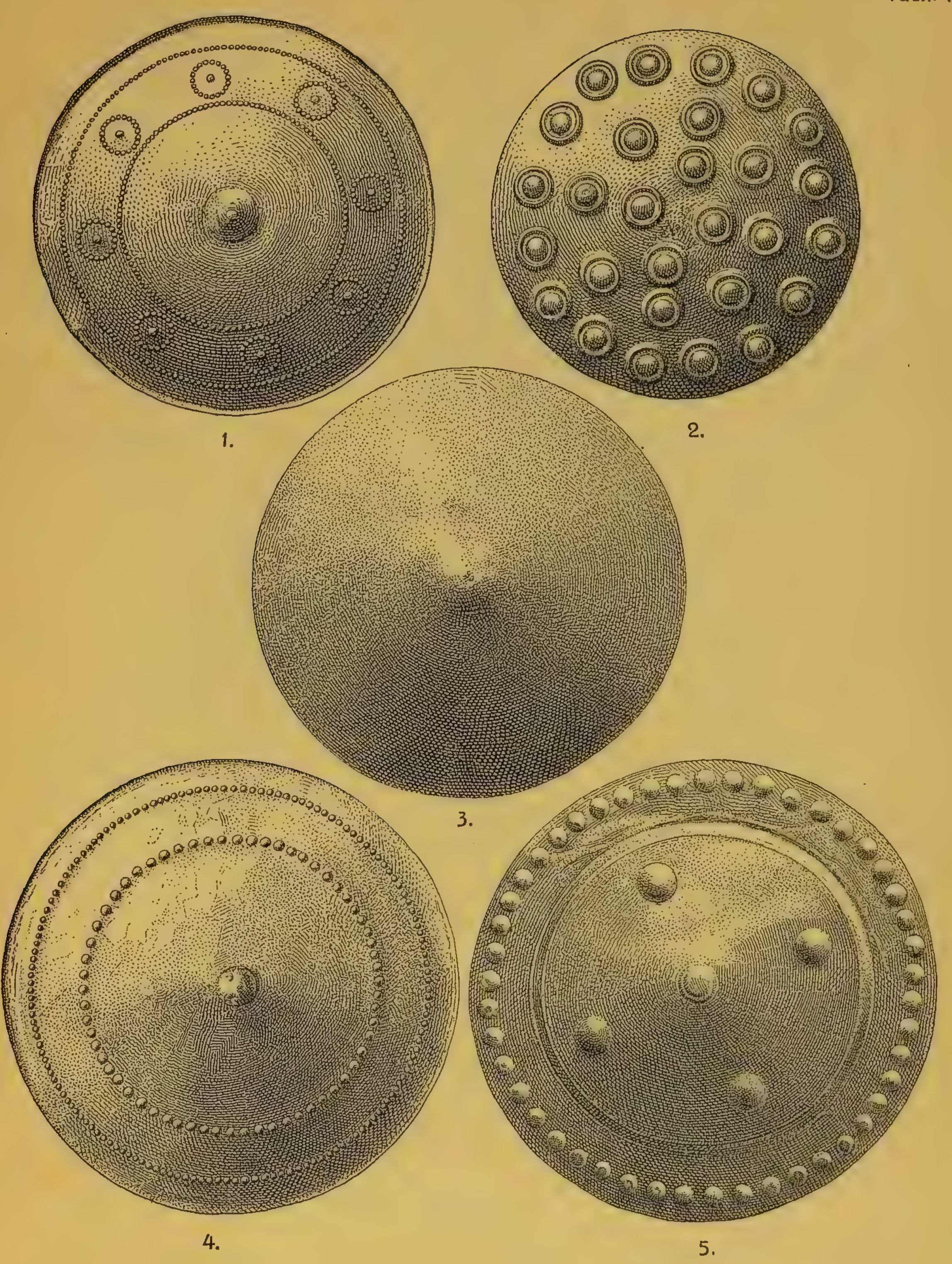
Михалковскій кладъ.

Табл. II.

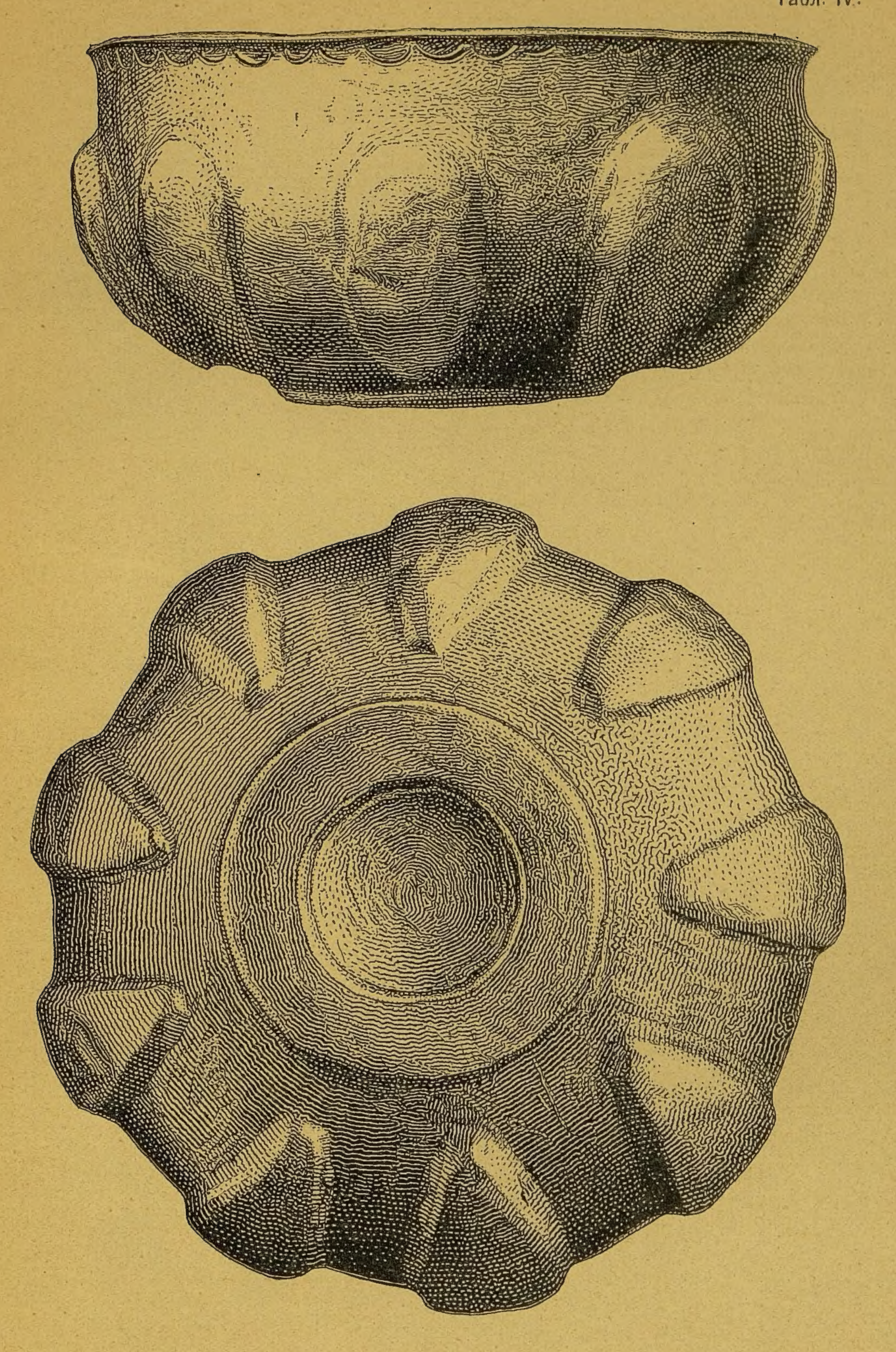

Михалковскій кладъ.

Табл. III.

Михалковскій кладъ.

Михалковскій кладъ.